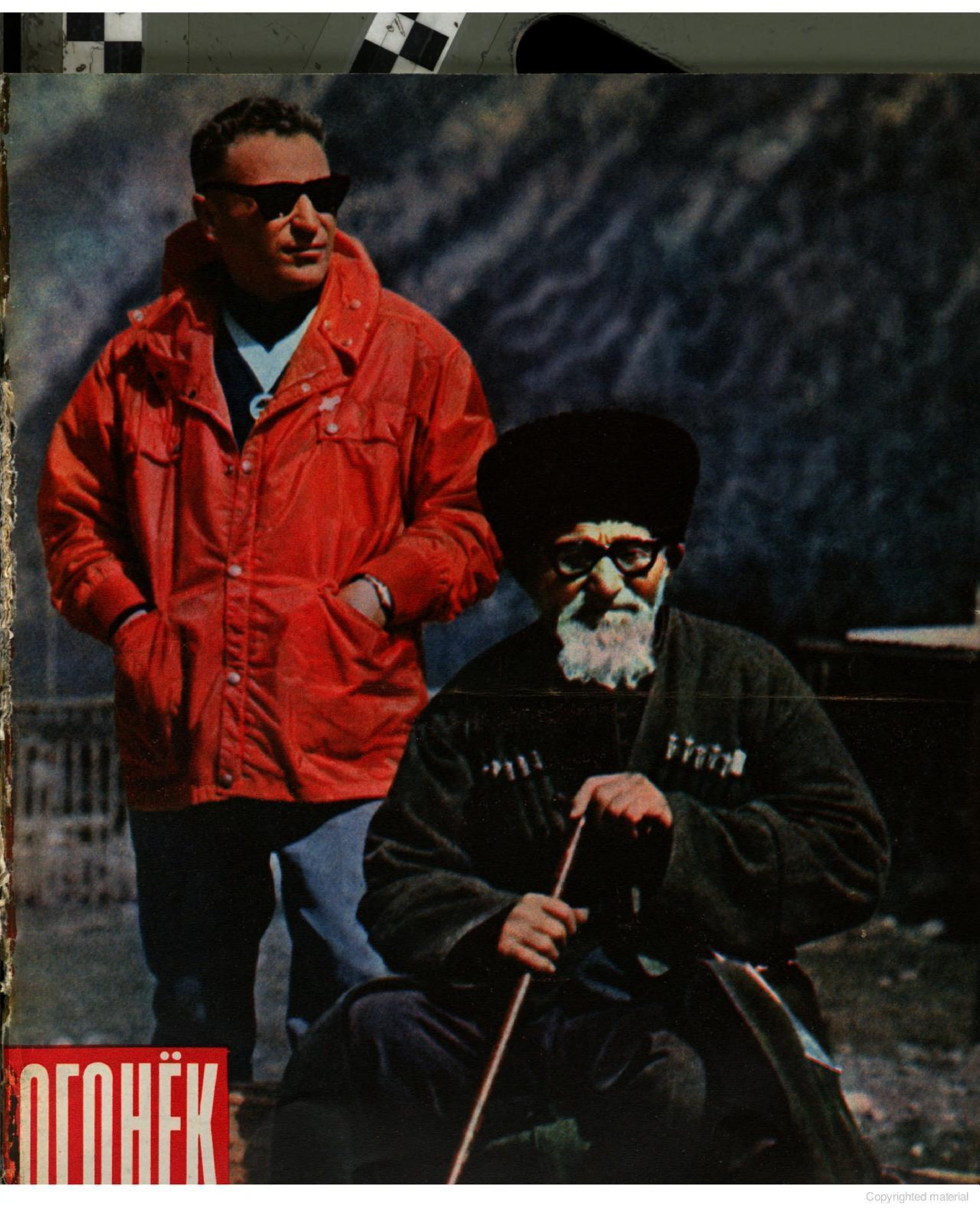

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

46-й год издания

№ 38 (2151)

14 СЕНТЯБРЯ 1968

Так начинается этот город.

БИЛЕТ... ДО СЧАСТЬЯ

Звено монтажников на стройке третьей очереди: Василий Майлат из Сумской области, Николай Гомелюк из Черкасской и Георгий Ангельчев из Молдавии. Это уже не первая их стройка.

«И СПРОС И ЗАПРОСЫ НА ВЫРОСТ» — ТАК НАЗЫВАЛАСЬ БЕСЕДА ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ, КОТОРАЯ БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА В 27-М НОМЕРЕ «ОГОНЬКА». БЕСЕДА ШЛА ТОГДА О НОВЫХ ГОРОДАХ — ОБ ИХ РАДОСТЯХ И БЕДАХ. ОДНАКО В ОДНОМ РЕПОРТАЖЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЫХ ГОРОДОВ ИСЧЕРПАТЬ НЕВОЗМОЖНО. СЕГОДНЯ МЫ ВНОВЬ ВОЗВРАЩАЕМСЯ К ЭТОМУ РАЗГОВОРУ: НАШ ФОТОРЕПОРТАЖ ИЗ ГОРОДА С ЧУДЕСНЫМ ИМЕНЕМ — СЧАСТЬЕ.

Евгений БИРЮКОВ

Фото автора.

Вот какие статоры у генераторов Луганской ГРЭС.

Брызги здоровья. Северный Донец славится своим песчаным пляжем.

У касс автобусной станции Луганска частенько слышишь совершенно неожиданное: просят билет до... Счастья. Да, да, прямо так и говорят:

— Дайте до Счастья билет...

Получив билет, садитесь в автобус и всего через полчаса вы окажетесь в очень зеленом, очень привлекательном и очень молодом городе — постановление о том, чтоб ему считаться городом, было принято в декабре 1963 года. А вот история его названия — это дело давнее. Когда-то императрица пожертвовала захудалому помещику — в насмешку, что ли? — пески у Северного Донца. «Вот тебе и счастье!» Не нажил, конечно, помещик богатства на песке, не дождался счастья...

У молодого города, выросшего на этих клятых песках, такой девиз: «Несущий свет приносит счастье». Ведь к жизни город вызвало строительство Луганской государственной районной электростанции.

Теперь о недавнем прошлом этих мест помнят тут немногие: половина населения города Счастье — молодежь. А вот Николай Николаевич Ясников, все 15 лет руководящий стройкой, вспоминает:

— Раньше даже на тракторе трудно было проехать!

Да, глядя на асфальт и бетон, покрывающие улицы, трудно и представить себе это! Не знаю доподлинно, в каких именно жилищах ютились некогда крестьяне того незадачливого песковладельца, а ныне в Счастье высятся современные дома со всеми удобствами. Отдыхают рабочие во Дворце культуры, в своем профилактории, гуляют в чудесном парке. Да, собственно, и сами улицы тут смахивают на аллеи парка. А этому уж помог хороший местный обычай. «Родился новый гражданин — посади в его честь два деревца!» — так говорит об этом обычае председатель горисполкома Георгий Иванович Щедрин.

Интересно, чем увлекаются жители Счастья? Ну, прежде всего песнями: Украина ведь. После трудового дня (работают тут в полный накал, стройка пусковая) еще долго-долго, часиков до двух ночи, за окнами гуляют песни. Поют хорошо, с душой.

Еще увлекаются рыбной ловлей — благо воды вокруг достаточно: река, озеро, канал, водохранилище. Спортом. Местные футболисты и волейболисты «ходят» среди сильнейших в области. А детская футбольная команда — чемпион Луганщины. Кое-кого не на шутку привлек оригинальный жанр — при Доме культуры существует самодеятельный народный цирк.

Жизнь есть жизнь. И в этом городе, где одно из мест отдыха называется «Веселая гора», а магазин носит название «Веселенький», как и везде, бывают и горе и слезы. Бывают и грозы с сильным градом и ясное солнце. Но солнца больше. И в небе и в душах людей. Это естественно: жизнь в новом городе оптимистична. И не зря идут в здешний горисполком письма из разных концов земли. От девушек из Махачкалы, например: «Хотим работать у вас». От парней из воинской части: «Расскажите о вашем городе»; от жителей французского городка Монбризона: «Давайте дружить!»

Приезжайте, девушки из Махачкалы и парни из воинской части! Найдется, где жить, найдется, где учиться. Пожалуйста, на выбор: школы, технические училища, вечерний энерготехникум. А где работать — найдется? Да, стройка ГРЭС. Но тут впору поговорить об одной из проблем новых молодых городов, возникающих на базе стройки. Как известно, она имеет начало и конец. Строительство ГРЭС близится к завершению. А дальше? Для ее эксплуатации людей потребуется немного. Рабочие, инженеры, техники всюду у нас нужны. Но зачем переезжать из такого прекрасного города, как Счастье, в другой? Вот почему местные организации уже сейчас обсуждают разные варианты — какой завод или фабрику открывать в молодом городе. Есть намерение создать завод шариковых авторучек. Но могут быть и другие решения проблемы. Скажем, уже проверено, что во многих небольших городах отлично размещаются филиалы крупных швейных или обувных фирм.

Все варианты, конечно, тщательно взвесят. Но так или иначе проблема будет решена. И по-прежнему будет звучать полюбившаяся здесь песня:

— До города Счастья мне дайте билет!

Подписание соглашения между правительствами СССР и ЧССР, а также протокола по экономическим вопросам. Документы подписывают А. Н. Косыгин и О. Черник.

Фото А. Канашевича.

10 сентября в Москве состоялись переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Председателем правительства Чехословацкой Социалистической Республики О. Черником.

В ходе переговоров был обсуж-

МИССИЯ МИРА

Братиславскому школьнику Андрею очень нравится шлем танкиста. Он рад сфотографироваться с советским воином.

Фото А. Кузина.

Михаил КОТОВ,
ответственный секретарь
Советского Комитета защиты мира

События в Чехословакии... Они глубоко волнуют каждого советского человека, всех друзей мира. И это понятно. У нашего народа слишком много связано с этой братской страной. Еще и поныне тысячи и тысячи матерей, жен, сестер, сыновей и дочерей оплакивают своих близких, отдавших жизни за то, чтобы Чехословакия была свободной, чтобы над ней не нависала угроза фашистского рабства. Мы все хорошо помним 1945 год. Еще и сейчас звучит голос Праги тех дней, радость наших братьев — чехов и словаков, восторженная встреча наших танкистов, свершивших, казалось, непостижимый подвиг, пришедших вовремя на помощь восставшим пражанам.

В тяжкие дни гитлеровского нашествия на советскую землю мне довелось быть вместе с известным писателем и мужественным солдатом Аркадием Гайдаром на Юго-Западном фронте. Наши солдаты с болью в сердце отходили от Карпат, от наших границ. Вместе с нами был смелый солдат, шофер Саша Ольхович. Как-то в часы затишья, после бомбежек, мы сидели в Киеве над Днепром, и Гайдар мечтательно говорил:

— Не горюй, Саша. Мы освободим нашу землю, и мы еще придем на помощь нашим друзьям словакам и чехам, братьям полякам...

Судьба сложилась так, что Гайдар не смог осуществить эту мечту. Уйдя из Киева, он погиб в партизанском отряде, а Саша Ольхович выполнил мечту Аркадия Гайдара. Он пришел с партизанами в Карпатские горы, попал в словацкий партизанский отряд. Более трех лет воевал он с фашистами на словацкой земле. За мужество и отвагу Ольхович был отмечен наградами Чехословакии. Когда после войны я встретился с ним, он не мог без волнения говорить о пережитом и с любовью вспоминал своих друзей в Словакии, тех, кто погиб в боях, клятву, которую дали партизаны — быть всегда вместе. В этом году Ольхович собирался поехать в Словакию к своим друзьям, хотел пройти по местам былых партизанских походов. И вот в августе мой друг с недоумением спрашивал: что же случилось там, неужели мои друзья забыли нашу клятву быть всегда вместе?

Один из друзей моей юности также сражался в Чехословакии. Он служил в войсках маршала Конева и погиб в боях на подступах к Праге. Он не дожил всего несколько дней до победы над фашизмом. У него остался сын Алексей. В память об отце он дал себе слово стать военным. Он пошел учиться в суворовское училище. Много лет его мучает одна мысль: найти могилу отца. Но эту могилу не удалось найти до сих пор. Сколько их, советских солдат, похоронено на чехословацкой земле! Разве всех их отыщешь! И вот теперь Алексей там, в Чехословакии. Я не знаю, может быть, это ему, сыну освободителя Чехословакии, ему, в трудный час вновь пришедшему на помощь народу-брату, иные люди с черной душой бросают бранное слово «оккупант». И, наверное, Алексей, как и все мы, спрашивал себя, что же случилось в августе, неужели ослепление зашло так далеко, неужели кое-кто в Чехословакии все забыл?

Я много раз бывал в Чехословакии. Я не воевал на этой земле, но я знаю ее прекрасные города, ее живописные села, я бывал на многих заводах, в кооперативах, школах и университетах. У меня много друзей в этой стране. Я люблю ее талантливый народ. Сколько раз мне приходилось встречаться с чехословацкими друзьями на конгрессах мира! Всем памятен пражский конгресс сторонников мира в 1949 году. С каким ликованием там встречали борцов за мир! А разве забыть радостный фестиваль молодежи! Поистине огромен вклад чехословацкого народа в дело укрепления мира. Первая Международная премия мира была присуждена доблестному сыну Чехословакии Юлиусу Фучику. Мы всегда встречали наших чехословацких братьев, как своих родных, близких людей, как единомышленников, всегда шли за советом друг к другу. Помню, как незабвенный Александр Фадеев на встречах друзей мира, где бы они ни проходили, всегда спрашивал: «А советовались ли мы с чехословацкими друзьями, а как они думают?» И он первым шел к чехословацкой делегации и разговаривал с профессором Мукаржевским, с Густой Фучиковой.

...Не так давно я узнал о выступлении одного из деятелей чехословацкого движения за мир, которое с удовольствием передавала западная радиостанция. Он говорил о крушении надежд, о горечи в сердце. Я не хочу называть имени этого человека. Пройдет немного времени, и он, я уверен, будет испытывать угрызения совести за эти свои слова. Не хочется верить, что это говорит тот, кто всегда был большим другом нашей страны; уж кто-кто, а он-то знает, что советские люди всегда были и навечно останутся верными друзьями чехословацкого народа. И я невольно снова спрашиваю себя: что же случилось с нашим другом, неужели он, человек с ясным умом и зорким взглядом, ничего не понял в происшедших событиях, неужели он не разглядел за действиями контрреволюционеров смертельной опасности для дела мира и социализма в своей стране?

ден ряд крупных экономических вопросов, представляющих взаимный интерес для обоих государств, и подписано соответствующее соглашение.

В тот же день состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного с членом Президиума ЦК КПЧ, Председателем правительства ЧССР О. Черником и заместителем Председателя правительства ЧССР Ф. Гамоузом.

Во время этой встречи состоялся широкий обмен мнениями по политическим вопросам в развитие советско-чехословацких переговоров, которые проходили в Москве 23—26 августа 1968 года.

Была вновь подтверждена готовность Советского Союза и Чехословакии к самому широкому сотрудничеству на основе социалистической солидарности, взаимного уважения, равноправия в интересах народов обеих стран, в интересах дальнейшего укрепления социалистического содружества, повышения эффективности Варшавского Договора.

В эти дни мы слушаем истошный вой всей многоликой пропагандистской машины Запада. Наши недруги беснуются. Они извергают потоки лжи, клеветы на советских людей, на наших воинов, пришедших в Чехословакию для оказания помощи. Они сознательно раздувают кампанию вражды, наклеивают на нас ярлыки «агрессоров» и «оккупантов». И огорчительно, что этому психозу, этим наветам враждебной пропаганды поддались и некоторые наши друзья. Те, кто вчера высказывал нам свои дружеские чувства, те, кто вместе с нами трудился на поприще защиты мира. Мы не хотим никому навязывать свою точку зрения. Мы уважали и уважаем мнение других, мы можем дискутировать, спорить, но есть элементарное правило: прежде чем делать выводы, нужно разобраться в сути вопроса. А между тем кое-кто из наших друзей на Западе слишком уж поспешил выступить с осуждающими заявлениями. Один наш французский друг даже прислал телеграмму, в которой пишет: «Не узнаю лица СССР...» и далее ставит свою подпись: «...с бесконечной грустью Ваш бывший друг». Я читаю телеграмму и снова задаю вопрос: что же случилось с нашим другом, почему он так поспешно пишет: «Ваш бывший друг»? Уместно спросить его, о чем он грустит, уж не о том ли, что силам внутренней реакции и их империалистическим покровителям не удалось осуществить планы возврата Чехословакии в лоно Запада, отхода от социалистического содружества?

Теперь стало многим ясно, как, надеюсь, и нашему французскому другу, почему наши воины пришли в Чехословакию. Они пришли по зову сердца, по долгу истинных друзей. Теперь ясно, что случилось в Чехословакии. Силы контрреволюции не выдержали, они раскрыли свои планы, они выдали себя с поличным. Они готовили заговор против мира. Контрреволюционерам, захватившим средства массовой информации, удалось дезинформировать многих и многих людей в своей стране и за рубежом. Силы контрреволюции готовились к захвату власти. Они уже предвкушали отделение Чехословакии от стран социалистического лагеря. Но эти планы сорвались. Советский Союз и другие страны социалистического содружества не выполнили бы своего долга, если бы вовремя не разглядели эту опасность, если бы не пресекли в самом зародыше коварные планы империалистов.

Недавно во всех странах поборники мира отмечали памятную дату — 25-летие гибели в фашистских застенках героического сына чехословацкого народа Юлиуса Фучика. Память о нем дорога всем народам. Слова, сказанные им в предсмертный час, звучат как грозное напоминание всем живущим на земле: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!». Невольно приходит на память встреча с Густой Фучиковой, другом и соратником Юлиуса. Прошлой осенью мне довелось видеть ее в Праге. Мы были у дома, где жил Фучик, к которому не кончается паломничество гостей этого прекрасного города. И, когда я прощался с Густой, она многозначительно сказала о тех, кто убил ее мужа: «Они еще не сдались, они хотят реванша»... Это были слова о новоявленных фашистах из Западной Германии. Да, они не сдались, они хотят реванша. Это силы войны, силы агрессии, последователи Гитлера. И разве могут сегодня люди доброй воли забыть, что агрессивные круги продолжают вести преступную войну против вьетнамского народа, израильские агрессоры продолжают держать под своей пятой захваченные арабские земли! Это силы войны водворили фашистскую хунту в Греции. Это они устраивают одну за другой провокации в самых различных частях земного шара. Это они хотели создать новый очаг опасности в Чехословакии. Но происки врагов мира обречены на провал. Объединенные силы народов, всех честных людей мира стоят на пути агрессоров и поджигателей новой войны. На их пути стоит могучая преграда, эта преграда — Советский Союз, содружество стран социализма, эта преграда — решимость народов сохранить мир на земле.

Мы глубоко уверены, что ничто не сможет расторгнуть наше братство с народами Чехословакии. Мы уверены, что чехословацкий народ будет и впредь идти в одном ряду, бок о бок с нами, как брат с братом, как строитель социализма и борец за мир.

Я хотел бы сказать моему другу Александру Ольховичу: я знаю, тебе удастся в скором времени побывать на словацкой земле, встретиться со своими друзьями, бывшими партизанами.

ВИТЯЗИ ЗЕЛЕНОГО ЦАРСТВА

Лес в нашей стране недаром зовут зеленым царством. Его тенистый полог раскинулся от Прибалтики до берегов Тихого океана, на площади свыше миллиарда гектаров, и хранит треть мировых запасов древесины. Эти сказочные богатства берегут и умножают витязи зеленого царства — рабочие, инженеры, техники, ученые. От души поздравляя их с праздником, мы сегодня рассказываем об одном из многих лесных хозяйств страны — о Майкопском опытно-показательном лесокомбинате.

Тот, кто побывал в Оружейной палате Московского Кремля, конечно, не мог не обратить внимания на великолепный паркет, покрывающий пол палаты. Однако мало кто знает его историю: паркет сделан совсем недавно, в 1953 году, из колотого дуба, изготовленного Майкопским лесокомбинатом, который был тогда еще леспромхозом.

Чем еще знаменит комбинат? Вероятно, не только уникальными изделиями? Конечно, нет. Легче, пожалуй, перечислить, какие из лесоматериалов здесь не производятся: ассортимент очень велик. Работники комбината, возглавляемые Алексеем Герасимовичем Калюжным, поставили своей целью комплексное использование всех богатств леса. По стране расходятся отсюда пиломатериалы, тес, заготовки для столярных изделий, всевозможные товары народного потребления — от гладильных досок до топорищ.

В содружестве с Северо-Кавказской лесной опытной станцией комбинат изучает способы выращивания благородного каштана, отбирает и разводит крупноплодные и морозоустойчивые формы грецкого ореха, изучает способы посадки леса на нераскорчеванных лесосеках специальными машинами.

Хозяйство у комбината богатое. Есть пасека, водоемы, на тридцати гектарах плодоносят сады — яблони, кизил, алыча. Живут рабочие в благоустроенных поселках, где к их услугам школы, медпункты, магазины и клубы. Заботятся майкопские лесоводы и о своей смене — создали школьное лесничество.

И еще одна деталь. Каждый, кто побывает в Краснодарском крае, непременно привозит оттуда сувениры — изящные безделушки из дерева, способные украсить любую современную квартиру. Цапля, горделиво застывшая на одной ноге, дятел, деловито долбящий кору, смешной поросенок-перечница, красивые пудреницы... Все эти милые вещицы родились на Майкопском лесокомбинате, рачительные хозяева которого так ценят лес, что не дают пропасть даром ни одному сучку.

А. ВЛАСОВА

МАЛАЯ ОПЕРАЦИЯ «ДНЕПР»

Дважды Герой Советского Союза генерал-полковник А. И. Родимцев с участниками слета.

Фото И. Агафонова и И. Гричера.

Красное полотнище, кусочек пламени, пылал между песчаных холмов, где во всю ширь степи стремительно продвигались батальоны. Малая операция «Днепр» была в разгаре.

Сентябрь. Знойный день. А ребятам предстоит преодолеть минные поля, заграждения, колючую проволоку, противотанковые рвы. Четырехкилометровый марш-бросок по такой местности и с такими препятствиями — дело нелегкое. Наш вездеход подкатывает к группе загорелых, курчавых хлопцев — туркменов. Припав к земле, они быстро, сноровисто орудуют миноискателями и щупами на «опасном» участке.

На финише сверкают стекла биноклей. Седые генералы — вся грудь в орденах — и молодые, подтянутые офицеры в полевой форме наблюдают за действиями следопытов. Тут же, на НП,— гости праздника. Выделяется высокая фигура Алексея Стаханова. Рядом с ним — летчик-космонавт Герман Титов, генерал-полковник А. И. Родимцев, вице-адмирал Г. Н. Холостяков.

Батальоны один за другим завершают марш-бросок. Их ожидает цистерна с водой. Молодежь бросается под освежающие струи. Смех, шутки, веселье. Куда девалась усталость!

Во второй половине дня ударила артбатарея. Прочертили облака реактивные самолеты. Прошли плавучие танки, бронетранспортеры с пехотой. Двинулись тяжелые танки. Эти грозные машины с ходу форсировали реку по дну, под водой. Орудийная канонада и стук пулеметов слились с ревом десятков моторов. Когда боевая техника на земле сделала свое дело, в небе появились вертолеты. Они несли на себе батальон следопытов Украины, который вышел победителем в марш-броске. Ребята высадились десантом за рекой на захваченном плацдарме...

Порой приходится слышать, что наше «довоенное» поколение мальчишек и девчонок вроде бы не было готово к той грозе, что разразилась потом в сорок первом. Неправда. Были и у нас трудные походы в зной и мороз. Наши плечи знали, как отдает приклад стреляющей винтовки. Если бы было не так, путь до Берлина был бы во сто крат тяжелее. Я подумал об этом, глядя на участников слета — сегодняшних мальчишек и девчонок, принявших эстафету отцов. Они живут в разных уголках страны, но задача у них одна: не только бережно собрать и сохранить эпизоды славной истории своего народа, но и жить, трудиться, бороться, как отцы, как старшие братья. Беречь Родину, как они ее берегли.

С. АЛЕКСЕЕВ

А. СОФРОНОВ

ДВЕ НЕДЕЛИ В ГОСТЯХ У АРАБОВ

ПОХОД В МОЗАМБИК

Вместе с Камалом и Бахадуром Абдурразаковым мы сидели в открытом ресторане отеля «Палестина», расположенном возле берега моря. Над столами горели цветные фонарики. На эстраде резвые «битлзы» разогревали публику модными мелодиями, то медленными, а то сумасшедше-быстрыми и резкими. Глядя на юношей и девушек, топчущихся на тесной танцплощадке, Камал сказал:

— Бахадур, по-моему, эти танцы несколько отличаются от того, что мы видели в Мозамбике?

— О, конечно, Камал,— ответил Абдурразаков.

Я уже знал о том, что Камал Бахаа Эддин и Бахадур Абдурразаков в июле этого года по приглашению Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), возглавляющего вооруженную борьбу мозамбикских патриотов против португальских колонизаторов, в качестве представителей Организации солидарности народов Азии и Африки посетили освобожденную от колонизаторов зону Мозамбика и в качестве гостей участвовали во Второй национальной конференции ФРЕЛИМО. Съезд происходил в джунглях Мозамбика.

— Бахадур, напишите нам для журнала о том, как все это было,— попросил я Абдурразакова.— Мне бы очень хотелось, чтобы читатели «Огонька» знали о том, что делается в Мозамбике. Наши журналисты уже побывали в освобожденных районах Анголы. А в Мозамбике пока еще никто не был...

— Но я не журналист... И потом я был не один. Весь этот небольшой поход мы провели вместе с Камалом. Я его уважал и раньше, но именно в этом походе узнал еще лучше. Он отличный товарищ,— сказал Бахадур.

— Что же нам делать, Бахадур? Ведь если я все напишу с ваших слов, все будет выглядеть иначе.

— Знаете, у Камала есть наш отчет, что-то вроде общего дневника. Там, конечно, нет литературных перлов, но зато все правда, никакой выдумки. Это написано сухо, но может вам пригодиться. Как, Камал? Вы не возражаете?

— О, конечно, нет!

На другое утро из рук Камала я получил несколько страниц, которые и решил привести с некоторыми сокращениями в этих записках:

«Мы отправились в путь на «лэндровере» вместе с Раулем Казаль Рибейро, заместителем командующего армией освобождения. Машина была тяжело нагружена и везла 12 пассажиров. Дорога к границе была узкая, неудобная, она пролегла среди густых джунглей и высоких холмов. Мы выехали в 10 часов утра и через четыре с половиной часа остановились для того, чтобы подождать другую машину. Затем мы добрались до лагеря ФРЕЛИМО, откуда пошли пешком. Через два часа добрались до транзитного лагеря, состоящего из нескольких хижин, сделанных из соломы и бамбука.

Делегации были поделены на группы по 15 человек. Каждая группа двигалась цепочкой. Нашу группу вела девушка лет двадцати. Мы пробирались сквозь густые джунгли.

Перед нами был Мозамбик, покрытый лесом. Группы, вышедшие раньше, ждали нас на другой стороне реки. Мы пересекли реку на лодке и, с трудом взобравшись на высокий берег, оказались в Мозамбике.

Дальше мы снова отправились в путь пешком по очень узкой тропинке, позволяющей идти только в затылок друг другу. Позже нам сказали, что с обеих сторон тропинки были заложены мины. Через полчаса довольно быстрой ходьбы мы дошли до первого пункта, устроенного ФРЕЛИМО. Мы предъявили свои документы, прошли таможенный осмотр перед тем, как попасть в свободную зону Мозамбика. Затем снова вышли в путь и через некоторое время оказались в лагере партизан ФРЕЛИМО. Там Казаль Рибейро дал нам инструкции по обеспечению безопасности и соблюдению правил лагеря, объяснил, как организуется охрана лагеря, просил не выходить за его пределы, не надевать светлой одежды, чтобы лагерь не был обнаружен разведывательными самолетами врага. Затем нас направили в южную часть, к маленькой речке, где для нас была приготовлена хижина. Лагерь состоял из нескольких хижин, построенных из бревен, покрытых пальмовыми ветками и окруженных высокими деревьями. В нашей хижине стояли три койки, мы разместились в ней вместе с английским журналистом Бэзилом Дэвидсоном. Койки были сделаны из веток деревьев, связанных между собой лианами и покрытых травой.

После короткого отдыха к нам пришел Рибейро и сообщил пароль на ночное время: «кольер» («ложка»). Было очень холодно. В соседних палатках разводили костры, чтобы можно было согреться.

Руководители ФРЕЛИМО Эдуардо Мондлане и Симанго добрались сюда только к 6 часам вечера на следующий день.

К нам пришел мозамбикский поэт Марселину душ Сантуш и сообщил, что португальские посты расположены в 40—45 милях от нас.

...Конференция была открыта в специальном, тщательно замаскированном помещении.

Открытие носило торжественный характер: стоя около флага, почетный караул партизан спел национальный гимн ФРЕЛИМО. Они отсалютовали Мондлане оружием. Мондлане произнес короткую речь, приветствуя делегатов и гостей. Затем выступил с речью командующий армией Самора Машель. Доклад о развитии вооруженной борьбы с ее начала, в сентябре 1964 года, до сегодняшнего дня сделал Казаль Рибейро.

Он сообщил, что партизанские войска насчитывают несколько тысяч бойцов в тех провинциях, в которых ведется вооруженная борьба. За этот период было убито более шести тысяч португальцев. Он заявил, что партизанские силы открыли в этом году новый фронт в провинции Тете и что враг увеличил свои вооруженные силы, которые насчитывают сейчас около 60 тысяч солдат. Призывной возраст в Португалии снижен, в армию начали забирать молодежь начиная с 18 лет. Докладчик также сообщил, что в вооруженных столкновениях в 1966 году было убито два члена Центрального Комитета ФРЕЛИМО.

Затем была обсуждена и принята повестка дня. Мондлане сообщил конференции порядок работы, которая должна была начаться с чтения приветствий.

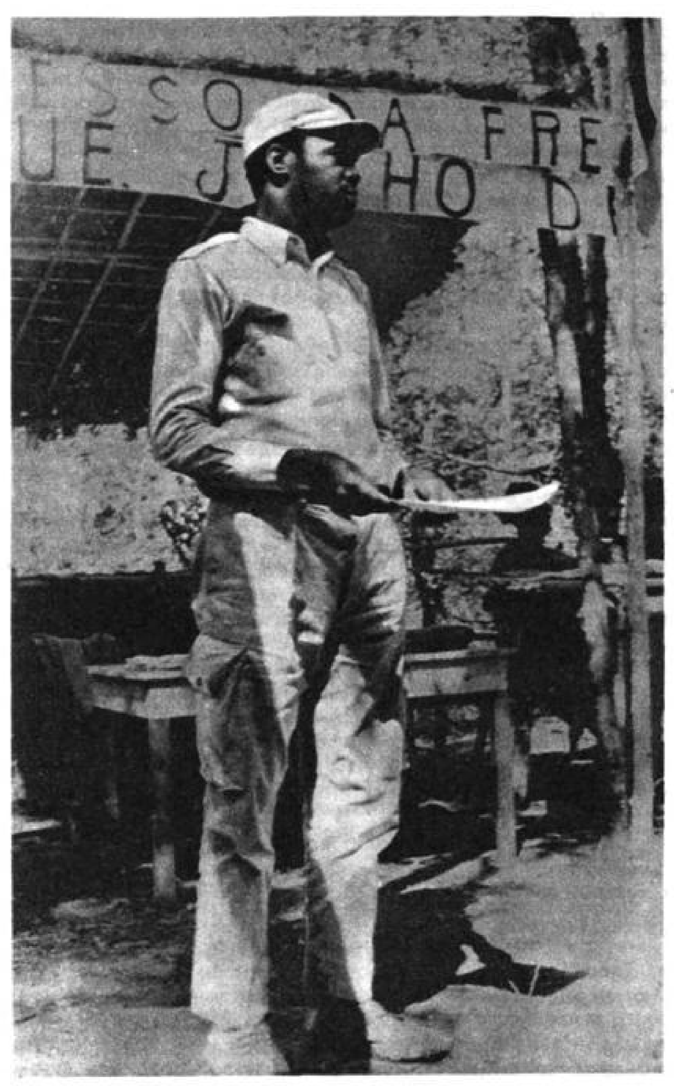
Первым было зачитано послание Постоянного секретариата Организации солидарности народов Азии и Африки. Его прочел заместитель Генерального секретаря Камал Бахаа Эддин. Послание было встречено горячими аплодисментами. Делегаты запели свой национальный гимн.

Военный командир провинции Ньяса в своем выступлении подчеркнул важность мер безопасности, которые должны строго соблюдаться во избежание возможных атак португальских сил — пехоты, парашютистов, рейдов авиации или неожиданных нападений специальных групп, вооруженных холодным оружием. Он также объяснил, какие меры должны быть приняты охраной в случае нападения.

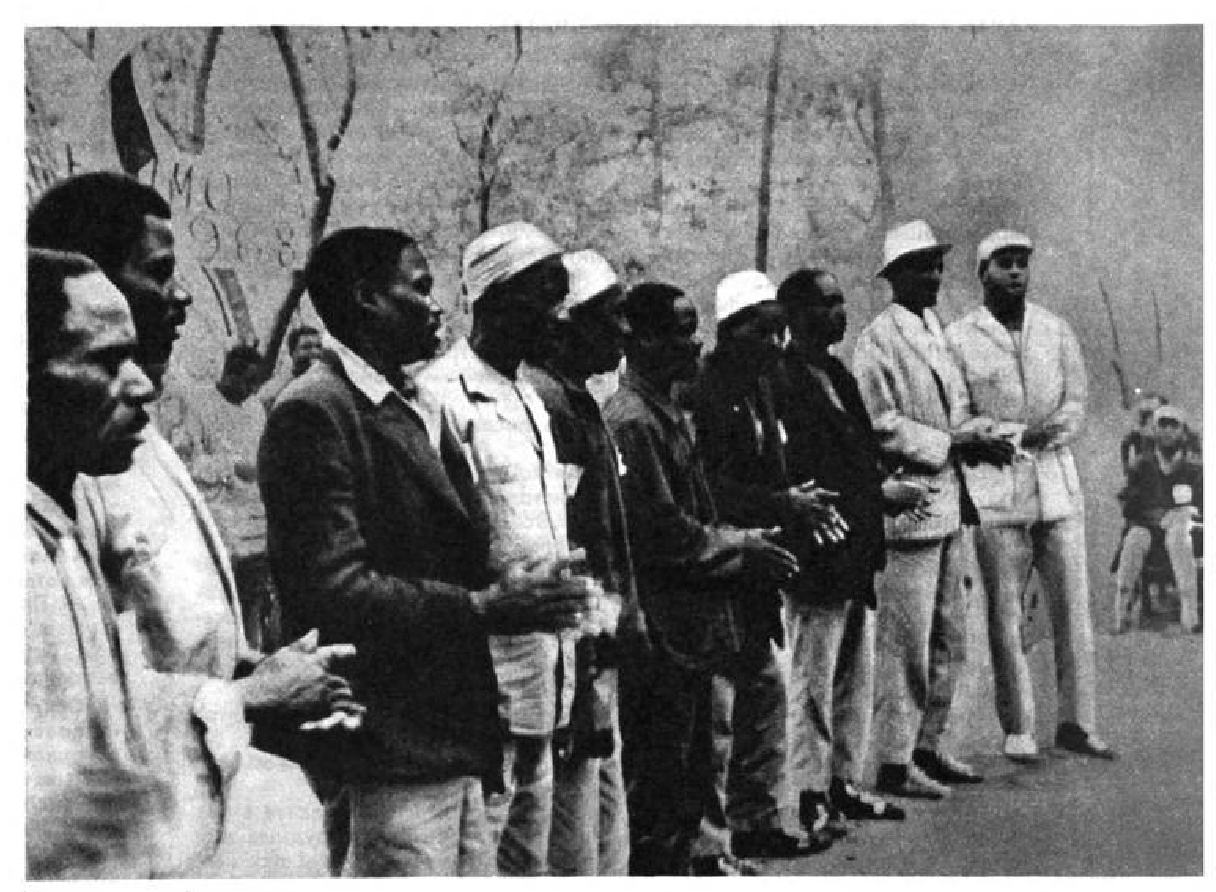
Бахадур Абдурразаков зачитал послание Советского Комитета солидарности народов Азии и Африки, которое было очень хорошо принято.

По просьбе Марселину душ Сантуша Камал Бахаа Эддин сообщил присутствующим о деятельности ОСНАА и его Постоянного секретариата, о планах организации на предстоящий период, о поездке Генерального секретаря в Ханой, о предстоящих конференциях о Вьетнаме, Южной Африке и т. д.

Мондлане сделал политический доклад. Он начал с истории ФРЕЛИМО, трудностей, которые встретила организация, рассказал о возникновении раскольнических организаций и их неудачах. Докладчик дал подробный отчет о деятельности ФРЕЛИМО после первой конференции, которая состоялась в Танганьике в 1962 году. Представил конференции членов Центрального Комитета, выполнивших свои задачи в соответствии с решениями первой конференции. Он рассказал о развитии и расширении деятельности ФРЕЛИМО в разных областях: образовании, социальной, медицинской и т. д.

Эдуардо Мондлане — председатель ФРЕЛИМО выступает на конференции.

Делегаты конференции.

Фото Бахадура Абдурразакова.

Начало вооруженной борьбы докладчик отнес к 25 сентября 1964 года. Он рассказал о создании партизанских войск, о подготовке кадров в различных областях, в частности, о тех людях, которые были посланы в дружественные страны, такие, как Алжир, ОАР, СССР и другие. Он объяснил, как вооруженная борьба переходила из одной провинции в другую, и выразил благодарность за ту роль, которую играют дружественные и социалистические страны, помогающие мозамбикским партизанам в вооруженной борьбе.

На следующем заседании были зачитаны послания поддержки со стороны руководителей провинций, которые были встречены с большим энтузиазмом, песнями и танцами.

После этого Мондлане объявил, что предыдущей ночью Центральный Комитет ФРЕЛИМО решил сделать специальное заявление о поддержке борьбы арабских народов против агрессии израильского империализма, а также поблагодарил Организацию солидарности за направление делегации на конференцию.

Поскольку наша задача была выполнена, мы поблагодарили делегатов за радушие и покинули конференцию.

На обратном пути мы увидели португальский самолет, который сбросил бомбы на лагерь беженцев. Зенитные батареи открыли огонь по самолету.

Вероятно, самолет пытался найти место конференции.

Поездка на съезд ФРЕЛИМО — первая миссия такого типа, предпринятая Организацией солидарности народов Азии и Африки в освобожденный район страны, ведущей вооруженную борьбу против одного из наиболее анахронических и тем не менее жестоких видов империализма — империализма португальского. Колониальное угнетение и оккупация сочетаются в нем с неоколониалистскими целями и эксплуатацией, военными связями с НАТО, открытой, бесстыдной расовой дискриминацией.

Мы выражаем наше восхищение и благодарность лидерам, организаторам и членам конференции, а также мужественным бойцам — партизанам, которые осуществляют смелые действия, умело организуя работу, проявляя выдумку и высокую бдительность.

В исключительно трудных условиях борьбы с португальскими империалистами, с оккупационными войсками и авиацией конференция была успешно проведена на территории Мозамбика, что само по себе является доказательством успехов, достигнутых ФРЕЛИМО как освободительным движением и его армией освобождения».

Сейчас, перечитывая лаконичные записки Абдурразакова и Камала Бахаа Эддина, я думаю о том, как окрепла наша общая борьба, сколько сделано за эти годы и насколько выросло взаимопонимание и коллективная ответственность за любое дело, совершаемое любой организацией в национально-освободительной революционной борьбе.

И еще одна частность: советский человек, сын узбекского народа Бахадур Абдурразаков, вместе со своим другом и товарищем, сыном египетского народа Камалем Бахаа Эддином, первыми побывали в Мозамбике, там, где проходит передовая линия вооруженной борьбы с португальскими колонизаторами, за спиной которых стоит самый злейший враг народов земли — американский империализм.

ЗЕЛЕНАЯ ДОРОГА

У Камала выпало несколько свободных дней, и он оставался в Александрии. А нам надо было возвращаться в Каир, оттуда отправиться по писательским делам в Бейрут.

По совету Камала мы отправились в Каир Зеленой дорогой. Агродорогой, как ее здесь зовут. И не пожалели. Если дорога в Западной пустыне представляет своеобразный этнографический интерес, то здесь за три часа пути мы словно бы перелистали богато иллюстрированную книгу жизни трудового Египта. Зеленой дорогой она называется не случайно.

Во всем мире знаменит египетский хлопок. Здесь с двух сторон дороги необозримые поля хлопка. Созревающий, с невысокой щетинкой рис. Высокие заросли кукурузы.

Неторопливо ходят буйволы вокруг скрипучего колеса, качая воду из колодцев. Древний способ добывания воды, но здесь все еще так, по-старому. Вода. Всюду вода — и в узких арыках и в аккуратно прорытых каналах.

Гремит наполненная гулом дорога. Мчатся машина за машиной. Мешки с цементом. Мешки с рисом. Дорога ведет в Ливию. Машины с ливийскими автомобильными знаками. Но не только машины на дороге. Семенит ножками ишачок. На нем, качая в такт ногами, сидит феллах. За спиной феллаха на крупе ишачка мешки с поклажей. Рядом с ним по асфальту идет жена феллаха. Так здесь положено: муж сидит, жена идет рядом.

И снова кукурузные высокие частоколы, зеленая щетинка риса, белые коробочки хлопка.

Справа и слева посверкивают под солнцем каналы.

Какой-то отрезок дороги тянется в три транспортных артерии: широкое шоссе, рядом грохочущая поездами с набитыми до отказа вагонами железная дорога. Паровозы и вагоны белого цвета. Белый цвет, как известно, менее других притягивает солнце. А за железной дорогой — канал. Его не видно. Видны только скользящие, словно по воздуху, остроконечные серые паруса груженых фелюг. Каналы здесь не только орошение, но и грузовые магистрали.

Машина проскакивает дымящие кирпичными заводами городки.

А зелени все больше и больше. Мы уже мчимся словно бы по широкой аллее — с двух сторон могучие высокие деревья, бросающие тень на дорогу.

И вот уже скаты гремят по мосту — под нами медленное течение Нила.

Три часа дороги — три часа чтения книги жизни трудового Египта.

АРАБЫ НЕ ВЕРЯТ КРОКОДИЛОВЫМ СЛЕЗАМ

Мы уже улетали в Бейрут, когда пришло известие о том, что партийные и государственные деятели ЧССР обратились к Советскому Союзу и другим союзным государствам с просьбой об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи в связи с угрозой, которая возникла существующему в Чехословакии социалистическому строю со стороны контрреволюционных сил, вступивших в сговор с враждебными социализму внешними силами. Известный деятель Организации солидарности писатель и литературный критик Мурси Саад эд-Дин сказал, прощаясь с нами:

— Борцы за национальное освобождение, те, кто непримиримо относится к проискам империализма, одобряют этот решительный шаг Советского Союза и других социалистических стран. Они видят в этом заботу о всех тех, кто противостоит разбойничьим планам американского империализма.

Мы простились с Мурси до встречи на писательском форуме в Ташкенте.

Бейрут встретил нас относительно мягкой погодой, ярким солнцем, лазурным Средиземным морем и... свистопляской буржуазных газет, принадлежащих иностранному капиталу. Все было брошено на то, чтобы затуманить сознание ливанских читателей.

Министр информации Ливана вынужден был призвать местную печать публиковать объективную информацию о событиях в Чехословакии, пользуясь лишь проверенными источниками и достоверными фактами. Он потребовал, чтобы газеты не публиковали тенденциозных сообщений и воздерживались от комментариев, наносящих ущерб интересам Ливана.

Мне рассказали о страстной беседе одного из общественных деятелей с владельцем одной из ливанских газет.

— Вы что́, стоите на позициях Израиля, топчущего арабские земли?

— Это почему же?

— А потому, что, клевеща на Советский Союз, вы выступаете с тех же позиций, что и израильская печать. Советский Союз в трудные для арабских народов дни поддержал нас. Как же вы так можете? Кто вам платит?

Владелец газеты бормотал что-то невнятное. Именно в эти дни вместе с работником иностранной комиссии Союза советских писателей Ю. П. Румянцевым мы встретились с ливанскими литераторами. В марте 1967 года здесь, в Бейруте, на III конференции писателей Азии и Африки, мы убедились, что это настоящие люди и прекрасные литераторы.

Сохейль Идрис, один из самых талантливых прозаиков Ливана, сказал:

— Нас, конечно, беспокоит лавина клеветы и инсинуаций западной печати, но мы знаем и верим в правоту общего дела. Я редактор журнала и никому и никогда не предоставлю возможности выступать в своем журнале ни против наших арабских идеалов, ни против правды, которую несет Советский Союз. Мы хорошо понимаем вас.

Ливанская газета «Аш-Шааб» писала в эти дни:

«Кто поверит, что Советский Союз — враг народов? Кто может поверить, что Советский Союз покушается на свободу народов, когда именно благодаря Советскому Союзу народы освободились от колониализма и угнетения? Империалисты и их агенты льют крокодиловы слезы, оплакивая свободу в Чехословакии. Они поднимают шум, потому что разоблачен страшный заговор, готовившийся против социалистического лагеря. Империалисты не могут скрыть разочарования в связи с тем, что их замыслы потерпели провал. Мы знаем, что Советский Союз был и остается в авангарде тех сил, которые стоят на нашей стороне, против врагов справедливости и свободы. Мы не принимаем обвинений, предъявленных Советскому Союзу колонизаторами наших стран и сторонниками израильской агрессии. В лице войск, которые вошли в Чехословакию, мы видим силы освобождения».

Газета «Аль-Хадаф» писала:

«Арабы одобряют действия социалистических стран в Чехословакии, направленные на защиту социалистического лагеря от происков империалистических сил, замышлявших превратить Чехословакию в орудие борьбы против Советского Союза и других социалистических государств. Когда мы слышим голоса, раздающиеся на Западе и в особенности в Соединенных Штатах в «защиту свободы народов», и когда мы видим, как Запад использует чехословацкие события против Советского Союза, мы, арабы, спрашиваем: «Где был Запад, когда в июне прошлого года Израиль совершил агрессию против арабских народов, когда оккупанты совершили злодеяния на арабской земле? Запад проливает крокодиловы слезы по поводу событий в Чехословакии и в то же время оказывает всякую материальную и моральную помощь Израилю, продолжающему оккупировать арабские земли и бросающему вызов решениям ООН».

Атаки реакционеров и клеветников были дружно отбиты ливанскими патриотами.

В ГОСТЯХ У МАРУФА СААДА

Посол Советского Союза в Ливане Петр Семенович Дедушкин сказал нам:

— Нас приглашает в гости замечательный человек, губернатор города Сайды. Мне очень хочется, чтобы вы познакомились. Это человек, много сделавший для независимости Ливана. Он был одним из первых, кто сражался когда-то здесь с французскими колонизаторами. Легендарная фигура на юге Ливана, на землях, которые граничат с Израилем. У него в гостях будет Камаль Джумблат, председатель бейрутской конференции писателей.

Как же было отказаться от такой заманчивой встречи?

На закате солнца мы выехали из Бейрута. Дорога шла берегом Средиземного моря, с двух сторон лежали сады и фруктовые плантации. Невысокие банановые деревья увешаны плотно набитыми, словно руками упакованными плодами. Знаменитые ливанские персики и яблоки просвечивали сквозь густую листву.

Берега здесь прекрасные. Бесконечное количество пансионатов, маленьких рыбных ресторанчиков, с прилегающими к ним белоснежными пляжами сопутствовало вплоть до города Сайды с его древними развалинами, вызывающими большой интерес у туристов. Возле городской мэрии стояли люди. В центре их плотный, в расстегнутой на вороте рубашке, со сбитым набок галстуком, седой, коротко стриженный человек, чем-то очень напоминающий колоритного грузинского актера Закариадзе.

Мы вышли из машины. Познакомились. Это и был губернатор Сайды Маруф Саад. Он сказал:

— Не будем терять времени. Нас уже ожидают. Я поеду вперед, тут не такая простая дорога.

Дорога действительно оказалась не простой. Она шла в город широкими и длинными поворотами. Маленькие селения, сады оказывались то с одной, то с другой стороны. Мы поднимались все выше и, наконец, окунулись в прозрачную дымку.

— Туман или облака? — спросил я Дедушкина.

— Облака... Облака.

Стало совсем темно. Только видно было, как с другой стороны, где-то в темноте стекал вниз мутный свет мчащихся навстречу автомашин.

Замелькали огни. Витыми улочками мы въехали в селение. По улицам шли юноши и черноволосые девушки в брючках. Из окон слышались мелодии радиол. Еще один крутой поворот, спуск, и мы влетели под ветви темных деревьев.

— Приехали,— сказал, подходя к нам, Маруф Саад.

Над нами высился большой, освещенный, с просторной верандой дом. Поднялись по каменной лестнице наверх. Огромная веранда была заполнена мужчинами. Они приветливо улыбались нам.

Откровенно говоря, я не думал, что встречу здесь такое количество интересных людей. Мы знакомились. Юристы. Врачи. Доктора наук. Журналисты. Общественные и политические деятели. Самые разные люди. Здесь же был и Камаль Джумблат, наш старый добрый знакомый, немногословный и всегда словно бы чем-то озабоченный. Весной этого года он с сыном приезжал в Москву и был гостем Советского комитета солидарности. В прошлом году в Бейруте он много сделал, чтобы афро-азиатская писательская конференция прошла успешно.

Джумблат и сейчас был озабочен. В ближайшие дни он собирался улететь в Каир на Чрезвычайную конференцию Организации солидарности народов Азии и Африки в поддержку борьбы вьетнамского народа против агрессии американского империализма.

— Мы надеемся видеть вас в Ташкенте, на писательской встрече. Советские писатели приглашают вас, доброго друга афро-азиатской литературы.

— Это вполне вероятно... Если позволит время... Я бы сам очень хотел,— ответил Джумблат.

В это время поднялся Маруф Саад. Обращаясь к П. С. Дедушкину, он сказал:

— Дорогой наш гость, мы приветствуем вас как представителя Советского Союза. Здесь, в моем доме, собрались ваши друзья, друзья народов вашей великой страны. Мы глубоко и искренне ценим все, что делает ваше правительство, ваше государство. Мы поддерживаем ваши решительные действия против контрреволюции, которая пыталась оторвать Чехословакию от социалистического лагеря. Сегодня в моем доме очень разные люди Ливана. Я знаю, что все они разделяют мое мнение. Арабские народы ценят вашу дружбу, вашу поддержку в их борьбе против американских и израильских империалистов.— Маруф Саад широким жестом обвел всех сидящих вокруг.— Это все настоящие ваши друзья.

Собравшиеся горячо аплодировали словам хозяина дома.

— Мы бы просили, уважаемый гость, сказать несколько слов. Мы ждем вашего выступления,— обратился к П. С. Дедушкину Маруф Саад.

Советский посол произнес дружескую речь, поблагодарил ливанцев за понимание и поддержку политики Советского государства.

Всем захотелось послушать Камаля Джумблата. Он смущенно поднялся с дивана, худой, высокий, как всегда, серьезный.

— Это очень трудный момент в международной жизни. Ваши враги,— сказал он, обращаясь к нам,— делают все, чтоб скомпрометировать ваше государство и вашу решительную политику... Но мы, арабы, во всяком случае, большинство настоящих арабов, с вами. Так что вы это знайте, пожалуйста... И то, что здесь собрались люди очень разные, не только разных профессий, но и направления мысли, это особенно важно для вас.— Джумблат остановился, оглядел всех и тихо добавил: — И для нас... Для нас...

Как и полагалось в таком случае, после душевных бесед следовало приступить к ужину. Управляла всем очень серьезная, стройненькая девушка — Мана, дочь Саада. Ей семнадцать лет. Ловко лавируя среди гостей, столпившихся вокруг стола, она особое внимание проявляла к нам. Мы были гости зарубежные, а не свои. Она говорила:

— Я учусь на курсах медицинских сестер. Но у меня одна мечта — поехать в Советский Союз. Хочу быть доктором. У нас почти все доктора мужчины... А я хочу быть врачом и доказать, что женщины нисколько не хуже...

Из-за дверей выглядывали вихрастые черноглазые ребятишки. Мана шикнула на них.

— Это шестеро младших: сестренок и братишек. Мне приходится ими руководить, а они очень непослушные.

Мы стояли на веранде возле огромного, не менее метра в диаметре, блюда, на котором, искусно положенные, лежали персики, груши, бананы, щедрые кисти винограда. Мана сказала нам:

— Мы снимаем этот дом, но мы не богатые люди. Главное богатство — это друзья, которые бывают у нас каждый вечер.

Все это она говорила серьезно, почти не улыбаясь, учтиво предлагая нам то персики, то виноград.

Уже была почти ночь, когда мы попрощались с радушным и жизнелюбивым Маруфом Саадом и его друзьями. Машины покатили вниз с горы и долго огибали поворот за поворотом, пока наконец мы не выехали в город Сайду и не увидели старые, древние колонны, стоящие на земле, по которой, по местному преданию, ходила когда-то Ева, готовая соблазнить нашего далекого предка Адама.

В ДАМАСКЕ

Сурен Широян, заведующий отделением Агентства печати «Новости» в Ливане,— наш старый знакомый. Прекрасно владеющий арабским языком, он много лет жизни отдал странам Ближнего Востока. Мы познакомились с ним несколько лет назад в Каире, а теперь встретились снова.

Он принимал деятельное участие во всей нашей программе в Бейруте. Однажды Широян сказал:

— В Дамаске открывается традиционная торговая ярмарка. В ней участвует Советский Союз. У вас нет желания побывать на открытии?

— Желание есть, нет виз.

— Сирийцы — люди гостеприимные. Я уверен, они будут рады вашему приезду.

— А мы тем более.

И вот снова мы мчимся по шоссе, выбираясь из Бейрута. Воскресный день. Многие сотни машин устремлены из города в горы, туда, где прохладней. От Бейрута до Дамаска путь больше ста километров. Примерно посредине пути граница. Если в гости к Маруфу Сааду мы ехали в темноте и только по свету автомобильных фар могли угадывать повороты дороги, то в этот августовский солнечный день все перед глазами. И своеобычная ливанская архитектура, умело приспособленная к гористой местности, и сотни рекламных щитов вдоль дороги, пропагандирующих все — от пепси-колы до зубной пасты,— и террасы фруктовых садов, спускающихся вниз по горным склонам... Пролетаем город Захли, куда в воскресенье к прохладной горной реке, в десятки ресторанов, построенных в узком ущелье, устремляются из душного Бейрута многие тысячи жителей.

Поворот. В ноздри резко бьет запах лука. У обочин дороги красные прозрачные мешки лука. Здесь продается лук. Машины останавливаются, выходят люди. Торгуются с крестьянами. Бросают мешки с луком в машину, отправляются дальше.

— Места знаменитого лука,— говорит Широян, сидящий за рулем машины.

Дорога меняется. Земля покрыта камнями. Влево, в предгорье, последнее ливанское селение на пути к сирийской границе.

— Говорят, в этом селении жила Мария Магдалина,— сообщает Широян.

И вот наконец граница. Караваны грузовых машин с поклажей. Сирия лежит на большом торговом транзите. Недолгая процедура оформления документов, и мы уже на территории Сирии. Здесь все другое. Суровая природа. Серо-бурые каменистые скалы. Скалы, в невообразимых очертаниях нависшие над дорогой. Сухо и жарко. Влажное тепло осталось за горным перевалом. Все кажется строже. В тридцати километрах, как здесь говорят, линия фронта с Израилем.

Но скоро аскетичность природы уходит. Чувствуется дыхание речной прохлады. Въезжаем в первые кварталы Дамаска. В апреле прошлого года мы были в этих местах с делегатами Бейрутской конференции писателей. Подкатываем прямо к территории ярмарки. Здесь толпы людей, легионы босоногих ребятишек.

Гремит орудийный салют в честь открытия ярмарки. В большом закрытом зале министр экономики и внешней торговли Зухейр аль-Хани во вступительном слове сообщает об успехах сирийской экономики, неуклонно развивающейся, несмотря на трудные условия, связанные с агрессией Израиля. Большое место Зухейр аль-Хани уделяет помощи, которую оказывает Советский Союз, все социалистические страны обновляемой сирийской экономике. Говорит о строительстве большой электростанции на реке Евфрат, осуществляемом при активном содействии советских специалистов. Сообщает о том, что советские геологи нашли в Сирии огромные запасы нефти.

На открытии ярмарки присутствует министр внешней торговли СССР Николай Семенович Патоличев.

Около советского павильона заканчиваются последние работы. Пожилые женщины в черных одеждах, девушки в светлых платьях, бесконечно веселые мальчишки снуют возле огромных «МАЗов», автомашин и новых тракторов.

В этот же вечер в помещении советского культцентра мы встретились с писателями. Двое из них — палестинский поэт Моин Бсисо и сирийский прозаик Саид Хаурания — готовятся к поездке в Ташкент.

— Мы рады случаю побывать в Советском Союзе,— говорит Хаурания.— Рады побывать особенно в эти дни, когда Советский Союз и другие социалистические страны предотвратили контрреволюционный заговор в Чехословакии. Я надеюсь, вы понимаете, что наши арабские страны, ведущие не на словах, а на деле борьбу против американских и западногерманских империалистов и их цепного пса Израиля, заинтересованы в единстве социалистического лагеря. Социалистические страны, и в том числе Чехословакия, оказывали нам большую помощь.

— Один из западных корреспондентов обратился ко мне с вопросом о моей позиции в связи с событиями в Чехословакии,— продолжает разговор Моин Бсисо.— Кажется, корреспондент остался недоволен моим ответом. Я сказал ему, что мое сердце с танками свободы, с советскими танками, оберегающими в эти дни свободу от контрреволюции на улицах чешских городов. Мы живем здесь, но мы живем интересами всех народов. Нам очень близка культура, только подлинная, настоящая, культура всех народов... И, конечно, мы любим русскую литературу.

— У Моина есть стихи о Пушкине. Прочти,— обращается Хаурания к другу.

— Они не понимают арабского языка.

— Поймут... Музыку языка поймут.

Видимо, Бсисо и самому хочется прочесть стихи. Звучит страстная поэтическая речь. Палестинский поэт читает вдохновенно.

— Поняли? Я бы хотел, чтобы эти стихи узнали в Советском Союзе.

— Будете в Ташкенте — переведем.

— Я очень люблю Маяковского. Статьи в «Огоньке» о Маяковском очень помогли мне узнать больше о судьбе великого поэта... Мне перевели эти статьи на арабский язык.

— Моин делал доклад в день семидесятипятилетия поэта здесь, в Советском культцентре,— говорит Хаурания.

— Да, пользовался этими статьями в докладе.

— Доклад напечатан в журнале, который выпускается представительством АПН в Сирии... Посмотрите.— Хаурания разворачивает перед нами журнал, в котором перепечатана фотография Владимира Маяковского из «Огонька».

— А вот и сам Моин Бсисо во время своего доклада о Маяковском.— Хаурания указывает на снимок палестинского поэта, стоящего на трибуне.

...Находясь в Дамаске, нам очень хотелось повидать человека, возглавляющего Сирийский комитет солидарности народов Азии и Африки. Это был Хабиб Хаддад — министр информации, радиовещания и телевидения.

В полдень вместе с послом Советского Союза в Сирийской Арабской Республике Нуритдином Акрамовичем Мухитдиновым мы отправились к Хабибу Хаддаду.

На ярмарке в Дамаске. У советского павильона.

Во дворе здания министерства стояли три танка. Возле них в тени сидели сирийские танкисты.

Хабиб Хаддад встретил нас в своем кабинете. Он был молод, серьезен и очень радушен.

— Рад видеть товарищей, представляющих Советский комитет солидарности. Рад по многим причинам, а главное, потому, что мы, сирийцы, видим в советских людях наших верных друзей. Вы, наверное, уже знаете, что весь сирийский народ, вся наша печать... вся,— повторил он,— со всей определенностью поддержала решение пяти социалистических стран о вводе войск в Чехословакию. У нас рядом фронт. Мы ежедневно подвергаемся военным провокациям Израиля. Мы знаем, что такое империализм, и поэтому приветствуем решительные действия Советского правительства. Мы, арабы, заинтересованы в том, чтобы Чехословакия осталась в социалистическом лагере... Нам бы очень хотелось, чтобы вы посмотрели нашу страну и рассказали вашему народу, как живет Сирия. Приезжайте на более долгий срок.

— Постараемся.

Мы простились с Хабибом Хаддадом.

Пора была возвращаться в Бейрут. На другой день предстоял отлет в Москву.

* * *

Две недели — недолгий срок. Но и эти две недели, проведенные нами в Объединенной Арабской Республике, Ливане и в Сирийской Арабской республике, оставили добрые впечатления, показали глубокое понимание нашими арабскими друзьями политики Советского Союза, все более растущую решимость борьбы с любыми попытками изменить политическое соотношение сил в мире в пользу империализма.

Мне запомнились слова арабского поэта Моина Бсисо: «Мы живем здесь, но мы живем интересами всех народов».

Трудно что-либо добавить к этим мудрым, проникновенным словам.

Есть в кабинете Тимборы Кубатиевича Мальбахова карта республики. Карта как карта: кружочками обозначены города, квадратами — села; в горных районах — фигурки овец, на извилистых реках — силуэты электростанций. Как будто все ясно. Но были на карте значки, понять которые мы не смогли.

СОЛНЦЕ, СВЕТ И ГОСТЕПРИИМСТВО

Т. К. МАЛЬБАХОВ,
первый секретарь
Кабардино-Балкарского
обкома КПСС

— Я вам помогу,— сказал Тимбора Кубатиевич.— Тут есть обозначения, которые появились совсем недавно. Вот это, например, говорит о том, что в районе города Тырныауза добывают вольфрам и молибден, в Тереке изготовляют уникальные алмазные инструменты, в Майском производят сложнейшие рентгеновские установки, в Нальчике — высоковольтную аппаратуру... Я уж не говорю о предприятиях, выпускающих стройматериалы, мебель, обувь, плащевые ткани, консервы и т. д.

Как видите, в промышленном отношении карта республики выглядит убедительно... А эти стрелки показывают, куда идет наша продукция. Практически нет уголка Советского Союза, куда бы не доходили эти стрелки. Охотно покупают продукцию Кабардино-Балкарии и более чем 40 зарубежных стран.

А вот эти значки, вероятно, понятны: пшеница, кукуруза, конопля, овощи, фрукты, шерсть и мясо — традиционные виды сельскохозяйственной продукции Кабардино-Балкарии.

Вопрос. А почему одинаково закрашен район Приэльбрусья и Нальчика?

Ответ. Это районы бурного развития другой индустрии — индустрии здоровья. Ведь Кабардино-Балкария так щедро одарена горами и лесами, реками и озерами, минеральными источниками и целебными грязями, что ее смело можно считать одним из красивейших и благодатнейших уголков страны. Эльбрус! У нас в народе его называют Ошхамахо, что значит гора счастья. Я побывал на Эльбрусе и знаю, каким сильным, смелым и счастливым чувствуешь себя, когда стоишь над облаками. Издавна высшей доблестью считалось покорение Эльбруса. Теперь побывать на одной из его вершин может любой здоровый человек: почти до самого ледника идет автомобильная дорога, а там — до вершины рукой подать. Но скоро и этот трудный участок можно будет преодолеть за полчаса, сидя в кресле канатной дороги.

А Приэльбрусье! Тенистые сосновые и буковые рощи, реки, яркое горное солнце, удобные гостиницы, турбазы, альпинистские лагеря, возможность кататься на лыжах в купальном костюме. И хотя немалой популярностью пользуется другое место отдыха — курорт Нальчик, Приэльбрусье — наша гордость, наша жемчужина.

Вопрос. Но нам кажется, что она нуждается, если так можно выразиться, в хорошей оправе?

Ответ. Согласен. Оправа эта должна улучшиться в ближайшее же время. Принято постановление о дальнейшем развитии базы отдыха, туризма, альпинизма, горнолыжного и конькобежного спорта в районе Приэльбрусья Кабардино-Балкарской АССР. Уже сейчас у подножия Эльбруса полным ходом идет строительство шести многоэтажных гостиниц, скоро начнется строительство Дворца культуры, кафе, ресторанов, магазинов, плавательного бассейна, канатно-кресельных дорог. Шоссе свяжут ущелья Адыр-Су и Адыл-Су с Нальчиком и Эльбрусом.

Одним словом, через год-другой Приэльбрусье еще больше похорошеет и, мы надеемся, станет центром не только всесоюзного, но и международного туризма. И тогда на всех картах появится новый значок — двуглавая вершина Эльбруса, покорение которой приносит ни с чем не сравнимую радость.

А мы обещаем нашим гостям много солнца, много света и настоящее кавказское гостеприимство.

ЕСЛИ ПОСМОТРЕТЬ С ЭЛЬБРУСА...

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото Н. Козловского.

ОТЕЦ И СЫН

Мы идем на Эльбрус. Наш проводник—Чокка Асланович Залиханов. Свою первую тропку он проложил на вершину Эльбруса в... 1868 году пятнадцатилетним подростком. Сегодня ему 115, а он все так же бодр и быстр на ногу.

— Двести девять раз поднимался я на Эльбрус,— щурясь, говорит Чокка Асланович.—Последний раз был на западной вершине пять лет назад. Неплохо бы взобраться еще разок, да времени нет. Сено косить надо. Немного вас провожу. Дальше с сыном пойдете. Хусейн хоть и мальчишка, а горы знает...

На высоте 3 345 метров у турбазы «105-й пикет» нас встретил мастер спорта по альпинизму, заслуженный тренер РСФСР и СССР, судья Всесоюзной категории, директор всесоюзной базы отдыха, туризма, альпинизма, горнолыжного и конькобежного спорта «Приэльбрусье» Хусейн Залиханов. «Мальчишке» уже за пятьдесят, но расставаться с горами он не думает.

— Хочу побить рекорд отца,— улыбается Хусейн.— Я поднимался на Эльбрус всего 138 раз.

Мы навьючили рюкзаки и побрели по узкой тропинке. На высоте 4 тысячи метров прямо на леднике нас ожидало чудо. Мы уже так устали, что готовы были свалиться под любой камень, в лучшем случае мечтали о палатке. А перед нами вырос огромный серебристый дирижабль из стекла и стали! Прямо на леднике стояла великолепная трехэтажная гостиница.

— Это и есть знаменитый «Приют одиннадцати»,— пояснил Хусейн.— Здесь заночуем.

Рано утром мы были на ногах. Идти очень трудно: ледник есть ледник. И почему Эльбрус называют двуглавым? Двугорбый — это точнее. Как раз в седловине между горбами — последний «приют»: деревянная хижина, построенная Чокной Аслановичем. Уже в столетнем возрасте таскал он сюда бревна, доски и гвозди. А потом сколачивал, да сколачивал так, что самые свирепые ветры не в силах пошатнуть стены.

И вот все позади. Вверху — ни одного камня, ни одной скалы. Вверху — только небо. Подниматься уже некуда. До неба, если не лень, легко дотянуться рукой. Можно даже погладить его бархатистую, пронзительно синюю изнанку. Стоишь на высоте 5 633 метра и знаешь, что никто в Европе не может стоять выше тебя.

Теперь-то я понимаю, почему люди срываются с насиженных мест, отказываются от санаторных путевок, навьючивают рюкзаки и карабкаются в горы. Здесь мы встречали туристов буквально со всех концов страны. Они терпеливо шагали за проводниками, пили нарзан прямо из речек и ручьев. Но в одном месте туристские цепочки разрываются, забыта дисциплина и все стремглав несутся в... радугу. Серебряная вода «Девичьих кос» низвергается с сорокаметровой высоты, рассыпается на тысячи брызг, заплетается в радужную косу и дождем самоцветов разбивается о камни.

Все Приэльбрусье отсюда как на ладони. Совсем рядом — красавец Чегет с его лыжными трассами, канатными дорогами, кафе за облаками и великолепными гостиницами «Иткол» и «Азау» у подножия. Чуть левее — живописные тенистые ущелья Адыр-Су и Адыл-Су, на склонах которых множество турбаз и альпинистских лагерей.

А внизу гремит Баксан. Посмотришь — ручеек и только. Но, говорят, бывают дни, когда он сметает мосты и слизывает дороги.

Далековато отсюда до ущелья Безенги, но мы там побывали и познакомились с Мустафой Анаевым. Десять тысяч овец на его попечении, овцетоварная ферма, которой он заведует в колхозе «Путь к коммунизму»,— одна из лучших в республике...

РАКЕТЫ СТАРТУЮТ В УЩЕЛЬЕ ВЕТРОВ

Космонавта ждали утром. Как и положено, он прибыл минута в минуту. Поднялся на импровизированную трибуну. Гость заявил, что космодром начинается именно здесь, в городе Тырныаузе — ущелье ветров.

— Дорогие друзья...— сказал летчик-космонавт А. А. Леонов.—Нет на земном шаре предприятия, города и жителей, которые бы так были близки с нами во время нашего космического полета... Мне хочется от имени всех моих друзей, летчиков-космонавтов, передать вам самый, самый большой привет и слова благодарности за ваш труд, за ваш металл!.. Вы не делаете космических кораблей, не создаете двигателей, но вы даете самое необходимое для этого...

Наверняка молодые геологи Борис Орлов и Вера Флерова, открывшие тридцать четыре года назад высокогорное месторождение вольфрамовых и молибденовых руд, не знали, что закладывают один из первых камней в основа-

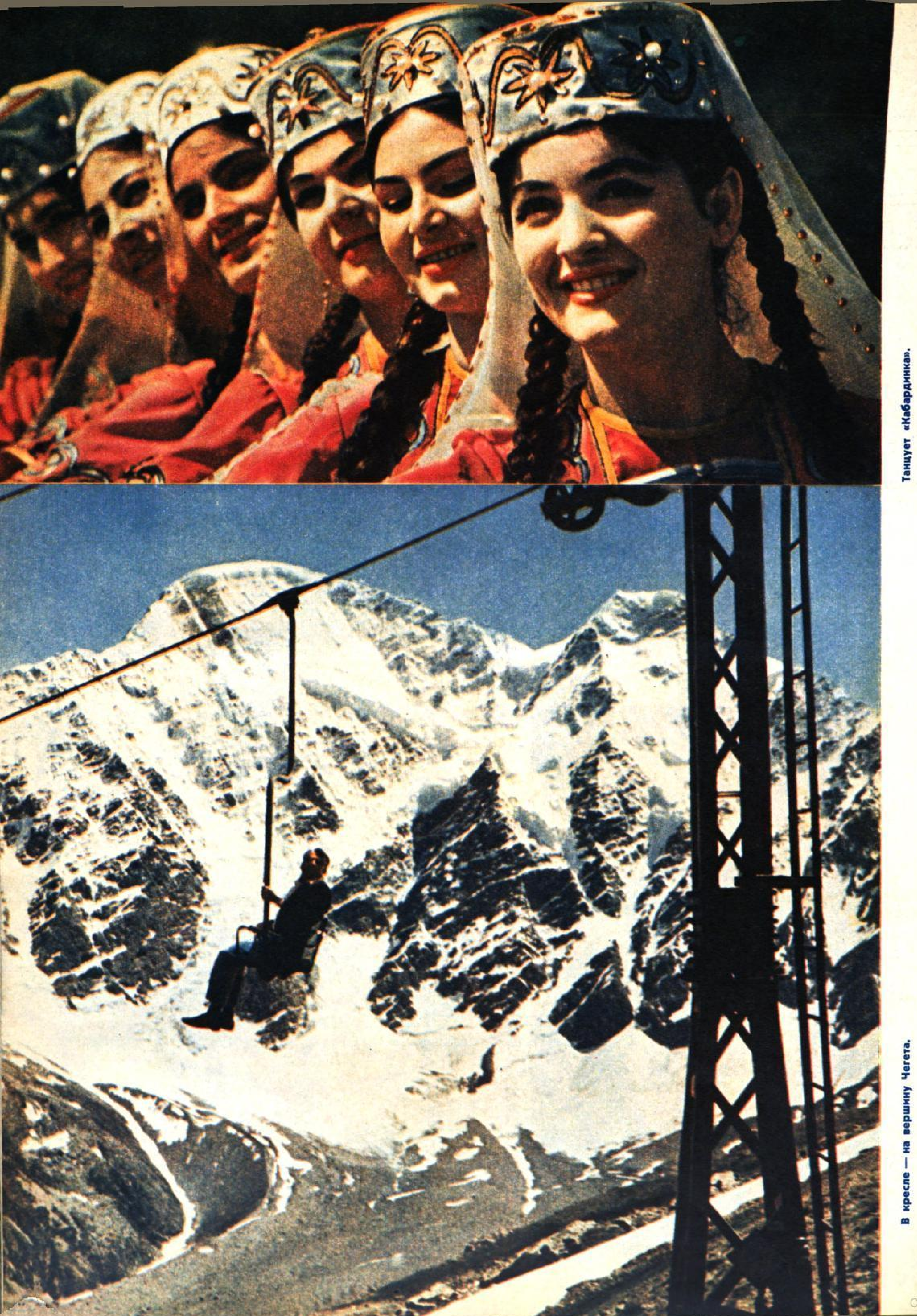
Мустафа Анаев — овцевод из Безенгийского ущелья.

На водопое.

Альпийские луга.

Танцует «Кабардинка».

В кресле — на вершину Чегета.

ние будущей космонавтики. Не знали они и того, что через девять лет под Курском и Орлом их металл сыграет немалую роль в разгроме фашистских танковых армий. Не будь в броне знаменитых «тридцатьчетверок» молибдена, снаряды «пантер» и «тигров» пробивали бы ее, как картон.

— Ваш труд очень сложен,— продолжал А. А. Леонов.— Это космонавты на земле. И тут надо еще посмотреть, кто из нас больше герой.

В ответ на высокую похвалу космонавта бригадир скоропроходческой бригады В. Г. Чермошенцев сказал:

— Ничего особенного, рудник как рудник. Правда, расположен высоковато—главная штольня на двух-, а верхняя на трехкилометровой высоте. И в рудник мы не спускаемся, а поднимаемся: въезжаем по канатной дороге до главной штольни в гору, а потом добираемся до вершины.

В тот же день я снова встретился с В. Г. Чермошенцевым, бригада которого недавно установила рекорд проходки. О рекорде и пошла речь. Я спросил:

— За счет чего? Техника у вас лучше?..

— За счет квалификации рабочих. В нашей бригаде 18 человек, и любой из нас не только классный взрывник, бурильщик или машинист, но и в случае необходимости легко заменяет друга. А в скоростной проходке это — большое дело.

...Вечером космонавт покидал ущелье ветров. Прощаясь с горняками, он, улыбаясь, сказал:

— Мы неоднократно пролетали над Кавказским хребтом, видели лощины и горные вершины, но, к сожалению, не заметили Тырныаузского комбината. В следующий раз мы будем очень внимательно смотреть вниз, чтобы найти маленький огонек, где живут люди, без которых нам бы никогда не подняться в космос.

ИЗ ПУШКИ ПО ОБЛАКАМ

Это случилось 9 июня 1939 года. Светило яркое солнце, изнемогали от песен жаворонки... И вдруг грязно-серое, клочковатое облако стерло и солнце и песни. То, что произошло в течение следующего получаса, оставшиеся в живых вспоминают с ужасом. Чабану Сохрину удалось спастись, а двадцать его товарищей погибли. Погибли от града. Диаметр градин достигал 8—10 сантиметров.

Два года назад в Отрадненском районе, Краснодарского края, град выбил все посевы.

— К сожалению, таких трагических историй немало,— рассказывает директор Высокогорного геофизического института, доктор географических наук, профессор Георгий Константинович Сулаквелидзе.— Почти каждый год во многих районах Кавказа град выбивал посевы.

Не случайно Георгий Константинович говорит об этом в прошедшем времени. Недавно он взял под свою охрану около двух миллионов гектаров плодороднейших северокавказских земель: установил 16 радиолокаторов, 80 зениток и начал стрелять... по «воробьям» — так иногда называют крупные градины. Двадцать тысяч снарядов в год поглощают градовые облака, и это приносит доход в тридцать миллионов рублей. Именно такова стоимость сохраняемого урожая.

— Принцип уничтожения градового облака прост,— объясняет Георгий Константинович.— Как это ни странно, мы стараемся ускорить процесс градообразования, распыляя в облаке йодистое серебро. Образующийся мелкий град не опасен: попадая в теплые слои атмосферы, он тает и выпадает дождем.

Все ясно. Все просто. Но за этой простотой — работа всей жизни выпускника Тбилисского университета Георгия Сулаквелидзе. До войны он занимался физикой снега. О лавинах тогда ничего толком не знали, а срывались они с кавказских вершин часто и ущерб наносили огромный. Когда молодой ученый уже готов был предложить свой метод предупреждения лавин, на Кавказ обрушилась другая лавина — фашисты установили свой флаг на вершине Эльбруса. Опытный альпинист Георгий Сулаквелидзе оставил свою артиллерийскую батарею и пошел в специальный отряд, который выбивал фашистов с Эльбруса...

После войны Сулаквелидзе снова вернулся на снега Эльбруса, но теперь как исследователь. А через несколько лет неожиданно для себя... поднялся на облака.

Когда уже стало ясно, что йодистое серебро вызывает быстрое образование мелких градин, начали думать, как его забросить в облако. Решили к воздушным шарам, наполненным водородом, прикреплять небольшие гондолы с йодистым серебром, а чтобы его распылить в облаке, набивали гондолу смесью пороха с красным фосфором. Прикидывали, на какой высоте надо произвести взрыв, прикрепляли соответствующей длины бикфордов шнур, поджигали и запускали шар в небо.

Но однажды, когда Георгий Константинович смешивал порох с фосфором, произошел взрыв. Даже не взрыв, а вспышка. Часть смеси попала на Сулаквелидзе. Горела рубашка, горела куртка, горели волосы, лицо, руки.

Долгие месяцы, проведенные в больнице, Сулаквелидзе не тратил даром: заново научился ходить, работать руками и обосновал метод обстрела облаков из зениток.

— В 1961 году был образован наш институт,— вспоминает Георгий Константинович,— вернее, был преобразован из экспедиции. Тут уж мы развернулись! Разработанный в институте метод воздействия на градовые облака зарекомендовал себя отлично, и теперь к нам обращаются все новые и новые хозяйства с просьбой взять их поля под защиту. Прослышали о работе института и за границей. Ездят к нам из социалистических стран, из Канады, Франции, США, Швейцарии, Швеции...

ТАНЦУЕТ «КАБАРДИНКА»

...Праздник был в самом разгаре. Закончили соревнования борцы и конники, спустились с эстрады певцы... Теперь очередь за танцорами. Один за другим взлетали на сцену лезгины и осетины, черкесы и кабардинцы. А в углу стоял приз — новенький никелированный велосипед! Когда высокий, стройный лезгин пронзительным «асса!» закончил свой огневой танец, всем стало ясно, что велосипед достанется ему.

Но вот зазвучала кабардинка. Вначале мелодия лилась медленно, как бы нехотя, словно скручиваясь в тугую пружину. И в тот самый момент, когда пружина скрутилась до предела, зурнист побагровел от натуги, а руки доулиста, казалось, вот-вот пробьют кожу барабана,— на сцену выпорхнул мальчик. Он соскочил откуда-то сверху, раскинув полы бешмета, мягко приземлился и, чуть коснувшись пола, опять взлетел. Казалось, что это вовсе не мальчишка, а орленок.

Судьба велосипеда была решена окончательно. Аплодисменты гремели, как горный обвал. И громче всех хлопал Серго Орджоникидзе.

— А потом Серго усадил меня к себе на колени, дал большущую грушу и долго со мной разговаривал,— вспоминает заслуженный артист РСФСР Мутай Ульбашев.— Но я его слов почти не слышал. Я все ждал, когда дадут премию — велосипед. Ведь шел 1936 год, и по тем временам такой велосипед — большая редкость. Я готов был прямо из Пятигорска ехать на нем до Нальчика! Можете представить мое состояние, когда меня посадили в седло, а я... не доставал до педалей. Видя, что я чуть не реву, Серго улыбнулся и пообещал прислать из Москвы точно такой, но только детский велосипед. И что вы думаете, прислал! Незадолго до праздника в Пятигорске меня пригласили в танцевальный ансамбль, только что созданный в Нальчике. До этого я жил в далеком балкарском ауле Шаурдат, пас овец и танцевал только на свадьбах. Профессии танцовщика тогда у нас не было... Теперь я целыми днями не слезал с велосипеда, ноги у меня стали крепкими, как у барса. На пальцах я мог танцевать даже босиком... В том же тридцать шестом году мы приезжали в Москву и побывали в гостях у Горького. Очень понравились ему наши танцы. Он даже хотел приехать на Эльбрус и написать книгу о горцах... Вскоре к нам присоединили хор, и мы стали ансамблем песни и танца. И только три года назад мы отделились от хора и образовался Государственный ансамбль танца Кабардино-Балкарии «Кабардинка».

Если вы не бывали в горах и не знаете жизни, истории и обычаев горцев, приходите на концерт «Кабардинки». Вы увидите темпераментные, искрометные и лирические танцы, вы увидите Кафу, Абзех, Исламей, Голлу, Удж-пух и Тегерек-тепсеу... Не одну сотню лет существуют эти танцы, но на их основе счастливый обладатель никелированного велосипеда создает новые, которым аплодируют жители Сибири и Закавказья, Мурманска и Дальнего Востока, Урала и Средней Азии.

Каждый год балетмейстер ансамбля Мутай Ульбашев отправляется в горы и из далеких сел привозит ребят с ногами, крепкими, как у барса.

СОСНЫ ВЕЛИКОГО ПИТИУСА

Мы очень мало знаем о ней. Когда она появилась, человека еще не было на земле. Пицундская сосна древнее человека.

Деревья не вечны: одни умирают, другие поднимаются. Но иным соснам в Пицундской роще по двести лет. Можно потрогать красную с сиреневым отливом кору, почувствовать, как под ногами пружинит тысячелетний настил из рыжих сосновых игл. Сколько разных людей ходило по этому настилу!

О многом рассказали археологические раскопки в районе Пицунды. Многолетняя экспедиция расчистила улицу, которой, по всей вероятности, 2 000 лет, обнаружила сложную систему водопровода и канализации, отрыла изумительную по своему художественному богатству мозаику с изображением тритонов и рыб...

Сначала здесь стоял Великий Питиус — город, основанный милетскими купцами (кстати, слово «питиус» означает — «сосна»). Потом была греческая фактория. Ее захватили римляне. У римлян отвоевали готы. В начале XIII века в Пицунде хозяйничали генуэзские купцы. В XIX столетии жили русские монахи, располагались солдатские казармы. Но до сосны, дарящей здоровье и радость, никому не было дела. И вот впервые за тысячелетия здесь не бьют в барабаны, не торгуют, не беседуют с всевышним, а делают то, что только и должен делать человек в таком благословенном уголке земли.

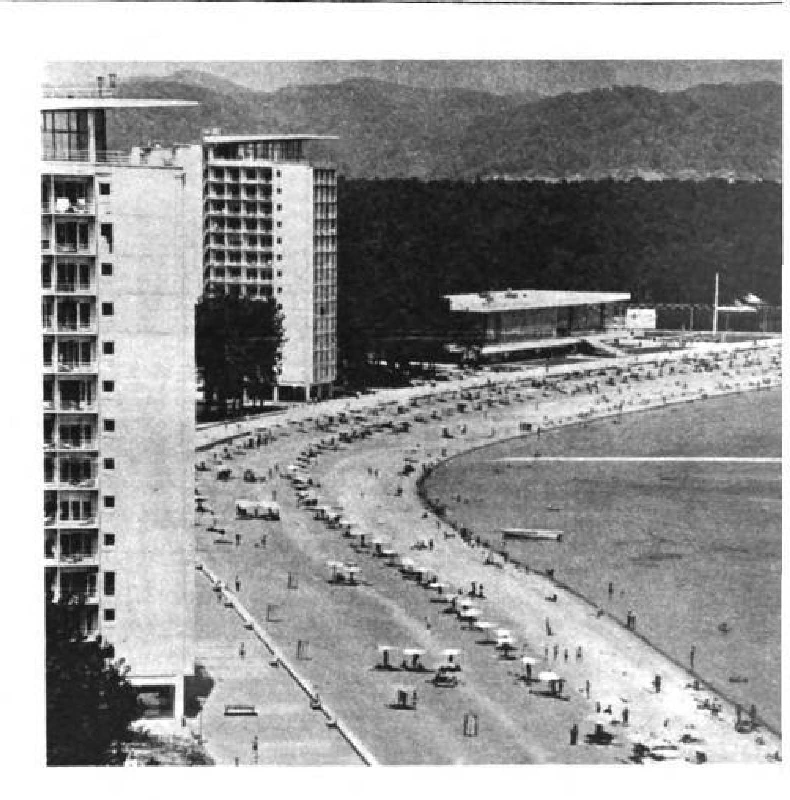
Курорт Пицунда открылся в этом году. Семь небоскребов поднялись над пицундскими соснами. Построена набережная, курзалы, кинотеатр, бассейн для детей.

Кое-что здесь еще не доведено до конца. Некоторые приятные вещи можно будет увидеть лишь к концу сезона. Например, громадную бронзовую статую колхидянки Медеи, которая встанет в волнах прибоя. Ее создал Мераб Бердзенишвили, автор скульптуры Шота Руставели, установленной в Москве. Уже отлили Медею на заводе в Ленинграде. А то, что уже сделано оформительской бригадой, руководимой главным художником курортов Грузии Зурабом Церетели, говорит о неповторимом лике Пицунды. Эмблемы на корпусах, копии древнегрузинских стел, скульптуры из шамота, яркие керамические панно — все это свидетельства большого и тонкого вкуса.

Отныне Пицунда стала местом отдыха.

И. МЕСХИ, собкор «Огонька».

Фото Г. Хамашуридзе.

Владимир ЛЯСКОВСКИЙ

25 ЛЕТ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ НОВОРОССИЙСКА

У МЫСА ЛЮБВИ

Три загадочные буквы, словно пароль,— ОВЗ. Я их услышал осенью сорок первого года на Южном фронте, в тревожную пору, когда хваленая немецкая танковая армия Клейста остервенело рвалась к Ростову. Что за таинственные буквы?

Мне, тогда военному корреспонденту «Комсомольской правды», приходилось писать в свою газету о защитниках Ростова, отражавших удар бронированного неприятельского кулака. И вдруг узнаю, что где-то в камышовых зарослях Дона отважно и лихо действует ОВЗ. Донесения о его боевых делах тщательно зашифровывались и с фронтового узла связи передавались в Генштаб.

ОВЗ! Это звучало как-то необычно — отряд водных заграждений! Он был придан кораблям Азовской флотилии, этот поистине летучий, неуловимый отряд, отменно маскировавшийся, как смерч, налетавший на вражеские позиции и так же стремительно и незаметно уходивший от противника, наводя в его стане переполох и панику. Очень хотелось рассказать читателям «Комсомолки» о храбрецах в бескозырках и тельняшках. Но майор оперативного отдела штаба Южного фронта уклончиво отвечал: «Дислоцируется ОВЗ на Дону. Вот вам и все координаты. А где конкретно, аллах ведает. Ищите сами. Учтите, однако, что противник пока не знает о существовании этой воинской единицы»...

Неоглядная дельта реки. Рукава, проливы, дремучие камыши, островочки с плакучими ивами, заросшие красноталом, нежно-желтые песчаные косы. Где-то здесь шныряют переодетые в форму советских бойцов немецкие диверсанты, выброшенные в Дон на резиновых лодках. Мотор нашего челнока выключен, идем на веслах. Над камышами жужжат трассирующие пули. Откуда ни возьмись — сторожевой катер со станковым пулеметом на носу и хриплый окрик: «За-во-ра-чи-вай!.. Кто та-кие?.. В лодке сидеть на мес-те. Ясно-о?» Знакомство происходит буквально под дулом пулемета. Командир отряда, плотный человек с обветренным, строгим, гладковыбритым лицом, с ямочкой на подбородке, в морской фуражке с поблескивавшим «крабом» у козырька, придирчиво проверив наши удостоверения, вдруг задумчиво роняет: «Откровенно сказать, не думал, не гадал, что буду давать интервью своим коллегам по перу...» Поймав наш недоуменный взгляд, пояснил: «Надеюсь, вам знакома газета «Машиностроение»? Ваш покорный слуга до войны представлял этот орган. А с «Комсомолкой» у меня старые связи. На Московском тормозном заводе я когда-то был секретарем комсомольской организации, избирался даже на IX съезд ВЛКСМ делегатом. Ну, а теперь, как и вам, пришлось сменить гражданскую одежду на военную».

Он представился: майор Цезарь Куников. На Дон прибыл недавно. 14-й отряд водных заграждений формировался в августе на Химкинском водохранилище, отряд сколотили в Москве из добровольцев-осводовцев, парней ловких, здоровых, овладевших в кружках Осоавиахима военными специальностями мотористов, радистов, легких водолазов, подрывников, пулеметчиков. До Дона добирались эшелоном по железной дороге, здесь пересели на сторожевые катера, получили морскую робу, тельняшки, бескозырки, бушлаты, и уже в ноябре московский журналист Цезарь Куников со своим ОВЗ прошел боевое крещение: с бреющего полета их не однажды обстреливали немецкие «мессеры».

Он просил не торопиться с нашим материалом в газету: «Рано еще. Пока отряд не втянулся как следует в войну».

Он говорил это искренне, без рисовки, без напускной скромности. Цезарь Куников реально оценивал драматическую обстановку, сложившуюся на Юге не в нашу пользу, но не роптал, не хныкал. Пригодился его дар газетчика, агитатора, большевика. Он выполнял свой долг, как подобает коммунисту, проявляя волю, решительность

Сентябрь 1943 года. Группа десантников морской пехоты ведет бой у здания новороссийского элеватора.

Фото Е. ХАЛДЕЯ.

Л. И. Брежнев и генерал А. А. Гречкин на «Малой Земле».

Сентябрь 1943 года. Новороссийск взят. Ликуют матросы и солдаты на набережной города.

и самостоятельность. Командир отряда рассказывал о своих бойцах — москвичах и новобранцах с донских станиц. С хутора пришел на катер парнишка, не нюхавший пороха. В колхозе был учетчиком огородной бригады. Принимая его, майор, улыбнувшись, заметил: «Гранаты, товарищ, не огурцы, а пулемет — не капуста». «Да я привыкну и к пулемету,— нашелся огородник.— Примите в моряки, согласен палубу драить...»

Он быстро пообтесался, добросовестно выполнял все, что ему поручали. Матросы научили его окапываться саперной лопаткой, метать гранату, орудовать кинжалом и штыком в рукопашной схватке. Овладел он и пулеметом. «У парня фамилия забавная,— сказал нам майор.— Павел Потеря. А наши остряки прозвали его Находкой. Ходил уже в разведку. Хлопец подходит для десанта физически и морально...»

О Павле Потере я снова услышал трагическим летом сорок второго года, когда немцы второй раз заняли Ростов. ОВЗ почти последним оставлял город. Кто-то вспомнил, что видел в краеведческом музее, как экспонат, пулемет «максим». «А стрелять из него можно?» — поинтересовался командир. «Совсем исправный»,—ответили ему. То было историческое оружие. Из этого «максима» красногвардейцы стреляли в семнадцатом году по Зимнему дворцу. С буденновской тачанки этот же пулемет строчил по врагам революции. После гражданской войны решили выставить «максим» в ростовском музее. Цезарь Куников, узнав биографию легендарного пулемета, вручил его Павлу Потере. «Держи и до самого Берлина не расставайся с «максимом». «Будет сделано, товарищ командир»,— отчеканил пулеметчик.

Выбор майора не случайно пал на этого бравого парня. Павел добывал «языков», в бою принимал самостоятельные решения, обладал крепкой силой, ловкостью. Шли бои за Темрюк. ОВЗ преобразовали в батальон морской пехоты. Сменились и наши журналистские удостоверения: был Южный фронт, а теперь — Черноморская группа войск.

В январе сорок третьего года, заехав в Геленджик, я был немало удивлен, что в курортном поселке «Солнцедар» встретил своих старых знакомых из ОВЗ. По виду они больше походили на партизан. Ватные стеганые куртки, шапки-ушанки, у поясов — связки гранат, ножи, на груди — автоматы. Странно было видеть их здесь в ответственный момент наступления советских дивизий в горах. Наша 18-я армия, прорвав немецкую оборону, продвигалась через перевалы, тесня врага. Казалось бы, морской пехоте и возглавить наступательный порыв. В чем же дело?

Ночью морских пехотинцев поднимали по тревоге. Вместе с командирами они бросались в ледяную воду, чтобы сесть на мотоботы, на которых до войны рыбаки ловили хамсу, что и дало острякам повод окрестить их «тюлькиным флотом». И мало кто догадывался тогда, что этому «тюлькину флоту», который тут командовал капитан 3-го ранга Николай Сипягин, и предстояло сыграть немаловажную роль в исторической операции, разыгравшейся на Мысхако, получившем затем название «Малая Земля».

Под Геленджиком в ту пору готовили и тренировали десантников. Разрабатывалась будущая операция долго, умно, масштабно и дерзко. Даже командиры бригад и полков терялись в догадках. Чем вызваны такие, например, шаги командования: наступавшим двум бригадам морской пехоты — 107-й и 165-й — вдруг был отдан приказ остановиться и перебазироваться в Геленджик?

И тут следует внести поправку в ряд газетных и журнальных статей, очерков, исследований и мемуаров, напечатанных в послевоенный период. Увлеченные подвигами отдельных солдат, матросов, офицеров, авторы этих произведений как бы обкрадывают историю, забывая нарисовать впечатляющую панораму сражений, гремевших на «Малой Земле» не день, не два, а свыше семи месяцев,— сражений, тщательно подготовленных командованием и политическими органами 18-й армии.

2 февраля сорок третьего года, в день завершения Сталинградской битвы, был подписан приказ штаба армии, в котором говорилось: «Десант в составе 83-й и 255-й бригад, усиленный батальоном танков и пулеметным батальоном, высаживается в ночь на четвертое февраля в районе села Южная Озерейка. Одновременно высаживается демонстрационный десант в районе Суджукской косы и поселка Станичка...»

В отряде особого назначения было почти триста десантников. Каждый, так было решено коммунистами, должен был своей подписью заверить воинскую клятву перед десантом. И одним из первых расписался под солдатской клятвой Павел Потеря.

— А пулемет возьмешь с собой? — спрашивали у него моряки.

— До Берлина донесу,— отвечал он.— Шутка ли, пулемет революции!

Павел Потеря, как и его товарищи по отряду особого назначения, хорошо усвоил свою задачу: их десант должен был отвлечь внимание противника от основных ударов наших бригад.

«Тюлькин флот» во главе с капитаном третьего ранга Николаем Сипягиным великолепно сработал. На приглушенных моторах буквально впритирку к берегу Мысхако были подведены мотоботы. Десантники бесшумно выскочили на берег, сохраняя оружие и боеприпасы. Врага застигли врасплох. Ни сигнальных ракет, ни выстрелов. Десантники прыгают в траншеи, в ходы сообщения, в окопы, забираются в доты, уничтожая огневые точки, пулеметные гнезда, вражеские батареи. Победно над берегом гремит матросская «полундра». Помня наставления командования, майор Куников тут же по радио открытым текстом, чтобы слышал и противник, передает свое первое донесение с Мысхако, с «Малой Земли»: «Полк высадился благополучно, без потерь, продвигаемся вперед. Уничтожаем огневые точки. Жду подкрепления...»

Что касается «полка», то была гипербола, конечно, а вот насчет потерь верно: один убит и трое ранено. Вот и все. По этому поводу десантники потом острили: «С нами ведь был пулеметчик Павел Потеря. Он и избавил нас от потерь...»

Десантники буквально зубами уцепились за крохотный клочок каменистой земли возле Станички — четыре километра в длину и два с половиной километра в глубину.

В ту же ночь на берег высадился другой отряд — парашютисты, которых доставил сюда все тот же «адмирал тюлькиного флота» Н. Сипягин. Однако парашютистам не повезло. Они должны были штурмом взять мыс Любви и разгромить немецкую батарею. Но на мысе стояли отборные эсэсовские части, они сразу обнаружили парашютистов и открыли по ним шквальный огонь. Ни один парашютист в ту ночь так и не добрался до мыса Любви. Не состоялся десант и у Южной Озерейки. Корабли из-за сильного огня противника вынуждены были в ту ночь повернуть в Геленджик.

Гитлеровцы теперь были настороже и уже с рассвета обрушили на западный берег Цемесской бухты огонь из орудий и минометов. Противник понимал, что наше командование любой ценой станет расширять захваченный плацдарм. Враг ожесточился. Горы вздрагивали от бомб. Над бухтой круглосуточно ревели немецкие самолеты. И ночью здесь было светло, как днем: немцы с самолетов развешивали «люстры», осветительные ракеты на парашютах, излучавшие ослепительный свет.

И тем не менее Геленджик каждую ночь присылал подкрепление. Люди знали, что враг не дремлет, что их подкарауливает смерть. Но есть воинский долг, есть присяга. И они отправлялись на «Малую Землю». Не все мотоботы достигали берега. «Тюлькин флот» нес чувствительные потери. Не помогали и дымовые завесы, пущенные нашими торпедными катерами. Сто сорок орудий врага, установленных на высотах, встречали каждый советский мотобот или катер. Попробуй прорвись через такой сплошной огненный заслон! И все же пробивались, презирая смерть.

В ночь с 5 на 6 февраля на «Малую Землю» высаживается 107-я отдельная морская бригада полковника Л. В. Косоногова. Бойцам пришлось прыгать в ледяную воду в 50—70 метрах от берега и вплавь, таща на себе оружие, боеприпасы, добираться до него.

Военный Совет 18-й армии обратился к десантникам с проникновенным воззванием. В траншеях и окопах, под лютым огнем врага десантники отвечали Военному Совету:

«Отвоеванный нами у врага клочок земли под городом Новороссийском мы назвали «Малая Земля». Она хоть и мала, но это земля наша, советская, она полита нашим потом, нашей кровью, и мы ее никогда и никому врагу не отдадим.

Клянемся своими боевыми знаменами, именем наших жен и детей, именем нашей любимой Родины, клянемся выстоять в предстоящих схватках с врагом, перемолоть его силы и очистить Тамань от фашистских мерзавцев.

Превратим «Малую Землю» в большую могилу для гитлеровцев!»

И они до последнего вздоха были верны своей клятве.

* * *

Весной нынешнего года в Геленджике состоялся слет «малоземельцев». По случаю юбилея: подвигу — четверть века.

Какая это была трогательная встреча фронтовых друзей!

...Василий Федотович Батула. Седой, круглолицый, чуть прихрамывает — метка «Малой Земли». Ныне он начальник связи Черноморского управления рыбной промышленности. В феврале сорок третьего тоже был связистом, начальником связи 107-й отдельной морской бригады, а в конце того памятного февраля его назначили начальником связи десантных войск на «Малой Земле».

— Все донесения и шифровки проходили через мои руки,— вспоминает он.— В рост мы разучились там ходить. Все больше ползали среди камней. А огонь был сумасшедший.

Потом разговор зашел о майоре Куникове. Через девять дней после высадки десанта на «Малую Землю» майора ранило осколком мины. Его отправили в Геленджик, где он и скончался.

— Бесстрашный был... И очень человечный... Каждый день заглядывал к нам в пещеру. Мой ординарец Гришка Клименко, непоседа и сорвиголова, ухитрялся под обстрелом пробираться на берег, ловить бычков и собирать в бухте глушенную бомбами ставриду и камбалу. На уху заглядывал и майор. Он рассказывал, что ведет дневники, был страшно опечален трагической судьбой парашютистов. «Если останусь жить,— говорил майор,— непременно напишу о мысе Любви».

Участники слета принесли с собой пожелтевшие от времени листовки, фронтовые брошюры. Незабываемые реликвии! С волнением читаешь письмо Вити Чаленко, 15-летнего комсомольца из 83-й морской бригады. Моряки наступали в район кладбища. Но немецкий пулемет прижал батальон к земле. Кто подавит огневую точку неприятеля? И все вдруг увидели, как худенький подросток пополз вперед. «Вернись, сумасшедший!» — кричали ему моряки. Но Витя продвигался вперед. Вот он уже швырнул гранату, и пулемет противника замолк. Витя уже слышал восторженные крики десантников. Еще мгновение — и он будут рядом. Но он не дожил до этого мгновения: снайперская пуля пришила парнишку к земле. В кармане его бушлата моряки нашли блокнот. На листочке неровными буквами карандашная запись: «Если погибну в борьбе за рабочее дело, прошу политрука Вершинина и старшего лейтенанта Куницына зайти ко мне домой, в город Ейск, и рассказать моей матери, что сын ее погиб за освобождение своей Родины. Прошу мой комсомольский билет, орден, этот блокнот и бескозырку передать ей. Пусть хранит и вспоминает своего сына — матроса. Город Ейск, Ивановская, 35, Чаленко Таисия Ефимовна. Витя Чаленко». Это о нем, о пятнадцатилетнем комсомольце, была сложена песня:

Бригада по праву орлами
гордится
С простой и бесстрашной
матросской душой.
Их много — Воронин, Гулиев,
Куницын
И Витя Чаленко — орленок,
герой...

Интересные подробности о «Малой Земле» рассказал мне Порфирий Александрович Штахановский. Он был заместителем командира 16-го стрелкового корпуса. А до этого? Петроград. 1912 год. Подполье. Рабочий типографии. Печатает «Правду». 1915 год — унтер, взводный, артиллерист. Западный фронт. 1917 год — председатель дивизионного комитета. 1918 год — партия большевиков. ЧК. Подавлял мятеж на фортах Кронштадта. Затем стал комиссаром форта. Мирное время — борьба с бандами, ликвидировал во время коллективизации повстанческие группы на Дону, ездил по станицам вместе с Михаилом Шолоховым. 1941 год — комиссар полка народного ополчения в Ростове. Лето сорок второго — комиссар 30-й Иркутской дивизии.

Я спросил Порфирия Александровича, помнит ли он Павла Потерю.

— Бог ты мой, кто же его не помнит! Он со своим легендарным пулеметом и на мысе Любви отличился...

И тут же протянул мне листовку политотдела 18-й армии.

«В ночь на 10 сентября Павел Потеря высадился в Новороссийске, на мысе Любви. Всем памятны суровые и героические дни боев за Новороссийск. Но не всем известно, что самые ожесточенные и тяжелые бои пришлось вынести бойцам нашего десанта именно в районе мыса, носящего такое поэтическое и мирное название... Три вражеские огневые точки одну за другой подавил из своего пулемета Павел Потеря. Но иссяк боезапас и у него и у его боевых товарищей. Отбиваясь от вооруженных до зубов фрицев, пробились наши бойцы на «Малую Землю», а Потеря под огнем врага пронес на себе раненого командира.

Через два дня он снова высаживался в Новороссийске и дрался с врагом на улицах города».

— Вам известно, как дальше сложилась судьба Потери? — спрашиваю у Штахановского.

— Жив и здоров. В Ростове командует деревообделочным цехом.

— А его пулемет?

— Когда Потеря был ранен, землей завалило в окопе и пулемет. Но потом его отрыли. Оружие было искорежено. Пулемет отправили в Ленинград. Там он и выставлен...

— Весна сорок третьего года,— продолжал Порфирий Александрович,— была для десантников невероятным испытанием воли, разума, нервов. Только за пять дней, с 17 по 23 апреля, немцы сбросили на «Малую Землю» 17 350 бомб. Посчитайте: в день 3 500 бомб. На клочок земли. Добавьте сюда снаряды противника: за четыре дня 45 тысяч снарядов и 15 тысяч мин. Страшная арифметика. Не правда ли? В ту весну мы проводили на «Малой Земле» собрание партийного актива. К нам ночью на катере прибыл начальник политотдела 18-й армии полковник Леонид Ильич Брежнев. Леонид Ильич побывал непосредственно на огневой линии, в траншеях, окопах, беседовал с десантниками Мысхако, ознакомился с состоянием нашей обороны. Он дал высокую оценку партийно-политической работы в частях корпуса и отметил высокие моральные качества моряков и солдат, передовую роль коммунистов и комсомольцев. Тогда ему и был представлен наш орел, член партии Павел Потеря. Леонид Ильич, прощаясь с Потерей, пожелал ему боевой удачи и заметил: «Буду рад услышать о ваших подвигах на мысе Любви». Павел Потеря и на этот раз оправдал доверие, дрался геройски...

Участники слета малоземельцев побывали на Мысхако. Здесь теперь плантации виноградарского совхоза, который носит имя «Малая Земля». Три года после битвы виноградные лозы тут не давали плодов.

Пришли малоземельцы и на площадь Героев, у самой лазурной бухты, где у причалов швартуются океанские лайнеры и танкеры, деловито снуют катера, буксиры. Здесь, на берегу, под сенью деревьев, стоят два гранитных обелиска — памятники Героям Советского Союза Цезарю Куникову и Николаю Сипягину. А между могилами полыхает на ветру вечный огонь, напоминая о бессмертии подвига героев «Кубанского Сталинграда».

...Время идет вперед. Каждый час «отмеряют» мелодичным боем свои новороссийские куранты. И исполняют «Реквием» Дмитрия Шостаковича. Звучит над городом суровая музыка, великолепно передающая мысль автора: никто не забыт, ничто не забыто! Это гимн героям «Малой Земли», Новороссийска, мыса Любви...

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Ленину

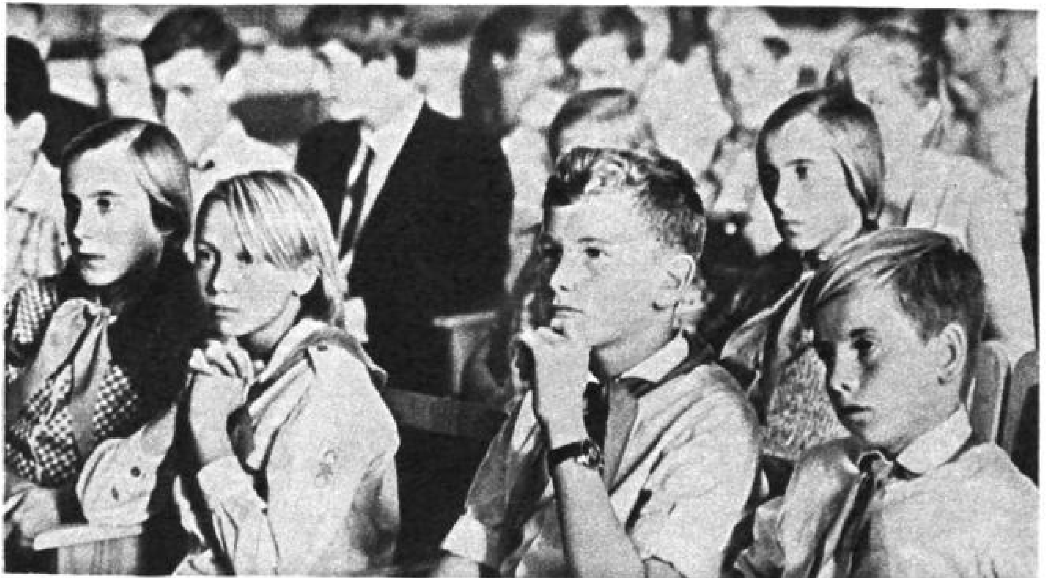
НАЧАЛО 6½ ЧАС.

ПУТЕВКА

на митинги 30-го Августа 1918 г.

Тема: "ДВѢ ВЛАСТИ"/Диктатура рабочихъ и диктатура буржуазіи/

Путевка Московского Комитета РКП(б) В. И. Ленину для выступления на митингах трудящихся в Басманном и Замоскворецком районах 30 августа 1918 года.

Идет торжественный сбор.

Люда Роднонова и Жанна Добровецкая — члены пионерского штаба «Союз дружных».

Я знал рабочего.
Он был безграмотный.
Не разжевал
даже азбуки соль.
Но он слышал,
как говорил Ленин,
и он
знал — всё...

Затаив дыхание, слушают ребята стихи Маяковского — в Первомайском Дворце пионеров идет торжественный юбилейный сбор, посвященный пятидесятой годовщине выступления Владимира Ильича Ленина с речью на митинге в Басманном районе Москвы 30 августа 1918 года. Выступал Владимир Ильич здесь, в этом же зале. Тогда помещалась тут Хлебная биржа, а с тех пор уже не один десяток лет это здание принадлежит пионерам. Сборы 30 августа — давняя традиция. Каждый год в этот день собираются здесь ребята, чтобы послушать воспоминания об Ильиче, поделиться друг с другом впечатлениями о минувшем пионерском лете. Сегодня в гостях у ребят Семен Иосифович Гутин, современник тех пламенных лет, когда в ожесточенной борьбе шло становление молодой Советской власти, чему и посвятил пятьдесят лет назад свое выступление В. И. Ленин. В своей речи на тему «Две власти (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)» Владимир Ильич разоблачал предательскую политику соглашательских партий — меньшевиков и эсеров и на примерах показал, к чему это приводит. В ту тяжелую пору Украина и Кавказ, Сибирь и Волга были захвачены контрреволюцией.

«И что же мы видим в этих местах, на развалинах Советов?— говорил Ленин.— Полное торжество капиталистов и помещиков, стон и проклятия в среде рабочих и крестьян. Земля отдана дворянам, фабрики и заводы их прежним владельцам. Восьмичасовой рабочий день уничтожен, рабочие и крестьянские организации упразднены, а на их место восстановлены царские земства и старая полицейская власть.

Пусть каждый рабочий и крестьянин, кто еще колеблется в вопросе о власти, посмотрит на Волгу, на Сибирь, на Украину, и тогда ответ сам собой придет — ясный и определенный».

Теперь у нас каждый пионер знает, что ленинские слова не ложатся в архив истории, они и сегодня на нашем вооружении.

— Мне выпало большое счастье,— рассказывает ребятам С. И. Гутин,— неоднократно видеть и слышать Ленина. В то время я работал в Центропечати ВЦИК. Эта организация была создана для распространения советской печати по всей стране. Примечательно, что Центропечать впервые выпустила тогда пластинки, на которых записан голос Владимира Ильича.

Я организовывал в Москве первые киоски советской печати. Был такой и в Большом театре, где несколько раз выступал Ленин. Понятно, что его выступления я никогда не пропускал. Одно из них сыграло для меня решающую роль в выборе жизненного пути. Это произошло на съезде Советов, где обсуждался план ГОЭЛРО. В то время мне был двадцать один год, и я решил посвятить свою жизнь выполнению Ленинского плана электрификации страны. Более трех десятков лет я проработал в энергетике и всегда гордился тем, что выполнял задание Ленина, считал свою работу партийным поручением, хотя и относился к тому многомиллионному отряду советских людей, которых называли беспартийными большевиками.

Вы знаете, что после своего выступления здесь, вот в этом здании, Ленин поехал на завод Михельсона, где на него было совершено злодейское покушение. Враги рабочего класса не хотели сдавать своих позиций. Неспокойно в мире и сегодня. Мы всегда должны помнить те слова, что сказал Владимир Ильич полвека назад в этом зале.

Старшее поколение оставляет вам, ребята, в наследство великие завоевания, главное из которых — власть рабочих и крестьян. Учитесь прилежно, чтобы быть достойными ленинцами, гражданами страны социализма — друга и защитника интересов трудящихся всего мира...

...Весь вечер звучали во Дворце звонкие ребячьи голоса. А закончился он традиционно-веселым «арбузником», нисколько не помешавшим торжественности сбора.

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

ОГНЕННАЯ ДУГА

Николай АСАНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

3

«В течение 6 июля наши войска на ОРЛОВСКО-КУРСКОМ и БЕЛГОРОДСКОМ направлениях продолжали вести упорные бои с крупными силами танков и пехоты противника. Наступление противника поддерживалось большим количеством авиации.

На Орловско-Курском направлении все атаки противника отбиты с большими для него потерями.

На Белгородском направлении противнику ценой больших потерь удалось незначительно продвинуться на отдельных участках.

По неполным данным, нашими войсками на Орловско-Курском и Белгородском направлениях за день боев подбито и уничтожено 433 немецких танка. В воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 111 самолетов противника. Взято в плен 22 немецких летчика».

СОВИНФОРМБЮРО.
Первая «Оперативная сводка»
6 июля 1943 года.

Толубеев внимательно прослушал всю сводку и все боевые эпизоды, включенные в нее. О появлении в боях новых немецких танков «тигр» и «пантера» ничего не говорилось. Если бы он сам не видел, как артиллеристы лейтенанта Калинина расстреливали это «чудо немецкой техники» вчера утром, он мог бы подумать, что ни немцы, ни мы не ввели в продолжающийся бой никакого нового вооружения. А может быть, это дезинформация для немцев? Вы, мол, выпустили на поле боя целый зверинец, а мы этого даже не замечаем, бьем и «тигров» и «пантер», как зайцев? Но ведь мы сообщаем всему миру, что немцы все-таки потеснили нас на Белгородском направлении? Однако и сами немцы ни слова не сказали о своем начавшемся наступлении. Сводка немецкого командования тоже лежала на его столе (Кристианс позаботился), но в ней не было ни слова о боях на Брянском направлении, как они именовали этот участок фронта...

Ночью в бригаде объявили «готовность № 1». Это означало, что немцы наращивают свои силы. Вероятно, им пришлось в первые же сутки боя ввести многие из резервных частей, которые были приготовлены не для прорыва, а для развития наступления. Внутренняя фронтовая сводка называла новые дивизии и танковые корпуса, опознанные в боях в ночь на шестое. А успехи у немцев пока что небольшие: у Томаровки они продвинулись на шесть — восемь километров и вклинились во вторую линию обороны. Орловская группа немецких войск, пытавшаяся прорваться на Поныри, успеха не имела.

За эти двое суток Толубеев спал от силы три часа, но вот странно: чувствовал себя бодрым, сильным. Даже вчерашняя контузия не отозвалась. Он понимал, конечно, что потом, когда это затяжное сражение окончится, он, если уцелеет, доставит хлопот госпитальным врачам. Сейчас он жил нервным напряжением, как и всякий солдат во время боя.

Он вышел из спрятанного в зарослях полевого укрытия. Танки, надежно замаскированные, по-прежнему ждали своего часа. Немецкие самолеты пока что обходили эту полупустыню стороной, у них было много дел и на линии фронта. Иногда лишь вырывался гонимый советским истребителем «юнкерс» или «фокке» и удирал, прижавшись почти к самой земле, или падал, оставляя за собой черный шлейф дыма. Не только стрелять по самолетам, но и появляться на дорогах, полянах, на краю оврага строго запрещалось.

Толубеев прислушался: тяжелый гул сражения доносился равномерно, и то там, то здесь по горизонту поднимались черные столбы дыма.

В первые дни войны он, услышав где-то канонаду боя, рвался туда со всем нетерпением молодости. Ему казалось, что он просто обязан быть там, где погибают его товарищи. Теперь же он хладнокровно высчитывал, когда может наступить момент, в который пригодится он со своими танками. И если гул сражения не передвигается с юга на север, это означает, что он должен спокойно ждать, учить своих людей главному искусству войны — выдержке, ведь многие из них впервые принимают участие в бою.

Он не спеша шел через лесопосадку, придирчиво вглядываясь в маскировку танков, в лица солдат, так же, как и он, прислушивавшихся к рокоту ближнего боя, здоровался с ними и проходил дальше. Все шло как будто нормально, люди отдыхали посменно и готовились к бою.

Возвращаясь, он опять увидел сквозь ветви деревьев воздушный бой. И хотя всем спрятавшимся в этом лесу хотелось разглядеть подробности боя, никто не выскочил из-под деревьев и не нарушил маскировку, а немецкий самолет (это был «мессершмитт») стремительно уходил от нашего истребителя на запад, в сторону Белгорода.

В штабном блиндаже тихо зуммерил телефон, кто-то спокойно отвечал на вызов, и Толубеев снова подумал: «Научились воевать! Никто не кричит, не паникует, не грозит, не ругается! И хотя у всех нервы напряжены до крайности, держатся люди отлично! Ну, теперь берегись, господин Гитлер! Ни уничтожить нас, ни запугать ты не смог!»

Он шагнул в открытую дверь блиндажа. Начальник штаба поднялся, офицеры приветствовали командира весело и непринужденно и снова обратились к своим делам: они знали, что Толубеев не любит бестолочи и суеты.

Начальник штаба сказал:

— Вита Арвидовна просила вас позвонить: привезли новых пленных.

Телефонист затараторил на своем сигнальном языке: «Пчела», «Пчела», вас вызывает «Улей!» — и передал трубку подполковнику. И тотчас же послышался милый голос Виты, от которого волна нежности хлынула к сердцу. Но говорила она деловито, чуть щеголяя этой служебной подчиненностью.

— Товарич подполковник, привезли несколько пленных танкистов с «тигров» и летчика. Полковник Кристианс просил вас познакомиться с их показаниями...

«Она еще долго, может быть, всю жизнь будет говорить с этим акцентом,— подумал он.— Но ее «товарич» звучит теперь так же естественно, как и у каждого из нас «товарищ». И она привыкнет к новой стране и будет делить с нею все ее радости и горести...» И вдруг поймал себя на том, что ему хочется сказать вслух: «Если мы уцелеем...»

Это была слабость, недопустимая, опасная, потому что он тем самым как бы примеривал все беды войны к ней, к Вите, такой хрупкой и слабой, и эти беды становились огромными, непереносимыми, какими никогда не казались относительно его самого, его солдат и офицеров. И снова, в какой уже раз, посетовал на себя: почему не оставил ее в Москве? Тогда ему было бы легче здесь...

Пункт опроса пленных, которых привозили в штаб бригады по распоряжению Кристианса «для знакомства с настроениями», как любил полковник говорить, находился в полутора километрах от лесопосадок, в полуразрушенном доме отдыха. Подъезд к нему разрешался только со стороны шоссе, с востока, чтобы скрыть от случайного взгляда расположение танкового полка. Но подполковник предпочитал пешую прогулку по руслу речки и оврагу, где в зарослях лещины и терновника мог затеряться не только пешеход, но и всадник. И Толубеев нырнул в зеленую прохладу.

В бывшей столовой дома отдыха — низком, приземистом отдельном здании — под охраной лежали на охапках сена и сидели на скамейках вдоль стен несколько десятков пленных. Они уже отвоевались и чувствовали себя в относительной безопасности. Правда, к гулу самолетов они прислушивались со страхом. На дворе под густолистым дубом мирно стояла полевая кухня, и они поглядывали туда сквозь распахнутые двери с надеждой и любопытством. Некоторые были в плену уже второй и третий день и знали, что русские пленных не бьют, не расстреливают и даже кормят, а новички, которые еще не очень верили в эти толки, сейчас напряженно ожидали, что будет с ними дальше: расстрел или... обед?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30—37.

Подполковник прошел в маленький деревянный домик, где Вита опрашивала пленных.

Рядом с Витой сидела Лидия, записывавшая показания длиннолицего немца в прожженном до дыр мундире. Вита переводила фразу за фразой. Сержант, охранявший пленного, прислушивался к переводу, склонив голову набок. Толубеев подумал: «Солдатская почта! Вернувшись с дежурства, сержант порасскажет кое-что однополчанам. А этот гитлеровец так напуган, что сержанту будет что рассказать!»

Завидев офицера в большом чине, гитлеровец вскочил так стремительно, что сержант сдернул с шеи автомат. Вита и Лидия улыбнулись: одна — доверчиво-радостно, другая — снисходительно, как будто подтверждая: «Я же говорила, что все будет в порядке!»

— Продолжайте! — приказал он.

Вита доложила: Курт Блюме, унтер-офицер тридцать пятого танкового полка. Взят в плен сегодня утром в расположении Томаровки.

— Садитесь! — приказала она пленному. И когда тот, боязливо оглядываясь на русского офицера, сел, сказала: — Я слушаю.

Немец заговорил быстро, страстно. Как видно, он очень хотел убедить эту женщину-комиссара в офицерской форме с погонами младшего лейтенанта, а вместе с нею и всех других, в своей искренности. Вита сухо переводила:

— Он говорит, что их четвертая танковая дивизия стояла в пятидесяти километрах от фронта. Офицеры говорили, что их новые танки «тигр» будут направлены в прорыв, когда русские побегут, и будут преследовать отступающих до тех пор, пока не соединятся с танковым клином, наступающим со стороны Орла. Тогда они повернут на запад, чтобы рассечь окруженные части и устроить русским «котел»... — Тут она запнулась, посмотрела на Лидию: — Что такое «котел»? Это русское слово?

— Окружение, — усмехнулся Толубеев.

— А, знаю, «Сталинград»! — Вита кивнула.

Пленный опять заговорил. Вита методически переводила фразу за фразой:

— Унтер-офицер говорит, что видел у командира полка Штромера карту, на которой была схема немецкого наступления. Место встречи танковых соединений — Курск. Затем один клин вырывается на северо-восток в направлении Москвы, а четвертая дивизия ликвидирует «котел».

— Как он попал в плен? — спросил Толубеев.

Вита перевела вопрос. Пленный замялся. Вита повторила вопрос.

Тогда пленный вдруг взорвался. Толубеев понял, что он ругает свое командование. Вита усмехнулась, стала переводить:

— Унтер-офицер зол. Вместо того, чтобы послать их в прорыв, их послали прорывать — так это говорится? — обратилась она к Лидии. — Он считает, что это был обман. Прорыв должен был открыться еще вчера, а сегодня они были брошены на Томаровку, перед которой уже было, как это? Да, сто тысяч тонн горевшего железа. Нет, сгоревшего железа. Командиры говорили, что великий немецкий танк непробиваем русскими пушками, а в танк командира полка Штромера попал снаряд и сразу заклинил башню. Командир приказал этому унтер-офицеру прикрыть его танк, повернувшись лобовой броней к русским, пока экипаж полковника устранит повреждение. Унтер-офицер повернул свой танк, и тут в бортовую броню ударил снаряд. Какой? — спросила она у немца. — Да, зажигающий! Он сделал такой удар, как будто был двойной, и ввертелся, как черт, в броню... Разве черт вертится? — беспомощно спросила она у Толубеева.

Тот ответил:

— Кумулятивный снаряд, ты же видела их действие!

— О, я, я! Вертящийся черт! В танке вспыхнул пожар, и они выскочили в окоп. Тут танк командира тоже вспыхнул, унтер-офицер не знает, как это произошло, грохнул взрыв, и все для тех кончилось. Тогда

они переползли в оставленную русскими траншею и пошли по ней с поднятыми руками, пока не наткнулись на русских, которые взяли их в плен.

Пленный молчал, глядя на свои обожженные и плохо перевязанные руки. Толубеев сказал:

— Отправьте его в полевой госпиталь. И скажите об этом, а то он решит, что его ведут расстреливать.

Вита перевела. Пленный удивленно взглянул на нее, потом вдруг поверил, с благодарностью посмотрел на Толубеева, но тот уже расспрашивал другого пленного.

Этот пленный оказался летчиком. Толубеев подумал: Кристианс отправил его к нам для разнообразия. Действительно, показания пленных танкистов были удивительно похожи. На танки «тигр» немецкие командиры посадили «элиту». Тут были и эсэсовцы, и отличившиеся в прежних боях водители, и командиры других немецких танков. В плену они выглядели все одинаково испуганными, держались униженно и ничем не напоминали прежних победителей Европы, какими выглядели, даже попав в плен, в первый период войны. И больше всего их пугало то, что все расчеты их командования, все утверждения Гитлера и его знаменитый приказ о «решительном наступлении» — все оказалось мыльной пеной, жидкой волной, разбившейся о неприступную оборону русских. Они уже не верили или утверждали, что уже не верят Гитлеру...

Летчик был подавлен так же, как и танкисты. Но показания его были интереснее.

Обер-лейтенант Гофман получил приказ вести воздушную разведку в ближнем тылу русских. Дважды, а то и трижды в день он пролетал от белгородского фронта до орловского, там на своем аэродроме отдыхал и отправлялся обратно. Командование приказало ему особенно следить за «пробками» на тыловых дорогах, за отступлением разбитых подразделений Советской Армии. Утром восьмого июля его сбил советский истребитель. Обер-лейтенант выбросился на парашюте и попал в плен.

Он показал, что, когда к вечеру седьмого июля, на третий день немецкого наступления, сообщил начальнику разведки о том, что никаких «пробок» на тыловых дорогах русских не наблюдается, что все движение направлено не в тыл, а к фронту, то полковник, принимавший его рапорт, затопал в бешенстве ногами, упрекнул его в трусости: «Вы летаете не над дорогами, а над степью, чтобы вас не сбили русские зенитчики!» И приказал вылететь на рассвете. «Может быть, русские отводят свои войска тайно, ночью? Тогда на рассвете вы еще успеете заметить их передвижение...» Этот вылет на рассвете восьмого оказался для летчика последним...

До обеда Толубеев опросил еще десяток пленных, но это уже было повторение пройденного: боязнь русской артиллерии; кумулятивный снаряд; уязвимость «тигров» и самоходных пушек «фердинанд», о которых говорилось, что они несокрушимы...

В два часа приехал Кристианс. Они спустились в заросшую кустарником балку к речке. Кристианс, поплескав холодной водой на лицо, вдруг сказал:

— А вы ведь знаете, Владимир Александрович, зачем я приехал?

— Так точно, товарищ полковник! Когда?

— Одиннадцатого-двенадцатого. Немцы продвинулись уже на тридцать километров. Решающее сражение, по-видимому, произойдет где-то в районе Прохоровки. Есть приказ Ставки — изматывать противника до этого дня, а потом перейти в наступление. В штабе фронта готовят новую дислокацию. Начальник штаба просил передать: ваша бригада тяжелых танков будет поставлена на решающее направление во встречном танковом сражении...

Толубеев ждал, что он еще скажет, но Кристианс снял гимнастерку и рубашку и принялся поливать холодной водой сухое, поджарое тело...

Глава четвертая:
ПОБЕДУ ГОТОВЯТ ЗАТЕМНО...

1

НАСТУПЛЕНИЕ НЕМЦЕВ В РАЙОНЕ КУРСКА И ЖУЛИКИ ИЗ СТАВКИ ГИТЛЕРА

«Гитлеровская ставка промолчала о результатах первого дня крупного наступления немецких войск, начатого ими утром 5 июля на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. 6 и 7 июля гитлеровское командование решило из «Савла превратиться в Павла», из наступающей стороны превратиться в обороняющуюся, заявляя, что наступление ведут не немцы, а Красная Армия.

Почему гитлеровская ставка вынуждена прибегнуть к этому жульническому трюку?

...новое немецкое наступление не застало наши войска врасплох. На обоих направлениях третий день идут ожесточенные бои, в ходе которых наши войска уничтожили до 30 000 солдат и офицеров, подбили и уничтожили 1 539 танков и сбили 649 самолетов противника. Наши войска прочно удерживают занимаемые рубежи. Только на некоторых участках Белгородского направления противнику, ценой огромных потерь, удалось незначительно вклиниться в нашу оборону...»

Совинформбюро.
7 июля 1943 года.

Никогда до сих пор в печати не появлялось столь откровенного высказывания. Обходились лозунгом: «Победа будет за нами!» А сегодня объявляли всему миру, что это последняя попытка Гитлера выиграть войну, и она провалилась в первый же день.

— О, тут есть и о нас! — сказала Вита, читавшая сводку через плечо мужа. — Смотри!

Он оторвался от сообщения Главного командования и посмотрел на первый раздел сводки. Там сообщалось:

«На Орловско-Курском направлении наши войска в течение всего дня вели упорные бои с наступающим противником. На участке Н-ского соединения группы вражеских танков, численностью от 80 до 100 машин каждая, непрерывно штурмовали советские укрепления, пытаясь прорвать наш фронт. За танками следовали крупные силы немецкой мотопехоты. Наши войска отбили все атаки противника и прочно удерживают свои позиции. На отдельных участках несколько групп немецких танков, по 15—30 машин, прорвались через боевые порядки наших частей в глубину обороны. К исходу дня все прорвавшиеся танки были уничтожены. Среди подбитых и уничтоженных немецких танков более 40 танков типа «тигр».

— Почему ты думаешь, что это о нас?

— Милый Вольёдя, но ведь о «тиграх» упоминается впервые!

Да, о «тиграх» упоминалось впервые. И это тоже наводило на размышление. Следовательно, новое оружие против этих пугающих, стреляющих и давящих все живое самодвижущихся металлических коробок признано настолько эффективным, что о нем, конечно, не называя его, уже можно объявлять вслух. А если это так, то немецкая похвальба любым «сокрушающим», «грозным», «тайным» оружием уже не будет приниматься с испугом, и, может быть, даже союзники поймут, что им пора вступать в эту войну. Ведь после поражения в Дьеппе, как будто нарочно организованного, чтобы сообщить немцам и всему миру о своей слабости, они еще и пальцем не шевельнули, чтобы помочь нам...

— А все-таки мы молодцы! — резюмировала Вита, дочитав сводку.

— Не мы, а Советский Союз молодец! — остановил ее муж.

— Но и мы! — Она не желала уступать и частицу своего участия.

И он согласился с нею.

Гул сражения приближался к Прохоровке. Однако в частях, составляющих резерв командования, все было спокойно, хотя отдельные группы немецких танков прорывались довольно далеко в советские тылы. Но эти тылы, начиненные средствами противотанковой обороны, как слоеный пирог, поглощали блуждающие машины и сопровождавшие их десанты автоматчиков.

За восьмое, девятое и десятое июля сводки Совинформбюро ежедневно насчитывали сотни уничтоженных немецких танков и самолетов. В шифровках полковника Кристианса назывались все новые и новые танковые, мотопехотные и просто стрелковые полки и дивизии, вводимые противником в бой. Порой казалось, что Гитлер бросил в эту мясорубку все свои резервы. Однако же противник все теснил советские войска. Уже от Томаровки до Прохоровки немцы врезались клином в расположение советских войск со стороны Белгорода, уже и со стороны Орла они пробились мимо Малоархангельска, почти до станции Поныри, и хотя эти новые немецкие «плацдармы» имели в глубину — с юга — от двадцати до сорока километров, а с севера — от десяти до двадцати километров, что по сравнению с их прежними победами было ничтожно малой величиной, все-таки они могли бы трезвонить об успехе, как бывало раньше, однако они молчали. И это затянувшееся молчание лучше всего доказывало, что они уже и сами не очень верят в успех своего летнего наступления, на которое возлагали такие надежды...

По мере развития этого боя, этого руками людей созданного грома, превышавшего по мощности обычные летние грозы в этих местах, по мере скопления в атмосфере туч пыли, угарных газов сама природа словно бы видоизменялась. По вечерам над полем боя появлялись зловещие зарницы фиолетового цвета, с самого утра сгущались тучи, закрывая солнце, умолкли птицы, перестала выпадать роса, сохла трава, и неубранный хлеб осыпался мелким зерном; желтели яблоки и падали в сухую, пыльную траву, жалко дробясь под каблуками военных сапог; вода в колодцах опустилась так низко что привычные цепи на «журавлях» над колодцами стали коротки, солдатам приходилось надвязывать их ремнями, вожжами, подобранными в брошенных домах веревками. Но и вода была мутной, горькой, как будто постоянное сотрясение земли возмутило всю природу, взбаламутило весь осевший на дне колодцев ил. Речки в расположении сражающихся армий стали пересыхать, как будто железные чудовища выпили всю воду. Ветер приносил не освежение, а душно-сладковатый запах пороха, человеческого праха, отработанного бензина и соляра, сгоревшего металла. И все это были запахи войны...

На седьмой день этого непрерывного напряжения Вита превратилась в тень. Запавшие глаза словно утонули в черных кругах. Она почти не могла есть, и если Толубеева не было рядом, то и не ела, только жадно пила горькую мутную воду, в которой уже появился солевой привкус, как бывает при засухе. Но если Толубеев оказывался в час обеда рядом, она послушно жевала что-то, уже не имевшее для нее ни вкуса, ни запаха. И Толубеев понимал: ест она только потому, что боится — ее сочтут больной и отправят в Москву...

Одиннадцатого гул боя приблизился настолько, что казалось, танки противника вот-вот вырвутся из-за соседних холмов. Однако командование молчало. Приехал полковник Кристианс,— как понял Толубеев, проверить готовность, а может быть, просто успокоить его: все, мол, идет по плану... Но можно ли планировать глубину поражения? Ведь бывало и так, что спланированное наступление вдруг превращалось в хаотическое бегство...

Кристианс, как видно, понял его невысказанные мысли:

— Немцы усиливают нажим. Но в их штабах уже властвует неразбериха. Связь между армиями, дивизиями и полками постоянно нарушается. Наши «слухачи» то и дело принимают переданные открытым текстом просьбы о поддержке. В гитлеровской ставке примерно такое же положение: только что снят с поста командующего второй танковой армией генерал-полковник фон Шмидт. В середине сражения Гитлер пытается менять генералов, как это было во время Сталинградской битвы... А вот и еще один радиоперехват.— Он достал машинописный лист и передал Толубееву.— Это их оценка нынешнего боя...

Толубеев прочитал:

«...земля дрожит и гудит, о сне нечего и думать. Фонтаны грязи взлетают в воздух, едва узнаешь лица. Здесь совершенно глохнешь, нельзя уже различить отдельные выстрелы и отдельные разрывы... За один день было израсходовано столько боеприпасов, сколько ушло на всю польскую кампанию, на другой день выпущено столько снарядов, как за всю французскую кампанию...»

Кристианс аккуратно сложил листок, убрал, потом спросил:

— А как вы сами оцениваете результаты их наступления?

— Но они все равно продолжают наступать! — воскликнул Толубеев.

— Да,— хладнокровно сказал Кристианс.— Очень похоже на игру их излюбленного музыкального инструмента — аккордеона: сначала аккордеон растягивается, потом сжимается. Но музыка, которую они играют, заказана нами!

— А люди! Люди! — У Толубеева перехватило голос.

— Что ж, в таких сражениях наступающие несут больший урон. Наших солдат бережет земля-матушка, а немцы на виду. Но если мы их не остановим и не разобьем сейчас, придется воевать еще лишний год!

Толубеев умолк. Он уже примечал и раньше, что полковник словно бы воспитывает его, приучает мыслить другими масштабами и понятиями. Как будто он назначен политкомиссаром к молодому командиру. И подумал: «Я, и верно, молодой командир. Всех моих знаний хватит, может, на роту, отсюда и мой кругозор». И тут же решил: «Если этот бой кончится победой, я попрошу себе батальон, а бригадой пусть командует более опытный, сильный, волевой командир». Сам Толубеев всегда будет помнить о каждом отдельном бойце как о человеке. А командир крупного соединения должен, как видно, думать количествами.

Но и Кристианс умолк. Может быть, и ему представились судьбы отдельных людей, ведущих это сражение. И сколько человеческих судеб кончалось в это мгновение в тяжких страданиях или внезапным падением на пыльную землю, молниеносным переходом из бытия в небытие. Тогда уж лучше внезапно и бесчувственно.

Их молчание прервал шифровальщик: ночью бригада должна была выйти на боевые позиции.

Окончание следует.

В. ШУБИНА

Василий Иванович Суриков писал из Италии:

«Кто меня маслом по сердцу обдал, то это Тинторетто. Просто, говоря откровенно, смех разбирает, как он просто, неуклюже, но как страшно мощно справлялся с портретами своих краснобархатных дожей, что конца не было моему восторгу. Все примитивно намечено, должно быть, оригиналы страшно похожи на портреты, и я думаю, что современники любили его за быстрое и точное изображение себя. Он совсем не гнался за отделкой, как Тициан, а он только схватывал конструкцию лиц, просто, одними линиями в палец толщиной, волосы, как у византийцев — черточками. Здесь, в Венеции, в академии, я увидел два холста его, с нагроможденными одно на другое лицами-портретами. Тут его манера распознавать индивидуальность лиц всего заметнее. Ах, какие у него в Венеции есть цвета его дожевских ряс, и с такой силою вспаханных и проборонённых кистью, что, пожалуй, по мощи выше «Поклонения волхвов» Веронезе. Простяк художник был. После его картин живописное разложение нет мочи терпеть».

Тот, о ком шла речь в письме восхищенного Сурикова, родился в 1519 году в Венеции. Настоящее его имя — Якопо Робусти. Отец Якопо был красильщиком шелка. Отсюда и прозвище сына — «тинторетто» — маленький красильщик. Под этим именем он и вошел в историю.

Вся жизнь Тинторетто прошла в Венеции. Обстановка в семье как нельзя более соответствовала склонностям одаренного ребенка. Краски отца послужили материалом для первых художнических упражнений. Впоследствии в его творчестве мы увидим отголоски тех приемов фасадных мастеров-ремесленников и декораторов, работу которых он наблюдал в ранней юности.

Как всякий начинающий художник, юный Тинторетто обращается к своим предшественникам. Он копирует и изучает Веронезе, Микеланджело, Скьявоне, Тициана, рисует слепки с античных скульптур и рельефов. Но он делает и то, чего не делали другие,— создает модели человеческих фигур из воска или гипса, одевает их в пестрые лоскуты, изучает законы света и перспективы.

Рисовал, рисовал... Ни до, ни после Тинторетто никто из художников не смог достичь такого колоссального эффекта в развертывании на холсте многолюдного действия. Несколько сот фигур на его полотнах, охваченные единым порывом, подчиняются сверхъестественной силе его руки. Подготовительный рисунок — вот чему придавал живописец громадную роль. Тинторетто любил говорить: «Краски можно купить на Риальто, тогда как искусство рисования достигается лишь упорной работой».

Молодой живописец выводит на дверях своей мастерской девиз: «Рисунок Микеланджело, колорит Тициана» — и начинает работать над большой композицией «Чудо св. Марка».

После этой композиции имя Тинторетто приобрело широкую известность. Он получает несколько заказов, начинает работать во Дворце дожей, расписывает венецианские церкви, портретирует государственных деятелей...

Многочисленны варианты Тинторетто на тему «Тайной вечери». В церкви Сан Тровазо он бескомпромиссно разрушает композицию классического стиля, когда Христос и апостолы изображались в громадном зале за столом параллельном плоскости картины, лицом к зрителю. Действие тинтореттовского рассказа развертывается в полутемном подвале таверны. Неказистая обстановка, простая утварь, нарочито плебейские типы лиц. Художник демократизирует живопись.

XVI век — время, в которое творил Тинторетто,— был одним из самых сложных и противоречивых в мировой истории. Это было время крушения средневековья, раздробления церковного единства и возникновения централизованных государств, время формирования наций.

Порой мятежная трагичность века рождает у Тинторетто стремление уйти от действительности в мир грез и мечты, и тогда под его кистью возникают чарующие образы сказочной поэзии. И это в первую очередь «Спасение Арсинои». Сюжетом для картины послужила французская повесть XIII века, в свою очередь, являющаяся переработкой рассказа римского писателя Лукана, поведавшего историю спасения из тюремной башни рыцарем Ганимедом Арсинои, сестры Клеопатры.

Но Тинторетто и здесь остается верен себе. Лирическая живописная поэма, которая, кажется, говорит о безграничном счастье, пронизана смутной тревогой. Сумрачность дня, холодный цвет моря, слегка затененное лицо рыцаря, холодный блеск его доспехов в контрасте с нежными женскими телами. Изгиб гондолы, цепей на ногах женщин и всех четырех фигур — вот доминирующий ритмический мотив, который придает всей композиции зыбкость и неустойчивость.

Живопись Тинторетто — это удивительное созвучие эмоционального содержания картины и ее композиционного строя. Этот характерный художественный прием можно увидеть и в другой его поэтико-мифологической композиции «Происхождение Млечного Пути».

Для того, чтобы сделать бессмертным Геракла, своего сына от смертной женщины Алкмены, Зевс велел прижать его к груди Геры; ребенок, испив молока богини, обретет вечную жизнь. От брызг молока застигнутой врасплох и испуганно отшатнувшейся Геры и возник Млечный Путь, опоясывающий небосвод, а из капель, упавших на землю, распустились лилии...

Вершину творческой зрелости Тинторетто составляет цикл монументальных работ для храма Сан Рокко, который отличается необычайной широтой жизненных проблем. Тинторетто не связывал себя официальным толкованием канонических сюжетов. В грандиозном комплексе — 56 картин — он рассказал о разных судьбах людей и великих этических конфликтах.

По своему значению эта роспись сравнима только с Сикстинским потолком Микеланджело. Роспись верхнего зала и тематика ее были в известной мере подсказаны страшной эпидемией чумы, свирепствовавшей в Венеции в 1575—1577 годах и унесшей около трети населения города. Цикл Сан Рокко явился своего рода благодарностью братства за избавление от грозного бедствия. Три темы связывают между собой картины всего цикла. Это живая вода, хлеб насущный и целительная сила духа, преодолевающая болезни и смерть.

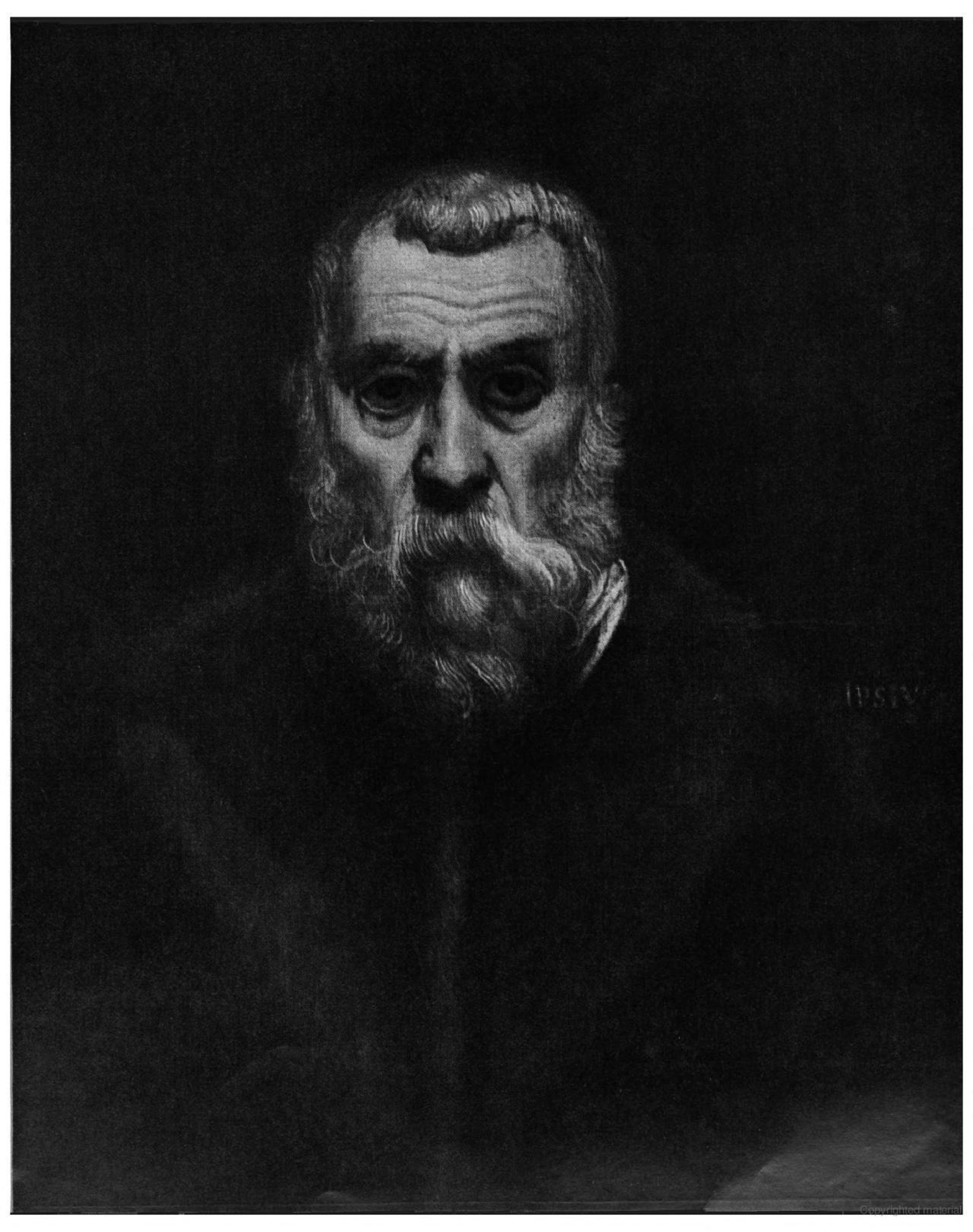
Теперь не столько одна какая-нибудь героическая личность, сколько народ, толпа привлекают пристальное внимание мастера. Об этом свидетельствует все его дальнейшее творчество.

Как портретист Тинторетто начинает работать с 50-х годов XVI столетия. Эволюция его портретного творчества раскрывает и его мировоззрение. В ранних работах («Портрет Якопо Соранцо», «Портрет венецианки») есть некая значительность, они отмечены благородством, на них лежит отпечаток торжественности. Портреты 60-х годов характерны замкнутостью, отрешенностью. Не случайно он предпочитает теперь писать глубоких стариков, на лицах которых жизнь не могла не оставить своих следов.

Квинтэссенцией этих черт является луврский «Автопортрет». На лице усталость и какая-то беспомощность. Зато глаза концентрируют в себе настоящую душевную драму. Это страдающий художник, ищущий правду в искусстве.

Четыре столетия, пролетевшие над головами потомков великого венецианца, не погребли под своей пылью его наследие. Тьеполо и Гварди, Маньяско и Фетти, Веласкес, Рубенс, Рембрандт — все в разной мере почувствовали его животворящее влияние. И художники России обращались и обращаются к его живописи, наполненной великой любовью к человеку и смелостью творческой фантазии.

Тинторетто. СПАСЕНИЕ АРСИНОИ. 1555—1560.

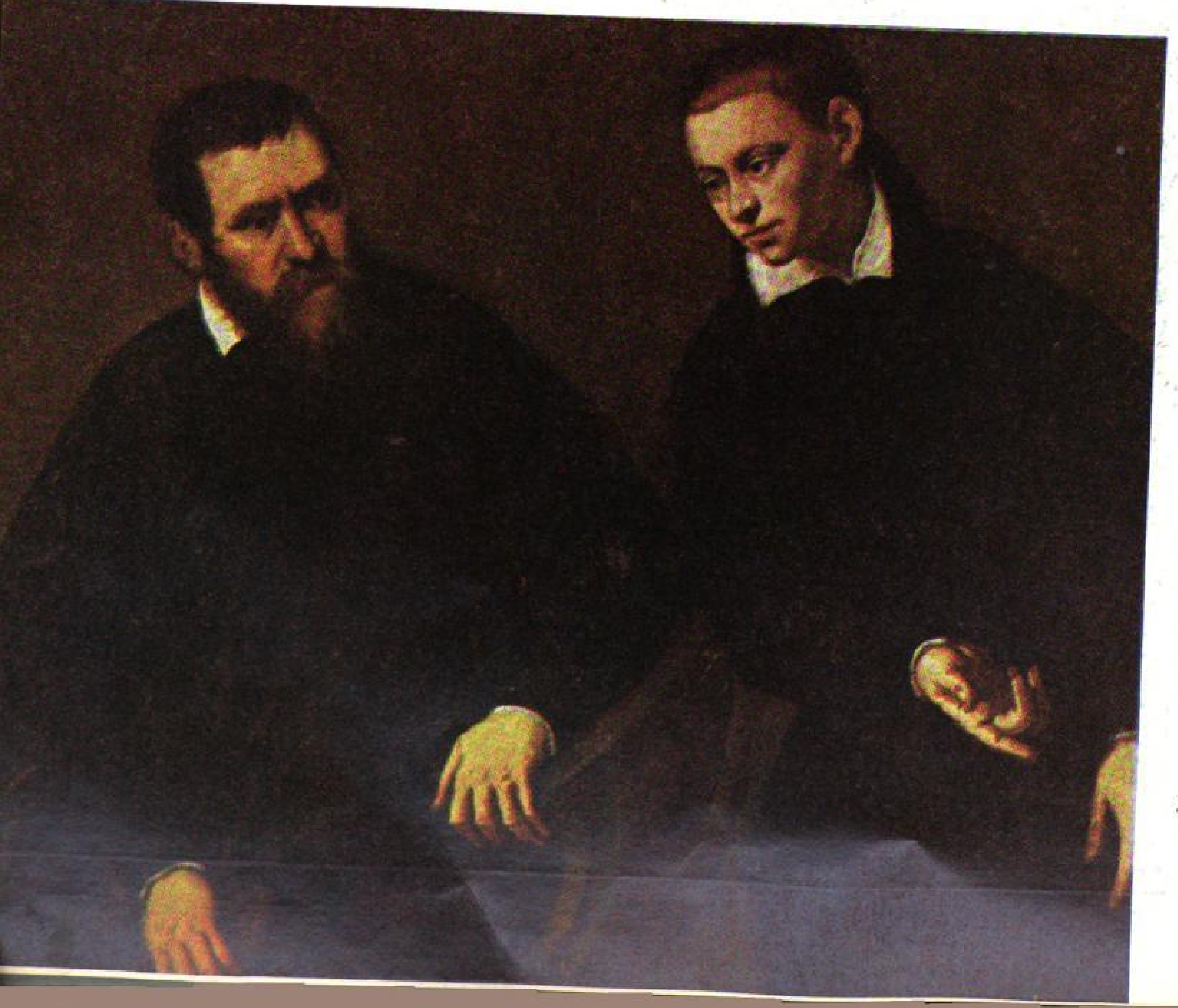

Дрезден, Картинная галерея.

Тинторетто.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЛЕЧНОГО ПУТИ. 1570.

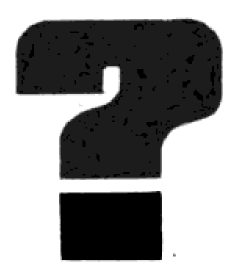
Лондон, Национальная галерея.

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ.

Дрезден, Картинная галерея.

ПОЧЕМ ТУФЛИ В ИЗРАИЛЕ

ТРАГЕДИЯ ОБМАНУТЫХ

Н. СОРИН, А. СТАСЬ

Судьбы людей бывают трудные и запутанные, словно нескончаемый кошмарный сон. И только пробуждение приносит человеку облегчение: исчезают ночные страхи, мрачные тени тяжкой, долгой ночи.

Вот уже много лет буржуазно-националистические пропагандисты Израиля пытаются убедить людей еврейской национальности в том, что им «необходимо» эмигрировать на «святую» израильскую землю. При этом они не скупятся на обещания «райской» жизни в Израиле. Как правило, попытки эти терпят крах, но все же находятся и такие, что клюют на пропагандистскую приманку и в поисках «райской» жизни бросают отчий дом. Проходит время, и многие из тех, кто уехал в Израиль, убеждаются в том, что болтовня сионистских пропагандистов — это сплошной обман. И обманутые стремятся немедленно вернуться домой, на свою настоящую Родину. Слушаешь их горестные рассказы, читаешь их письма — крик души — и думаешь: какая это страшная трагедия обманутых!

На днях в Черновцах мы встретились с Менделем Нухимовичем Сиротой, который не вынес израильского «рая» и бежал из него.

— Теперь мне стыдно признаться,— говорит Мендель Нухимович,— что в Израиль я выехал по собственному желанию. Но тогда я торжествующе тряс перед глазами знакомых вызовом, полученным от брата, вызовом, который давал мне право поехать к родственникам.

Этот человек — немного нескладный, средних лет, не очень сильный в грамоте и, кажется, добродушный по натуре — не ищет оправданий своему поступку. Просто он рассказывает. Все по порядку.

Да, он рвался в Израиль. Надоедал своими заявлениями нашим самым высоким инстанциям. И возмущался: почему дело затягивается! А дело, собственно, потому затягивалось, что умные люди, как теперь говорит Мендель Сирота, советовали ему не пороть горячку с выездом, подумать. Но Мендель Нухимович советам не внял. И вскоре отбыл на «землю обетованную».

А через полтора года его, оборванного, изголодавшегося, без гроша в кармане, в полном смысле проевшего последние штаны, наши таможенники сняли с поезда на пограничной станции Унгены. Мендель Сирота бежал из Израиля.

Из-за чего все началось?

— Поверил песням Эйдельмана.— При упоминании этого имени Мендель Нухимович весь подбирается, как боксер перед атакой, и в глазах его появляются злые огоньки.

Некий Эйдельман, бывший житель города Хотина, Черновицкой области, приезжал «оттуда» в Черновцы в качестве туриста. Принадлежа к числу сионистских пропагандистов, он буквально загипнотизировал Сироту россказнями о «молочных реках» Израиля. «День поработал — можешь туфли купить, за двухдневный заработок костюм приобретешь. Получишь крупное пособие, отличную квартиру, обстановку... Не упускай свое счастье, Мендель!»

Сейчас М. Сирота рассказывает об этом, горько усмехаясь:

— Обвели вокруг пальца, как несмышленого мальчика. Ведь поверил же... Думал, солидный человек с тобой говорит. А оказалось...

Когда М. Сирота приехал в Израиль, ему сказали, что все вновь прибывшие должны вступить в сионистскую организацию и внести три тысячи лир. Его, как и всех приехавших вместе с ним, вызвали в здание «Сохнута» в Тель-Авиве и предложили вступить в организацию «Мизрахи»[1]. Но он отказался, так как не хотел связывать себя с сионистами.

Нужда, отчаяние привели Сироту в так называемый «Русский комитет». Здесь под проценты выдавали ссуды эмигрантам. Но оказалось, что это все не так просто. Хочешь ссуду — вступай в члены «Русского комитета». А для этого требуются три рекомендации.

Разговор наш идет в добротном особняке, в нем квартира Сироты. Две светлые, уютные комнаты, за окном — зелень тихого черновицкого дворика. Сирота показывает на стеклянные двери.

— Видите мою кухню? Так чтоб вы знали: у моего брата в городе Тель-Габорим все жилье не больше этой кухоньки, а живет он в Израиле вот уже 25 лет. Брат меня и приютил. Ночевал я у него в кладовке, а днем с утра до вечера бегал по городу, искал работу...

Работы не было. Как не было ни «крупного пособия», ни «отличной квартиры». Месяца через полтора ему удалось устроиться грузчиком в Тель-Авиве в транспортной фирме «ЭСД». За дневную получку он мог прокормиться. Но работа оказалась временной, Сирота снова очутился на улице. Вот тебе и туфли и костюмы...

Снова начались хождения по мукам. Ежедневно он посещал биржу труда «Лишкат-Авода» в Тель-Авиве. Бесполезно. Ходил в дома еврейских богачей, нуждавшихся в дешевой рабочей силе, но все это лишь временная передышка. А каждый вновь прибывший эмигрант — это еще один безработный в «процветающем» Израиле, еще один конкурент Менделя Сироты.

В первый же год жизни в Израиле он понял, как далека действительность от сионистской рекламы. Нелегко тут, оказывается, получить и работу и образование. Всюду какие-то ограничения, о которых понятия не имеют советские граждане.

— Однажды я встретил в Тель-Авиве, кого бы вы думали? Эйдельмана. Того самого туриста. Гляжу: он на улице с лотка бублики продает. Ну, я ему сказал! Я ему такое сказал... Знаете, что мне ответил этот тип? «Мендель, ты пекарь и ничего не смыслишь в политике. Когда кто-нибудь из нас едет из Израиля в Россию, от нас требуют ловить на крючок таких дураков, как ты. Кстати, ты уже послал кому-нибудь в Советском Союзе посылку?» «Какую посылку? — говорю ему.— За какие деньги? У меня ни гроша за душой». «Есть у тебя деньги, нет денег, это здесь никого не интересует, но посылки ты должен посылать, и тебя заставят делать это. Пропаганда... Нет, Мендель, ты-таки не разбираешься в политике».

Еще встретил Сирота в Тель-Авиве своего бывшего соседа Бухбиндера, который в Черновцах раньше работал мастером-трикотажником. «Как устроился на новом месте?» — спросил Сирота. «Работаю в редакции»,— похвалился Бухбиндер. Он сказал правду. Его взяли в редакцию... уборщиком мусора. И то временно.

В конце нашей беседы Сирота сказал:

— С Израиля я тикал без документов и без виз. В те дни Израиль напал на арабов, началась война. В советском представительстве было не до меня. Я решил удирать домой так, будь что будет. Только попасть на Родину оказалось куда тяжелее, чем выехать за границу. Я скитался по Ливану, был на Кипре, в Турции, Румынии, Болгарии. Я видел сотни евреев, они со слезами умоляют разрешить им возвратиться в СССР, они осаждают советские посольства и консульства. Мне еще как-то повезло. Я был один, без семьи, потому и рискнул добираться домой на авось. Наши власти, спасибо, видно, сжалились надо мной: пустили через границу. Когда приехал в Черновцы, землю готов был целовать.

Я не мог мириться с капиталистическими порядками в стране, с антинародной идеологией сионистов. Это, пожалуй, одна из основных причин, почему я бежал из Израиля, почему решил расстаться со своими братьями, проживающими в городах Тель-Габорим и Цват. Я часто вспоминаю о них с чувством глубокого сожаления за их судьбу.

Такова одна из многих трагедий обманутых сионистской пропагандой. Не всем обманутым удалось вырваться из израильского «рая». В апреле 1967 года в Отдел виз и регистрации города Вологды пришла для получения заграничного удостоверения Вера Сусленкова, а 11 мая она вылетела в Израиль. Она вышла замуж за польского еврея. Муж ее уже находился в Тель-Авиве и теперь ждал жену. Недолго длилась радость встретившихся супругов. Вере потребовалось лишь три месяца, чтобы убедиться: ее обманули! В Вологду летит телеграмма, подобная сигналу «SOS»: «Нахожусь тяжелом состоянии. Спасите. Помогите приехать с мужем. Сусленкова». А вслед за телеграммой ОВИР города Вологды получает письмо Веры:

«Здравствуйте, товарищ Коробейников! Мне очень стыдно перед вами, перед всеми. У себя на родине я имела все, что хотела, и всего этого я сама себя лишила. Живу, не зная языка, без работы, кругом долги». Вера Сусленкова — чужестранка и потому не может найти себе работу в Израиле. Она пишет: «В Советском Союзе с уважением относятся к иностранцам. В Израиле же какая-то проститутка, чтобы отнять у меня мужа, заявила, будто я шпионка. Солдат топтал меня сапогами, выбил два зуба. Я потеряла сознание... Это был настоящий фашист...»

Вот какую «землю обетованную» увидела своими глазами Вера Сусленкова!

...Немногим более года назад на постоянное жительство в Израиль выехал артист Центрального парка культуры и отдыха города Киева Ефим Ушерович Мазур.

Что же, как говорится, вольному воля. Ефиму Мазуру стала чужой земля Советской Украины, вскормившая и вспоившая его. В письмах на имя соответствующих советских организаций он писал, что является патриотом еврейского государства и хочет жить только в Израиле. Ефим Мазур подводил «теоретическую» базу. Ему по душе сионистская доктрина, согласно которой все лица еврейского происхождения, разбросанные в разных частях света-де, мол, представляют собой единый народ с государственным центром в Израиле, которому они обязаны помогать независимо от того, в какой стране живут. Израильские дипломаты, обосновавшиеся тогда в Москве, в особняке на улице Большая Ордынка,— это было еще до разрыва дипломатических отношений СССР с Израилем,— постарались укрепить веру киевлянина Мазура в эту сионистскую доктрину. Ему обещали златые горы, ему говорили, что в Израиле он наконец найдет полное удовлетворение всех своих материальных и духовных потребностей. И вот, бросив жену, сына, мать, Мазур полетел в Тель-Авив. Здесь он сразу же попадает в сети сионистских пропагандистов. Его посылают на работу диктором «Голоса Израиля». И Ефим Мазур покорно усаживается у микрофона радиостанции, изрыгающей злобную клевету на Советский Союз, советских граждан, на его, Мазура, отчий дом, на его, Мазура, мать, жену, сына...

У микрофона диктор Мазур под диктовку сионистов призывает евреев, живущих в СССР, ехать на «обетованную землю», сулит им тысячу благ, а вернувшись домой, с работы, раздавленный всем образом израильской жизни, мерзкой действительностью, с которой он столкнулся, Мазур шлет семье письмо, полное горечи и отчаяния. Вот строки из письма к жене и сыну:

«Дали мне кроватку, которую я называю тюремной койкой, матрац, одеяло, по-моему, что-то вроде байки. Затем дали столик и стульчик, керосиновую лампу, на всякий случай керосинку, очевидно, для того, чтобы варить, и бидончик для керосина. Вот это окончательно все. Не дают даже такое необходимое, как подушка и простыни, чтобы в «Сохнуте» брать деньги взаймы и тем самым залезать в кабалу.

Вкусив безрадостную израильскую жизнь... я теперь лично могу убедиться, что такое мир, где и в чем преимущество. Здесь, в Израиле, нужны евреи — фанатики-сионисты, кем я никогда не буду. За счет их фанатизма кто-то будет жить в свое удовольствие. Вот поэтому они и хотят приезда русских евреев, думая, что им удастся сделать из них ту массу, которая бы их защитила».

Обманутый израильскими дипломатами, Мазур пишет матери:

«Мама, ты вправе меня упрекнуть: если моя любовь к тебе действительно так велика, то почему же я оставил тебя и уехал? Сейчас, моя дорогая, когда я проснулся, когда я пришел немного в себя, когда я стал осознавать окружающее, я могу сказать, что твои упреки правильны. Но в критический момент, когда мною руководила нечистая сила, вроде израильских дипломатов и сионистов, от убеждений которых я был в невменяемом состоянии, не нашлось силы, которая бы меня остановила. И вот сейчас сердце мое разрывается на части».

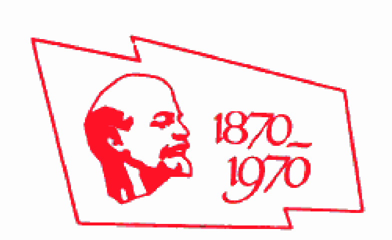
Ответа на это письмо от матери не последовало. Матери Ефима Мазура не стало, и доля вины за это ложится на изменника сына.

Сейчас Ефим Мазур бродит по чужим улицам чужого города, вопит о своих мытарствах, кается, просит прощения, просит дать ему возможность вернуться в Советский Союз.

Человек, который по радио обманывал миллионы, сам теперь пожинает горькие плоды страшнейшего обмана.

[1] Религиозная партия.

Н. Г. ЗЫРИН,
авиаконструктор

Рабфаковцы

Майским вечером 1963 года на улице Горького в Москве прохожие могли наблюдать смешную и трогательную сценку. На ступеньках Центрального телеграфа собирались люди явно немолодые. Однако вели себя они не так, как принято в их возрасте. Каждого вновь подходящего встречали крепкими объятиями, поцелуями, шумными возгласами.

— Сидоров, Володя! А ну, поворотись, сынку. Гляди: каким ты был, таким остался.

— Смотрите-ка: Пашенька Дыбина, профессор наш дорогой!

Так после долгих лет разлуки встречались мои друзья-однокашники. Спросите-ка бывших однокашников, соседей по студенческой скамье, какие годы в их жизни лучшие. Вам тут же ответят: ну, конечно, студенческие! В жизни моих друзей, собиравшихся у Центрального телеграфа, тоже есть заветные три года — три, заметьте, а не четыре и не пять. Но годы те проведены не в вузах. Наша alma mater... Что ж, мы вправе по-особому гордиться ею.

В сентябре прошлого года мои товарищи встретились снова. На этот раз не в Москве — в Ульяновске. Мы съехались в ленинский город со всех концов страны. Было нас уже не семнадцать человек, как в ту первую встречу, а около двухсот. С аэродрома, вокзала все мы направились в центр города, на улицу Советскую. Здесь, окруженное тенистым садом, стоит старинное двухэтажное здание. С виду оно весьма скромно и тем не менее известно всему миру. На здании мраморная доска — ленинский барельеф и надпись золотыми буквами: «Здесь учился Владимир Ильич Ленин. 1879—1887 гг.».

Симбирская мужская гимназия. Ныне средняя школа № 1 имени Ленина. Здесь учился Владимир Ильич. Школа эта дорога всем советским людям. А нам она дорога вдвойне: ведь это и есть наша alma mater. В это здание мы пришли уже после революции, когда волею Советской власти тут было открыто специальное учебное заведение: рабфак.

И вот теперь мы собрались на свой слет, слет рабфаковцев-ульяновцев. Все было, как положено в таких случаях. Нас сердечно и торжественно встречали. Чистенькие нарядные ребята водили нас по чистеньким нарядным классам. Вручали памятные подарки, и мы в ответ тоже дарили сувениры и передали школе наше славное рабфаковское знамя.

...Гражданская война. Голод. Разруха. В 1921 году В. И. Ленин писал: «...Советская республика идет вперед в деле народного просвещения, это несомненно. «Снизу», т. е. из той массы трудящихся, которую капитализм отстранял — и путем открытым, путем насилия, и средствами лицемерия и обмана — отстранял от образования, идет могучий подъем к свету и знанию. Мы вправе гордиться тем, что помогаем этому подъему и служим ему».

Республике срочно и остро необходимы свои собственные специалисты — люди образованные и преданные Советской власти. Но где их взять? Вся надежда на молодых, на детей рабочих и крестьян. Однако трудовая молодежь в массе своей полуграмотна, за ее плечами в лучшем случае церковноприходская школа. Вот тогда-то и родилась мысль о создании учебных заведений, которые будут готовить для передачи в вузы вчерашних питомцев церковноприходских школ. Причем готовить в минимально короткий срок — за три года.

Один из первых рабочих факультетов был создан на родине Владимира Ильича. День рождения нашей alma mater — 1 октября 1920 года. Именно тогда президиум Ульяновского университета вынес решение об открытии при нем рабфака. А уже в конце ноября в Ульяновск стали стекаться будущие студенты — в рваных солдатских шинелях, видавших виды тулупах, в домотканых рубахах, онучах да лаптях.

В студентах недостатка не ощущалось, а вот преподавателей на рабфак было почти невозможно отыскать. Больно непривычное дело им предстояло: за три года обучить тому, над чем в гимназии бились целых восемь лет.

На первых порах душой рабфака стал завуч Петр Иванович Карякин. Представьте себе Дон Кихота в шинели, обмотках, стоптанных ботинках, и вы воочию увидите Петра Ивановича, преподавателя математики и физики. Однако это был, если можно так выразиться, очень собранный, целеустремленный Дон Кихот. Ему одному ведомыми способами удивительно быстро сумел он переплавить разнокалиберную молодежную массу в жизнестойкий коллектив.

Отцом же рабфака был директор Александр Александрович Красильников. Позднее директором стал старейший большевик, активный участник гражданской войны и партизанского движения на Дальнем Востоке Андрей Дмитриевич Жданов.

Наши учителя... До сих пор разбуди нас ночью, и мы тут же назовем их имена: физик Н. Н. Шипков, который и по сей день большой наш советчик и друг, математик Н. О. Рыжков, литераторы В. С. Смирнов, Л. А. Бек, А. В. Ястребов, географ Н. А. Мерцалов, преподаватель черчения В. Я. Гранкин. Земной поклон вам, дорогие, за все, что вы для нас сделали!

Были среди нас и такие, кто не знал даже четырех действий арифметики, и такие, кто путал географию с геометрией. Мой старший товарищ Василий Иванович Вдовин, летописец рабфака, заставший начальный, самый трудный его период, как-то рассказал мне:

— На одном из первых уроков математик Юлия Васильевна Никифорова — удивительно доходчиво она все объясняла, только последний олух мог не понять ее — говорит нам: «Пожалуйста, сделайте это упражнение самостоятельно». А мы уставились друг на друга — «шу-шу-шу» да «шу-шу-шу»,— никак в толк не возьмем, что же это значит: са-мо-сто-я-тельно. Наконец я, как самый бойкий, говорю: «Не беспокойтесь, Юлия Васильевна, мы хорошо сделаем». Она поглядела на нас, улыбнулась и объяснила это загадочное слово, услышанное нами впервые.

Орешек моим однокашникам достался очень крепкий, но они не жалели сил, хотя обстановка в те годы вовсе не благоприятствовала учению. Что уж говорить о книгах и учебниках,— бумагу и ту приходилось клянчить в разных учреждениях. Но рабфаковцам шли навстречу: из старых архивных дел выдирали для них каждую неисписанную четвертушку. В классах сидели в валенках, пальто. Частенько устраивались прямо на полу: парт осталось очень мало. Усядутся, бывало, в кружок по-турецки, а преподаватель посредине.

Сам я не застал этой первой, поистине героической эпохи в жизни рабфака. Я поступил туда в 1928 году, когда учение и быт были уже относительно налажены. Но и нам приходилось нелегко.

Вот один случай. В 1929 году мы — пятеро комсомольцев — отправились в Кронштадт, к нашим подшефным морякам. Привезли им подарки: гитару, мандолину и балалайку. И была такая встреча с моряками не одна. А где ж мы, студенты, брали средства на эти путешествия? Подрабатывали на разгрузке пароходов и барж. Дело уж давнее, и не скрою: особенно любили перетаскивать с баржи на берег яблоки, арбузы, капусту и страсть как не любили соль...

Теперь расскажу о судьбе моих однокашников. Кого же выбрать? Ведь за время своего существования наш рабфак — закрыли его в 1939 году, когда надобность в подобных учебных заведениях отпала,— дал путевку в жизнь 1 621 человеку. Выбор, как видите, трудноват! Расскажу, пожалуй, о тех моих товарищах, судьбы которых наиболее типичны для выпускников Ульяновского рабфака имени В. И. Ленина.

Вася Вдовин. До рабфака у него была большая трудовая жизнь. Осиротев в три с половиной года, он рано начал помогать матери, оставшейся с целой оравой ребят — мал мала меньше. С осени 1916 года уехал в лес: возил дрова-швырок на станцию.

После Октябрьской революции стал Васятка секретарем комбеда, а старший брат его, Егор,— председателем. Собирали продразверстку, провели реквизицию лошадей, упряжи и продовольствия для фронта, а фронт был в ту пору от их деревни всего в 20 километрах.

Кулаки точили на Вдовиных зубы. Старшего не раз избивали до полусмерти. Младшего грозились вовсе извести. И брат наказывал ему: «Не лезь, Василий, убьют!» Но не лезть, остаться в стороне младший Вдовин не мог. Боевой был.

И ведь что интересно: в такое трудное время парень страстно мечтал учиться. Ловкий, оборотистый, мечту свою он осуществил так: сговорился с народным судьей Пащинским, добрейшим человеком, чтоб тот обучал его всему, что проходят в гимназии. В 1922 году Васятка услышал об Ульяновском рабфаке и решил поехать туда. А тут еще год выдался урожайный, деревня встряхнулась, ожила, и начали вовсю свадьбы играть. Василий и сказал своему другу, Пашке Каретину, с которым вместе у Пащинского учился: «Давай-ка, парень, скорей удирать на учебу, не то оженят нас!»

С приключениями добирался Василий сначала до Пензы, чтоб взять там направление на рабфак, а потом до Ульяновска.

21 октября Василия Вдовина и его друга Павла Каретина зачислили на Ульяновский рабфак, на техническое отделение. Учился Василий прекрасно и по окончании был направлен на инженерный факультет Тимирязевской академии. Но окончить ее не пришлось: с третьего курса академии коммуниста Василия Вдовина послали на работу по организации в деревне тракторных колонн. Через год вернулся в Москву, и снова партийная мобилизация — в Кимры. Так и не пришлось доучиться способному парню: партия бросала его, отличного организатора, с одного труднейшего участка

на другой. И все-таки Василий Иванович получил прекрасную специальность, так сказать, от самой жизни: он стал строителем. Ездил по всей стране, создавал совхозы и МТС, строил Тимирязевскую академию и Ветеринарную в Кузьминках, возводил крекинг-завод, нефтебазы, школы.

А потом целых двадцать четыре года мой товарищ Вася Вдовин работал директором крупного нефтяного предприятия под Москвой.

Любопытно поступал на рабфак другой наш товарищ, ныне инженер-физик А. А. Панин. Был он сыном бедняка из села Новиковка. Голодным двадцатым годом семья их пришла в полное разорение и вынуждена была нищенствовать.

Комсомолец Панин, уже взрослым, женатым человеком, переехал из деревни в Ульяновск в поисках работы и поступил истопником на рабфак. Его обязанность — протопить 35 печей, а для этого следовало расколоть 4 кубометра дров. Как-то вечером нес Саша по коридору большую связку дров, и вдруг кто-то сзади легонько ударил его по плечу. Панин обернулся,— возле него стоит математик Николай Осипович Рыжков и говорит:

— Голубчик, учиться тебе надо, а то сломаешь спину-то. Гляди, такие же лапти ныряют в аудиторию.

Саша ответил, что не окончил сельской школы и учиться на рабфаке, верно, не сможет. А Николай Осипович тут же вопрос:

— Скажи-ка: сколько осьмушек в трех четвертях?

— Шесть,— не задумываясь, выпалил Саша.

— Да ты, братец, прирожденный математик. Будешь учиться, мы тебе поможем.

И когда после четырех месяцев подготовки студент Панин вошел в аудиторию, нервы его не выдержали: ком подкатил к горлу, и на глаза человека, хлебнувшего досыта горя, впервые навернулись слезы радости...

Хотя Симбирская губерния после революции слыла крестьянской — количество промышленных предприятий там и впрямь было невелико,— но на рабфаке нашем училось немало и пролетарских детей. Я сам сын рабочего, и Михаил Иванович Михайлов, о котором сейчас пойдет речь, тоже из пролетариев.

Весной 1917 года Миша окончил церковно-приходскую школу, и тут —нежданная радость, да какая! — ему, сыну рядового железнодорожника, как лучшему ученику, было предоставлено право бесплатного обучения в Симбирской гимназии. Однако мальчику подарили не что иное, как недоступное. Отец Миши в таких примерно словах объяснил ему механику этого ловкого обмана: «Учиться ты, сынок, будешь бесплатно, это верно. Но ведь комнату бесплатную в городе тебе никто не даст. Пить-есть тоже надо, и за форму платить, и учебники покупать. А где денег взять? Я столько заработать не могу. Вон твоя гимназия, сынок».

И отец показал в ту сторону, где строился новый завод.

Так одиннадцатилетний мальчонка поступил в свою рабочую гимназию. Осенью его зачислили рассыльным при конторе электростанции. Контора была большая, и в адрес шустрого мальца то и дело летели команды: «Мишка, подай!», «Мишка, сбегай!», «Мишка, принеси!».

После Октября семнадцатого года все изменилось в жизни Михаила Михайлова. Судьба связала его с коммунистами, уходившими в подполье, когда город захватывали белогвардейцы. Большевики решили использовать неприметную Мишину должность — рассыльный. «Смотри в оба, потом расскажешь». Выполнять такие поручения ему было нетрудно: рассыльный бывал во многих местах и по мальчишескому любопытству совал нос куда только удавалось, а его маленький в ту пору рост не привлекал внимания...

В 1925 году молодой коммунист Михаил Михайлов был принят на Ульяновский рабфак имени В. И. Ленина. Так он пришел наконец в стены той гимназии, право поступить в которую ему столь лицемерно предоставили восемь лет назад.

По окончании рабфака Михаил Иванович был направлен в ленинградский Политехнический институт. Профессора ценили способного студента, предрекали ему блистательное будущее. Однако стать гражданским инженером Мише не пришлось. Раньше, наверное, сказали бы: не судьба. Да нет, не в этом дело. Просто партия коммунистов посылала своих солдат туда, где они были нужнее всего. В числе других студентов Михаил Михайлов был направлен в ряды Красной Армии, чтоб в короткие сроки изучить военно-технические науки: Страна Советов создавала кадры военных инженеров...

Ныне лауреат Государственной премии Михаил Иванович Михайлов — генерал-майор технической службы.

Были на нашем рабфаке и девушки. Вот хотя бы Валечка Добрынина.

Во время Великой Отечественной войны 2-й Московский медицинский институт был эвакуирован в Омск. Как-то вечером преподаватель В. И. Добрынина, задержавшись со студентами в институте, увидела в полутемном вестибюле старушку сторожиху за прялкой. «Бабушка, дай-ка я попробую»,— попросила Валентина Ивановна. Та покосилась на щеголиху-горожанку, поджала губы: где, мол, тебе, неумеха. А «неумеха» быстро и ловко спряла тонкую нить. «Да кто ж тебя выучил, умница?» — ахнула старушка.

Чему-чему, а уж этому Валя выучилась еще в детстве. Да и как не выучиться. Десять ребят было в семье Валиного отца, волостного писаря, сосланного за участие в революции 1905 года в Вологодскую губернию. Девочка все умела — и жать, и снопы вязать, и корове корма задать...

На рабфак восемнадцатилетняя Валя Добрынина пришла в том же году, что и Миша Михайлов, и учились они в одной группе. На вступительных испытаниях с девушкой приключился курьез. Первый экзамен — политграмота. Валя готовилась, старалась. А преподаватель Герман Маркович Клейн вдруг задал ей совершенно неожиданный вопрос: «Революционные песни знаешь?» «Знаю». «А петь умеешь?» И тут вдруг, к собственному удивлению, вместо ответа девушка звонким голосом запела. Кончила. Смутилась. Видит: Клейн ставит ей «отлично». А политграмота? За что же отметка? «За храбрость»,— улыбнулся Герман Маркович.

Ныне Валентина Ивановна Добрынина — известный биохимик, доктор наук, профессор, воспитавший множество медиков. Ее имя и научные труды известны и за рубежом; она представляла на международных биохимических конгрессах советскую науку.

Когда же Валю потянуло к химии? Да, пожалуй, после одного опять-таки курьезного случая. В контрольной работе по химии на тему «Применение аммиака» Добрынина возьми да напиши: «применяется в кондитерском деле». Химик Павел Яковлевич Гречкин поперек этой работы вместо отметки начертал: «Хотел бы я видеть выражение Вашего лица, кабы Вы откушали пирожного с аммиаком». Валю это очень задело. И с тех пор она всерьез занялась химией. А окрепло это увлечение уже на втором курсе медицинского института, когда Добрынина попала в кружок биохимии к профессору Борису Ильичу Збарскому.

• • •

Мы теперь часто встречаемся, особенно после того, как организовали свое землячество, землячество ульяновцев, в Москве. И, представьте, у землячества оказалось не так уж мало дел. Мы поддерживаем постоянную связь не только между собой, но и с Ульяновской школой № 1, посылаем ребятам подарки, собрали и отправили им большую, хорошую библиотеку. Одни из первых организаторов землячества — инженеры С. А. Татевосов и П. И. Богдашкин. Особенно много сил вкладывают в дела землячества работник ТАСС М. Г. Глухов, инженер-полковники Н. Д. Бочкарев и А. Ф. Резчиков, инженер-строитель А. Г. Гордеев, судостроитель, капитан I ранга Н. П. Дашков, инженер-электроник П. С. Обручников. В стороне от дел Московского землячества не остаются и ныне живущие на родине Владимира Ильича журналист Н. П. Долбилин и профсоюзный работник А. К. Маврин. Просто удивительно, как эти немолодые, занятые люди умеют вложить в дела землячества столько выдумки, задора, энергии. Впрочем, особо удивляться, пожалуй, не стоит. Ведь они рабфаковцы...

И куда бы ни бросила нас судьба — в Ленинград или в Комсомольск-на-Амуре, в зарубежные города или в дальние селения нашей Родины,— мы с вечной и неустанной признательностью вспоминаем школу, в которой учился В. И. Ленин и в стенах которой мы, рабфаковцы — дети семьи трудовой,— получили путевку в жизнь.

Этот снимок был сделан в майские дни 1965 года. На Красной площади собрались бывшие студенты Ульяновского рабфака имени В. И. Ленина.

МЫ ЖИВЕМ НА

Так называется сборник стихов поэтов стран Азии и Африки, который выпускается Ташкентским издательством имени Гафура Гуляма. Можно без преувеличения сказать, что это наиболее полная и представительная антология афро-азиатской поэзии, когда-либо и где-либо издававшаяся. В хорошо оформленной книге представлены наиболее интересные стихотворения 260 ведущих современных поэтов 43 стран Азии и Африки.

Все они как будто бы собрались здесь, в Ташкенте, чтобы принять участие в празднике поэзии, организуемом в ознаменование десятой годовщины исторической Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки.

В предисловии к книге председатель Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки С. А. Азимов первые страницы предоставляет великим мастерам слова, заложившим основу современной поэзии народов Азии и Африки: Рабиндранату Тагору, Лу Синю, Садриддину Айни, Патрису Лумумбе и другим. Эти пламенные борцы за свободу и счастье человека зажгли факел, который и сегодня освещает путь писателям стран Азии и Африки, путь, ведущий к братству, дружбе, единству. Их стихотворения как эпиграф, запев, открывающий многоголосый хор поэтов.

Древние культурные традиции, классическое наследие народов Востока служат неиссякаемым источником творческого вдохновения для современных мастеров художественного слова стран Азии и Африки. В стихах современных поэтов Востока мы ощущаем вечную молодость, волшебный аромат классической поэзии прошлого. И по мере того как вчитываешься в их стихи, глубже задумываешься над ними, все яснее начинаешь ощущать в традиционных поэтических формах, образах и интонациях свежее, живое дыхание современности. Новаторство проявляется и в творческом освоении опыта замечательных мастеров слова Европы и Америки, как прошлого, так и настоящего.

Прошли те времена, когда о поэте Востока говорили лишь как о служителе музы красоты, проповедующем уход из реального мира в мир мистики, фантазии и романтических мечтаний, рассказывающем удивительные волшебные сказки, отвлекающие людей от суровой действительности. Истинно народный поэт Востока сегодня в первых рядах патриотов своей родины борется за правду и справедливость, создает стихи и песни, пробуждающие в сердцах людей жажду новой жизни, стремление к счастью и свободе. Он видит истинную красоту в созидательном труде, дерзновенном подвиге, в самопожертвовании, в борьбе за лучшее будущее человека. Это поэт — тонкий лирик, проникающий в самую глубину человеческих чувств и переживаний. Это поэт — отважный солдат, воин, гневное слово которого обращено против всех тех, кто посягает на честь, свободу и независимость его родины. Это поэт — труженик, рабочий, крестьянин, воспевающий вдохновенный труд миллионов людей, их стремление навсегда избавиться от нищеты, возродить свою родину, сделать ее экономически сильной и независимой. В книге «Мы живем на одной планете» представлены стихотворения именно таких поэтов. Для их произведений характерны радостное ощущение жизни, вера в победу человеческого разума над темными силами разрушения и войны, ответственность за судьбы современников и грядущих поколений, призывы к дружбе, единству, солидарности, к сплочению в борьбе за лучшее будущее,— иными словами, «дух Ташкента».

Несмотря на различие языков, национальностей, поэтических стилей, литературных направлений, всех этих поэтов объединяет любовь к своей родине, к простому человеку, призыв к миру и дружбе между народами, ненависть к силам войны и агрессии.

Прекрасное всегда остается прекрасным, в какой бы национальной поэтической форме оно ни проявлялось. Глубокий и страстный патриотизм поэтов Востока органически сливается с интернационализмом, с глубокой заинтересованностью в судьбах всех народов земли, с искренним сочувствием ко всем тем, кто борется за свободу и независимость. Духом братства, дружбы и солидарности пронизаны стихотворения, являющиеся откликом на важнейшие события в мире. Это прежде всего стихи о героическом народе Вьетнама, ведущем самоотверженную борьбу против американских агрессоров. Гневный протест против вероломного нападения израильских агрессоров на арабские страны звучит в стихах многих поэтов стран Азии и Африки.

В центре внимания движения писателей афро-азиатской солидарности находятся вопросы взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур. Ташкентская конференция сыграла важную роль в дальнейшем расширении обмена культурными ценностями между странами Востока и Запада. Все большее значение в этой связи приобретает проблема художественного перевода. Многие известные поэты стран Азии и Африки активно участвуют в работе по переводу и пропаганде в своих странах произведений товарищей по оружию.

В сборнике публикуются поэтические переводы, выполненные известными советскими поэтами. В работе над книгой приняли участие специалисты по различным литературам народов стран Азии и Африки.

Многие поэты, стихотворения которых публикуются в сборнике «Мы живем на одной планете», были участниками Ташкентской конференции, многие снова прибудут в Ташкент для того, чтобы принять участие в торжественном собрании и международном симпозиуме, посвященном десятой годовщине Ташкентской конференции.

Е. ЧЕЛЫШЕВ,
доктор филологических наук

Сборник афро-азиатской поэзии, посвященный десятой годовщине Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки. Изд-во имени Гафура Гуляма. Ташкент, 1968 год.

Ань ТХО

АКТРИСЕ ИЗ АНСАМБЛЯ ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

Помню я, ты плыла через волны Тху-бон.
Подгоняя паром, шумно пенился вал.
Ты запела, слетая с вершин Чыонг-шон,
Ветер с двух берегов подпевал.

О любви, об отчизне твой голос поет
Вдоль дорог, где солдатский стремится поток,
Эти песни несешь ты двенадцатый год,
Голова серебрится от пыли дорог.

Твои песни звенят среди горных громад,
Где в ущельях реки гремят,
И в горящих долинах сквозь гром канонад
Эти гордые песни звучат,—

Не боятся осколков и пуль никаких,
И ракет синей ночью в дыму облаков.
На простертых, как в танце, ладонях твоих
Пламя мести горит и сжигает врагов!

Этим песням внимает сквозь грохот и дым
Дальний остров Кон-ко, где бои горячи,
Путь находят и к кухням они полевым,
Словно компаса стрелки, сияя в ночи.

И все дальше летят — по просторам полей,
Над каналами, пальмами слышен их звон.
И, гордясь победившей отчизной своей,
Скоро ты поплывешь через волны Тху-бон.

Перевел с вьетнамского
Ник. Тихонов.

Марселину душ САНТУШ
Мозамбик

Десять лет тому назад в «Огоньке» впервые появились стихи мозамбикского поэта. Марселину душ Сантуш был участником I Ташкентской конференции писателей Азии и Африки. Затем в библиотеке «Огонька» вышел сборник его стихов «Песня истинной любви».

Истинная любовь к родине привела поэта в ряды активных борцов за освобождение Мозамбика, в ряды руководителей партии, осуществляющей вооруженное наступление на колонизаторов.

По заданию руководства партии Фронта освобождения Мозамбика душ Сантуш написал стихами обращение к товарищам и братьям. Эти публикуемые здесь стихи распространяются среди партизан, среди солдат регулярной армии, уже освободивших большие территории на севере страны.

I

Правда, это все нелегко,
Ведь не может быть легким
Самое главное...
Посмотри, как подсолнух
Поворачивается к солнцу,
Это не легко, но прекрасно!

Наступило время понять,
Что фруктовые наши деревья
Вырастают высокими
Лишь на твердой земле,
А не в зыбком болоте.
И маис и орех земляной
Не взойдут,
Если их не посеешь
В плодородную землю,
Возделанную своими руками.
Получить урожай,
Ничего не посеяв,
Невозможно!
Вся история человечества
Говорит нам об этом.
Это так же несбыточно,
Как второй шаг без первого.
Мы сегодня живем,
Не вчера и не завтра,
И задача у нас одна:
Независимость!

Наше дело, товарищ,
Возделать плодородную почву
Для Революции,
Вырастить сильный народ,
Вооруженный и мудрый.
Только сильный народ, товарищ,
Сдвинет горы,
Построит плотины,
Школы выстроит
И больницы,
Как построили их, товарищ,
Мы на севере освобожденном!

II

Важно не то, чего я хочу,
Важно не то, чего ты хочешь,
Важно лишь то, чего **МЫ** хотим.

...ОДНОЙ ПЛАНЕТЕ

Фаиз Ахмад **ФАИЗ**
Пакистан

МОЖЕТ БЫТЬ

Может быть, время придет — и тогда
твой взгляд различить бы смог
На каждой чистой странице кровь
убитых прекрасных строк.
Может быть, время придет — и ввысь,
как знамя, взовьется песнь,
Что никнет сейчас на холодном ветру
наших невзгод и тревог.
Может быть, время придет — и поймешь,
как сердце билось твое,
Которое камнем сегодня лежит
в горькой пыли дорог.

Перевел с урду
С. Северцев.

●

Хариваншрай **БАЧЧАН**
Индия

ГДЕ НЕТ ВОЛНЕНЬЯ?

Жизнь — это вечный бой,
Зла и добра сраженье.
Что тебя ждет, герой:
Победа или пораженье?
Но устает в сраженье
Даже стальной кинжал,
И если боец изранен,
Если смертельно устал,
Как хочет он где-нибудь
Забыться в изнеможенье,—
Но разве на свете есть
Место, где нет сраженья?

Жизнь — это вечный путь,
Настойчивое движенье.
Вершин никому не достичь
Без тяжкого напряженья.
В ущельях рычат потоки,
Дыбятся зубья скал...
И если измучен путник,
От грозных преград устал,
Как хочет он край найти
Покоя, отдохновенья,—
Но разве на свете есть
Место, где нет движенья?

Жизнь — это вечная песнь,
Взволнованное песнопенье,
Томит и сжигает грудь
Бессонное вдохновенье.
Из мук и тревог поэта
Рождается струнный звук,
И если поэт устанет
От вечных тревог и мук,
Как хочет он прочь бежать,
Скрыться в приют забвенья,—
Но разве на свете есть
Место, где нет волненья?

Перевел с хинди
С. Северцев.

●

Сагара **ПАЛАНСУРИЯ**
Цейлон

ДОЧЬ БЕДНЯКА

Пропылена, груба ее одежда,
В огне не вспыхнет, долго будет тлеть...
Рай — звук пустой. Какая в нем надежда?
Ее и ад не хочет пожалеть.

Голодная, устало плечи горбя,
Бредет темнее чайного листа;
Бескровную, со взглядом, полным скорби,
Ее в тряпье одела нищета.

У дома дети худенькие плачут,
А в доме — остывающий очаг.
Отец на богача весь день батрачит,
Но из нужды не выбьется бедняк.

Однажды незнакомец побогаче,
По платью — горожанин, не иначе,
На хижину, гуляя, бросил взгляд.
Остановясь перед лачугой нищей,
Он снял на пленку жалкое жилище
И удалился, спрятав аппарат.

Перевел с сингальского
Г. Ярославцев.

●

Маун Сван Йи
Бирма

МОЛОТ ВОЗМЕЗДИЯ

Один кулак, два кулака...
Пусть соберутся вместе
Тысячи тысяч
Стиснутых кулаков,
Яростных кулаков!
И пусть, как молот стальной, ударят
По наглым империалистам!

Один плевок, два плевка...
Пусть соберутся вместе
Тысячи тысяч плевков!
И пусть в их реке, задыхаясь, потонут
Драконы — империалисты!

Одна сила, две силы...
Пусть воедино сольются
Тысячи тысяч сил!
И пусть обрушат молот возмездья
И возвестят всем народам планеты:
«Время пришло — знайте:
Рабочие
В рабстве жить не хотят!
Время пришло — знайте:
Рабочие
Победят!»

Перевел с бирманского
А. Мамонов.

●

Жан-Мирабо **НАНА**
Камерун

ЧТО ТЫ ПОДАРИШЬ МИРУ, АФРИКА?

На скрещенье необозримых дорог мой народ,
на скрещенье необозримых дорог наши умы...
Что ты подаришь миру, Африка?..

Что ты подаришь, страна населенных духами
гор
и сумрачных дебрей, где прячутся древние
племена,
страна баобабов, таинственных и зеленых,
Нигера и Замбези страна,
Нила и Конго,
страна колдовства,
темнокожих фетишей,
лиан и саванн,
гудящего гонга,
татуировок искусных,
тамтамов и песен
и негритянок прекрасных, как черное солнце,
страна с напоенной радостью кровью,
страна, готовая выпить залпом свободу,
как жаждущий — ключевую воду,
готовая взойти на костер
за мир
и всеобщее братство,—
что ты подаришь миру, Африка,
страна, где лира поет сурово и нежно?
На скрещенье необозримых дорог мой народ,
на скрещенье необозримых дорог наши умы...
Что ты подаришь миру, Африка,
жена и богиня моя,
что ты подаришь, скажи?

Перевела с французского
Н. Горская.

У Революции есть закон,
Закон Революции — это Единство!

Каждый из нас о чем-то мечтает,
Каждый из нас что-нибудь любит,
Но важно не то, чего я хочу,
Важно не то, чего ты хочешь,
Важно лишь то, чего **МЫ** хотим.

Правда, горлицы, крылья
раскрыв,
Летают, каждая — куда хочет.
Правда, певчие птицы поют,
Каждая — песню, какую хочет.
Но перед ними свободная даль,
А для нас
Все закрыто...

Сегодня нам нужно возделать
Плодородную почву,
Оросить ее пóтом и кровью,
Не пугаясь усталости и отчаянья,
Сотни раз оступаясь и падая,
Находить верный путь.
Не щадя своих рук и глаз,
Неустанно работать
И потом
С торжеством собирать
Незрелые, твердые, горькие,
Но все-таки наши плоды.

У Революции есть закон,
Закон Революции — это Единство!
Важно не то, чего я хочу,
Важно не то, чего ты хочешь,
Важно лишь то, чего **МЫ** хотим!

III

Это не трудно
И не легко...
Это необходимо.

Поход продолжается
Три часа,
Шесть часов,
Может быть, еще дольше,
С отдыхом
Или без отдыха,
Пока не дойдем до места...

Фляга воды
На трех человек,
Или на шесть,
Или на десять,
А может быть, волны целой реки,
В которой можно купаться...
А потом
Двадцать дней или месяц,
Чтобы пот высыхал
И струился опять
По лицу и по телу,
Пропитав униформу.
Это не трудно
И не легко...
Это необходимо!
Мы солдаты ФРЕЛИМО,
Выполняем свой долг.
Переносим оружье и боеприпасы,
Медикаменты и одежду,
Мы уходим в лесные заросли,
В ряды партизан,
Мы возделываем поля,
Сеем зерна, ждем урожая,
Строим новую жизнь.

Мы в атаке на вражеский пост,
Мы в засаде,
Мы взрываем на минах грузовики,
Мы считаем погибших солдат
неприятеля.
Мы усталые входим в родные
селенья,
Отбитые у врага,
Освобождая братьев.

Это не трудно
И не легко...
Это необходимо!
Мы солдаты ФРЕЛИМО
Выполняем свой долг!

Перевела с португальского
Л. Некрасова.

ДОБРЫЕ ПРИМЕТЫ

А. ЭРШТРЕМ

В роли Володи Данилина В. Перевалов.

В. Тихонов и И. Печерникова в фильме «Доживем до понедельника».

Алла Демидова — Комиссар красного отряда.

Кинозритель заждался молодых героев, которые могли бы взять на себя смелость достойно представлять на экране молодежь нашей эпохи. Таких героев, которые противостояли бы бездумным «Девушкам из Рошфора», помпезно-сентиментальным «Обнаженным Махам», похотливым «Соблазненным и покинутым» и многим другим героям Запада с их сомнительными «исканиями» на интимно-любовной почве.

Быть может, не совсем еще совершенные, но привлекающие к себе, заставляющие о себе думать, все же нет-нет да и появляются в фильмах последнего времени молодые герои. Эти фильмы заслуживают того, чтобы привлечь к ним зрительское внимание. В них есть добрые приметы.

ГОДЕН К СЧАСТЬЮ...

Небольшое подразделение связистов расположилось на короткий отдых. Но еще много забот у старшины Качуры: надо подтянуть связь к батальонам, таков приказ «ноль-первого». Срок — 24 часа.

Боец Самохин: — Не управимся.

Качура: — Сам знаю... (С надеждой в голосе.) В полк прибыло пополнение; трех человек обещают.

Вот тут-то и появляется «пополнение»: не трое, а один человек. Рядовой Володя Данилин. Это совсем еще мальчишка: неуклюжий и по характеру явно гражданского склада, и по роду занятий — виолончелист!.. Собирался поступать в консерваторию... Вдобавок близорук, да и вообще признан годным только к нестроевой службе после многих настойчивых обращений юноши в военкомат.

— Ну,— скажет читатель, умудренный опытом,— значит, еще один вариант «Крепкого орешка» либо «Солдата Ивана Бровкина», «Максима Перепелицы», «Жени, Женечки и Катюши»...

Подождем спорить. Не будем торопиться и с выводами! Вернемся к дальнейшему развитию сюжета.

Фильм «Годен к нестроевой» поставлен на студии «Беларусьфильм» по сценарию Е. Севелы режиссером В. Роговым. Они не жалеют Володю Данилина, а по-настоящему любят его, хотя множество недоразумений происходит с новичком. Наконец Данилин назначен ездовым. Не сразу преодолел он робость перед строптивым гнедым жеребцом, не сразу достиг с ним «взаимопонимания». А при очередной поездке налетела повозка на фашистскую мину, и не стало Гнедого! Старшина Качура не то в шутку, не то всерьез говорит Володе, что если к утру не добудет он новую лошадь, придется отдать его под суд!

Ночью Володя Данилин отправляется во вражеский стан добывать лошадь. И что ж вы думаете — добыл! Да еще какую! До войны лошадь работала в цирке: исполняла на манеже всевозможные фигуры и танцы. Исполняет белая лошадь, получившая имя Феди, все эти «номера» и на экране. Дело в том, что она привязалась к Володе, они стали настоящими друзьями. Так что, когда Володя за очередной промах попал на гауптвахту, Федя бегает строевым маршем вокруг места Володиного заточения. Вот и приходится выпустить ездового из-под ареста: ведь только Володю слушается Федя — с ним помчится куда угодно, сделает все что надобно!.. Когда солдаты после тяжких ратных трудов получили короткий отдых, Володя с цирковой белой лошадью дает такое феерическое представление, какое редко увидишь даже на манеже цирка! Федя исполняет фигуры и танцы конского «высшего пилотажа», разыгрывает сатирическую сценку, показывая, как фашисты шли к Москве и как оттуда удирали...

Белую лошадь Федю играли два дублера — Рекорд (из спортобщества ЦСКА) и Телецентр — из сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Гнедого «играл» обыкновенный деревенский жеребец, приобретенный в учхозе.

Столь подробный рассказ о четвероногих участниках не означает, конечно, что они главные в фильме. Отнюдь нет! Главное здесь — люди, высокие воинские, человеческие качества молодого солдата Володи Данилина.

Фильм «Годен к нестроевой» сердечно, тепло говорит о счастье народа, имеющего таких сыновей, как Володя Данилин.

Интересно, содержательно заявлен в сценарии образ-характер главного героя, и столь же великолепно сыгран он молодым артистом В. Переваловым.

К достоинствам картины следует отнести и сочный, народный язык, полный юмора, и ту добротную достоверность, с какой воссозданы картины фронтового быта. «Годен к нестроевой» — свежее и нужное слово в решении важной патриотической темы.

ОСТАНЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ!

На военном материале построен и другой фильм: «Служили два товарища». Андрей Некрасов — молодой герой фильма — тоже чистый и стойкий, хороший человек — пошел на фронт добровольцем. Кстати, он тоже вынужден, как Володя Данилин, заняться делом, ему совершенно незнакомым. Он стал фронтовым кинооператором. Среди трофейного имущества оказалась съемочная камера; вот ему эту камеру и вручили, приказав «снимать красных героев, ихнюю революционную доблесть и славу». В помощники Андрею дан бывший командир роты Иван Карякин, разжалованный за проступок в рядовые.

Это совершенно разные люди! В мирное время они, вероятно, никак не смогли бы сойтись, подружиться. Некрасов — бывший студент, человек интеллигентный по самой своей сущности, высокий, красивый, ясноглазый. Его играет артист О. Янковский. Роль «помощника кино-съемщика» исполняет артист Р. Быков. Маленький, желчный, нетерпимый, Иван мгновенно переходит от растроганности к жестокой ярости! Революция, все сдвинувшая и перевернувшая в жизни, впрягла в одну тележку с кинокамерой этих разных людей, и начались их странствия по фронтовым дорогам...

С героями происходит много необычайного. На стареньком аэропланчике глохнет мотор, и друзья попадают в лапы к махновцам. А когда им удалось сбежать из-под стражи и попасть в одну из красных частей, их приняли там за белых! По настоянию Комиссара (артистка Алла Демидова) бойцы приговорены к расстрелу и спаслись только чудом!..

Фильм этот можно назвать и героической комедией и приключенческой кинодрамой. В нем органически сосуществуют и острое напряжение детектива, и смех, и юмор, и драматические коллизии, и трагические — в полном смыс-

ле слова — обстоятельства. Причем основное в фильме не острые повороты фабулы, а живая жизнь наших героев, которая позволяет со всей достоверностью почувствовать революционный дух Красной Армии, самоотверженность людей, сплачивающихся под знаменами Октября.

В последнем эпизоде картины Андрей погибает. По мнению Ивана, погибает из-за собственной оплошности. А по существу, из-за доброты и человечности хорошей, открытой натуры. Иван, который не однажды готов был под горячую руку «прихлопнуть» напарника, подозревая скрытую в нем «контру», горючими слезами плачет над телом друга, которого полюбил. «Меня должно было убить, меня...» — кричит Карякин. Оба характера выступают крупно, психологически остро...

Жизнь Андрея Некрасова, его дела и мысли говорят нам, что революция и жестокость — понятия несовместимые!.. Человек, который служит Революции, должен оставаться человеком всегда, при любых обстоятельствах.

Фильм, рассказывающий нам о двух товарищах, создан на студии «Мосфильм» по сценарию В. Фрида и Ю. Дунского режиссером Е. Кареловым.

...РАЗУМНОЕ, ВЕЧНОЕ

В самую гущу сегодняшних дней переносит нас фильм «Доживем до понедельника», поставленный на студии имени Горького по сценарию Г. Полонского режиссером С. Ростоцким. Да не только сегодняшних, а и завтрашних тоже, ибо речь в этой картине идет о школе. О тех, кто «сеет разумное, доброе, вечное», воспитывает будущих строителей коммунизма. И о тех, кого воспитывают, кто должен вобрать в свою душу всю красоту дел отцов и дедов.

Каждый школьный день ставит и перед подростками и перед взрослыми множество больших и малых проблем. Но поди угадай, какая из них вдруг захватит ребячье воображение, подчинит себе буйную фантазию, станет «проблемой № 1».

В 9-й класс «В» кто-то из ребят принес живую птицу, на уроке английского языка — переполох. Птица летает под потолком, мечется, спасаясь от преследователей; тщетно пытается утихомирить ребят молоденькая учительница Наталья Сергеевна. В погоне за вороной она сама забралась на окно; тут и застал ее классный руководитель Илья Семенович Мельников.

Наталья Сергеевна сама недавно училась у него, уважала и «обожала» талантливого педагога. Она и теперь — хоть и не признается себе в этом — испытывает к нему глубокое, затаенное чувство...

Илья Семенович в исполнении В. Тихонова достоин и уважения и любви. К труду своему он относится как к творчеству, считая себя ответственным за каждого школьника. За броней замкнутости, внешней холодности дети безошибочно угадывают душевную тонкость, благородство учителя.

Зрители помнят В. Тихонова во многих фильмах: это актер, наделенный талантом, обаянием, прекрасными внешними данными. Думается, четырехлетний напряженный труд над сложнейшей ролью Андрея Болконского в «Войне и мире» помог актеру еще больше отточить мастерство воплощения самых сокровенных движений души человеческой. Скромный учитель становится у В. Тихонова Человеком с большой буквы.

Зритель желает счастья этому человеку: он нужен всем, кто находится рядом с ним. И прежде всего детям! Но в не меньшей мере и юной Наталье Сергеевне, от которой Мельников напрасно прячет, скрывает свое чувство, даже из школы готов он уйти, чтоб только не смущать свою бывшую воспитанницу!..

Любое школьное «ЧП», любое событие в школе Илья Семенович «поворачивает» в разговоре с ребятами так, что они — незаметно для себя — взрослеют, набираются ума и знаний. Да и взрослая уже Наталья Сергеевна шаг за шагом обретает педагогический опыт, постигает смысл и ценность своего зреющего чувства к Мельникову...

Мы рассказали лишь о главных героях фильма, который на редкость густо населен персонажами. За каждым из них — своя тема, свои мысли, свои проблемы, волнующие зрителей — и юных и взрослых.

ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ВСПОМНИМ О НЕЙ!

В картине «Мимо окон идут поезда» тоже была молодая учительница, человек инициативный, ищущий, понимающий высокую меру ответственности своего труда. И вдруг она почему-то спасовала перед трудностями! Вовсе не оправданно, вопреки логике характера отказалась от возможной победы над консерваторами, которые тянут назад педагогический коллектив...

А недавние фильмы «Три дня Виктора Чернышова» и «Личная жизнь Валентина Кузяева»... Ополчаясь против бездуховности своего героя, против окружающей его обыденности, эти картины, в сущности, лишь констатируют подобные обстоятельства жизни, даже не намекая на возможность борьбы с ними, преодоления их...

Рядовой Володя Данилин, «киносъемщик» Некрасов, учитель Мельников вместе со своей воспитанницей, молоденькой Натальей Сергеевной — это не только жизнелюбивые герои, но, что еще очень важно, герои жизнедеятельные.

Разве не на таких хороших, добрых примерах должна сосредоточить сейчас советская кинематография свое творческое внимание!..

«Тореадором» быть нелегко!

Фото Ю. Кузнецова.

ПОБЕДА «ТОРЕАДОРОВ» ИЗ ВАСЮКОВКИ

Не правда ли, неожиданное и забавное сочетание: тореадоры и вдруг Васюковка — деревушка, чье название никак не вяжется с образом воинственных и гордых красавцев?! Да ведь так оно и есть: «тореадорами» оказываются босоногие пацаны, смешные, конопатые мальчишки, затеявшие между собой забавную игру.

Авторы фильма о двух друзьях-«тореадорах» — сценарист Нина Рузова, режиссеры Самарий Зеликин и Валентина Осипянц, оператор Анатолий Орлов — уже в самом начале картины настраивают зрителя на улыбку, щедро рассыпая ее затем по всей ленте.

Посвящая свой фильм теме летнего отдыха детей, авторы не пошли по привычной линии «показа организованного отдыха» ребят. Они рассказывают о мальчишках, которые живут у себя дома и на каникулы никуда не выезжают из своего украинского села. Свободного времени у Явы и Павлуши много, а вот как им лучше распорядиться?! Не стать ли им тореадорами, ведь сразу они прославятся и их повсюду будут встречать с оркестром!..

Трудно сказать, кому больше нравится фильм, созданный Харьковской студией телевидения,— взрослым или детям; пожалуй, тут налицо редчайшее совпадение: фильм с удовольствием смотрят и принимают все!

Юных зрителей картина харьковчан подкупает тем, что в ней активно и весело — к тому же без малейшего вмешательства взрослых — действуют сами ребята. Взрослые же захвачены юмором ситуации, безыскусственностью поведения, нравственным здоровьем маленьких героев, той душевной их красотой, которую ощущаешь всем сердцем.

Летом 1968 года «Тореадоры из Васюковки» были представлены на III Международный фестиваль детских и юношеских телефильмов в Мюнхене. Конкурс был трудный: в нем принимали участие более 140 телевизионных компаний мира.

Советский фильм победил в этом конкурсе. По просьбе публики и прессы «Тореадоры» демонстрировались дважды, и оба раза — под аплодисменты.

В. КСЕНОФОНТОВ

Макушка Европы

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

ГОРОД ОДНОГО ДЕРЕВА

Северная Норвегия. Земля, лежащая за Полярным кругом. С самолета или с борта теплохода этот край кажется суровым и мрачным. Студеное море, обрывистые скалистые берега, необозримые горные массивы, и летом покрытые снегом. На многие километры никаких признаков жилья.

Но и здесь, на самой макушке Европы, живут люди. Пусть дома запрятаны в узких складках фиордов или лепятся кое-где на сравнительно плоских редких прибрежных площадках. Издавна, век за веком, подчиняли люди своей воле море и скалы, и сегодня при встрече здесь с норвежцами видишь в них не просто исконных обитателей этих краев, а победителей в борьбе с природой, сделавшей, казалось бы, почти все, чтобы их обездолить.

Когда попадаешь в первый затерянный в скалах и бесконечных водных излучинах городок, сразу поражаешься яркому, прямо-таки южному празднику красок и легким, изящным архитектурным формам. Побывав во втором, третьем таком городке, перестаешь удивляться и начинаешь понимать, что это своего рода жизнеутверждение назло суровой природе, дерзкий вызов ей.

Деревянные, иногда облицованные пластиком, в основном двухэтажные дома. Нет похожих один на другой. В каждом что-нибудь да свое. И каждый выкрашен по-своему, как правило, не в один цвет. И во всех окнах — полыхающие огнем цветы. Снова наперекор Заполярью.

Люди на узких улицах — не привычные серо-черные горожане. На них, особенно на молодежи, костюмы всех цветовых оттенков, поярче синих и зеленых пижам.

На площадях и скверах продаются детские воздушные шары причудливых форм и опять-таки всех расцветок — от белых до черных. Здесь же продают цветы, яркие, пышные, южные. Их берут нарасхват. А на зеленых газонах выстроились алые тюльпаны, среди которых важно расхаживают белые чайки...

Белобрысые и вихрастые, крутолобые, как молодые бычки, все в крупных веснушках, так похожие на наших деревенских ребят, носятся по скверам и улицам мальчишки.

Потом еще не раз вспомнишь этих сорванцов, совсем не случайно похожих на наших. В норвежских музеях, где выставлена старинная домашняя утварь и одежда, невольно вспомнишь северный русский край. Столько там и тут общего, схожего. Это не случайно. Географическая близость и древние исторические связи — все это во многом сближает наш север и норвежский. В течение многих веков между Северной Норвегией и русским Поморьем была большая человеческая близость, шла оживленная меновая, так называемая «поморская торговля». Из Норвегии к нам поступали меха и рыба, обмениваемые на муку, зерно и лес. И никогда этот обмен не омрачался никакими военными раздорами.

Таковы первые впечатления от Северной Норвегии. А за всем этим видишь потом труд, борьбу со стихией, людей сильных и мужественных.

В крохотном и нарядном городке Варде пахнет морем и рыбой. Это порт и крупный рыболовецкий центр. Недаром в городе находится единственное в своем роде во всей Скандинавии училище, которое готовит специалистов рыбной промышленности. В него берут ребят, окончивших не менее девяти классов и не менее года проработавших на рыбном производстве. Обширные владения училища, отлично оснащенного современной техникой, приятно удивляют чистотой, столь трудно достигаемой на такого рода производствах. Обращает на себя внимание прямо-таки торжественная солидность наставников молодежи. В своих белых халатах они похожи на маститых, знающих себе цену хирургов. Они делают наисерьезнейшее дело, ибо от производства рыбы зависит благополучие и их городка Варде и многих-многих других норвежских городов. Опытные специалисты учат здесь молодежь, как сушить и солить треску, как гнать жир из ее печени, как обрабатывать ее кожу, идущую на разные поделки, как готовить ее икру, экспортируемую во многие страны, как, наконец, до конца использовать все отходы, превращая их в кормовую муку и удобрения. Не меньше добра можно извлечь из сельди, другой важнейшей промысловой рыбы. И всему этому надо обучить новичков за один год.

Рыболовство — самая важная отрасль в хозяйстве Северной Норвегии. Около 100 тысяч рыбаков насчитывается в стране, и больше половины из них живет в этих северных краях. Они ловят неисчислимое количество рыбы. Ловят круглый год. Природа сделала уступку упорным северянам, подарив им могучее теплое течение Гольфстрим, которое не дает замерзать водам у огромного норвежского побережья.

Гольфстрим и позволяет Норвегии быть одной из крупнейших рыболовных стран в мире. В ее многочисленных портах встретишь не только тысячи и тысячи судов и суденышек для прибрежного лова, но и могучие китобойные плавучие базы, регулярно уходящие в антарктические моря. На протяжении последних десятилетий Норвегия занимала по тоннажу китобойного флота и по убою китов первое место в мире.

Рыболовецкий и китобойный флоты Норвегии не единственная ее гордость на морях и океанах. Торговый ее флот занимает по тоннажу четвертое место среди капиталистических стран. И, наконец, еще одна любопытная справка: по тоннажу на душу населения норвежский флот занимает первое место в мире, вчетверо (!) превосходя Англию.

Когда норвежские портовики, моряки и рыбаки рассказывают тебе о таких вот масштабах своего труда, когда ты сам видишь, как они уходят в море и приходят из плавания, тогда начинаешь по-иному воспринимать яркий и нарядный облик их городков. На смену приятному удивлению приходит глубокое уважение к мужественным труженикам с чуткой душой.

В формировании этой души немалую роль сыграла, вероятно, удивительно романтичная природа, окружающая норвежца. Пусть на севере страны она более сурова, чем в ее южной части, но и здесь, в Заполярье, море, скалы и особенно фиорды являют собой картину неповторимую и незабываемую.

Несколько часов идет океанский теплоход по какому-нибудь фиорду, пока не достигнет портового городка. Дальше можно плыть только на небольшой посудине или же, еще лучше, пересесть в машину и поехать по шоссейной дороге, повторяющей все извивы фиорда. Едешь вот так на колесах и думаешь, будет ли когда-нибудь конец этой узкой полоске воды. Вот, кажется, уже все, впереди тупик из скал. Машина приближается к каменной стене, и вдруг неожиданно оказывается, что это не сплошная преграда. Просто фиорд сделал свой очередной заворот под неожиданным углом. Проездишь так час-другой и уже не удивишься, узнав, что протяженность береговой линии страны с извилинами фиордов равна половине окружности земного шара!

И снова машина бежит по шоссе вдоль недвижной водной глади. Это с одной стороны. А с другой — круто вверх взмывают скалы. Мало того, что они опрокинулись в зеркало воды, придав ему сказочную красоту. Они и сами по себе несказанно хороши. По крутым каменным стенам катятся в фиорд водопады. Их пенистые белые полосы прорезают зеленый убор скал. Ни в одной другой стране мира леса не заходят так далеко на север, как в Норвегии. И пусть здесь березы поменьше и с корой больше серой, чем нежно-белой, пусть сосны не так стройны и высоки, но все же это живые деревья, они радуют глаз и согревают сердце. И только уж на самом-самом севере страны на смену им приходит тундра с ее лишайниками и мхом.

Городок Варде расположен еще не в поясе тундры, но природа все же обделила его зеленью. Трава есть, а деревьев на четыре с лишним тысячи жителей... одно. Оно притулилось к комендантскому дому в старой крепости, спрятавшись среди ее толстых стен от холодных ветров. Это единственное в городе дерево обязательно показывают всем приезжим как одну из главных достопримечательностей. Уже после этого дерева называют городской духовой оркестр, мужской и женский хоры, приглашают послушать их. Гордятся жители Варде и своим крохотным краеведческим музеем и своей совсем уже не крохотной, удивительно солидной и очень красивой трехэтажной городской ратушей, здание которой сделало бы честь любому городу не с четырехтысячным, а с сорокатысячным населением.

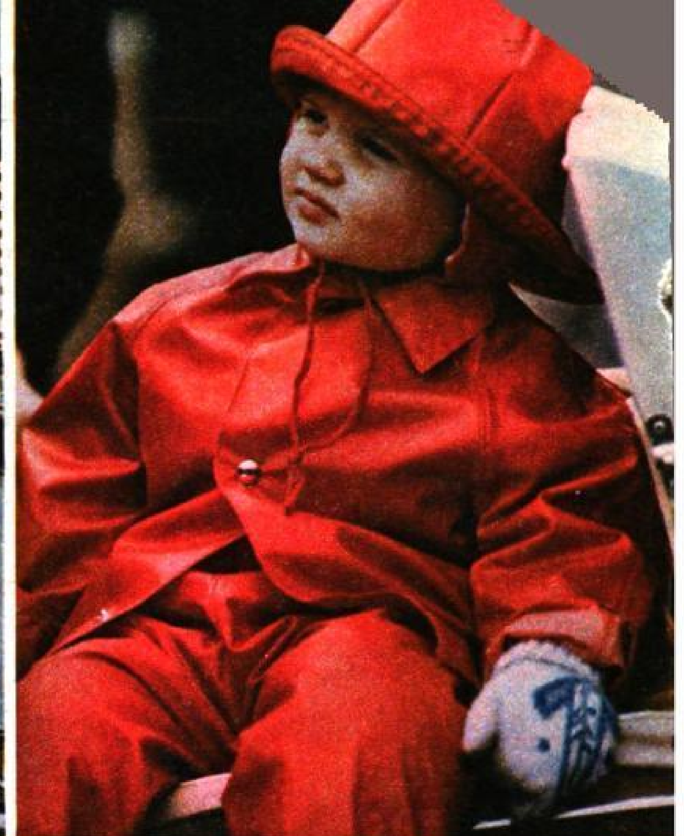
Но будничная жизнь Варде не так радужна, как веселые краски городских домов. Их обитатели сетуют на то, что им, северянам, нет никаких льгот от правительства. Они утверждают, что здесь жизнь дороже, чем в более благодатных южных районах страны. Может быть, отчасти этим и объясняется, что население Варде практически не растет. Горожане, кое-что знающие о соседнем Советском Севере, с завистью говорят о льготах, существующих для его жителей, о большой помощи государства нашему Северу.

У городка Варде много важных забот. Сейчас главная из них — строительство нового порта. На него возлагают большие надежды, считают, что с ним город начнет новую, более масштабную жизнь. А пока она тиха и патриархальна. Только гаражи при домах да телевизионные антенны (некоторые из них принимают даже Мурманск, программы которого здесь смотрят, как нам говорили, с интересом) напоминают о том, что идет год 1968-й. Правда, есть еще одна современная, но уже, на наш взгляд, печальная примета: на возвышенности, у самой окраины городка, расположилась база НАТО, одна из тех, каких в на-

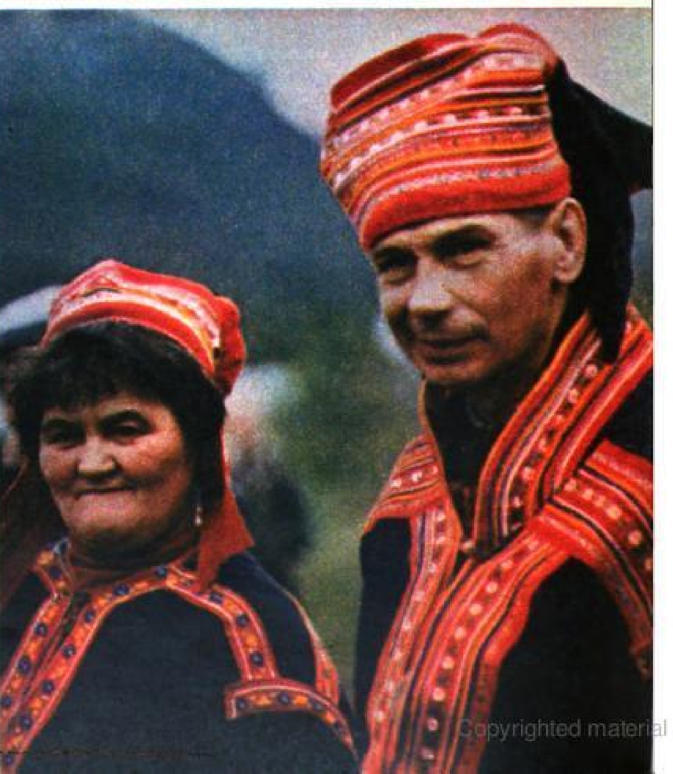
Город Гаммерфест. Мать и дочь. Советский теплоход в норвежском фиорде. Два брата. Витрина магазина.

Фото М. Савина.

Город Тромсе. Будущий рыбак. Девушки на празднике. Церковь в Тромсе. Старая крепость в Варде. Красочны костюмы саами.

товской Норвегии немало. Здесь находится северный фланг этого агрессивного блока, здесь проводятся военные маневры натовских вооруженных сил. Летом нынешнего года такие маневры превзошли по своим масштабам все предыдущие. Кому на руку такая провокационная военная политика в этом северном краю? Уж, конечно, не норвежскому народу, которому здесь никто не угрожает.

Сооружения военной базы в Варде высятся как раз над городской церковью и кладбищем, над вечным, так сказать, миром и покоем. Строгая, как и всюду в Норвегии, современная и очень внушительная церковь.

К слову сказать, наверное, одной из самых замечательных таких построек на всем севере страны является церковь в городе Тромсе. Ее вы можете увидеть на нашей цветной вкладке. Одиннадцать, разной высоты, но одинакового основания железобетонных шатров образуют здание высотой с 10-этажный дом, вмещающее в себя более пятисот человек (причем все они во время службы сидят). Между скатами соседних шатров зазор сантиметров в сорок — шестьдесят. В многомесячный полярный день все помещение заливается через них ровным и мягким светом. А в длинную-длинную полярную ночь через эти зазоры льется из церкви свет в студеный мрак, и при этом создается впечатление, что вся она прозрачна и невесома, словно какой-то теплый сказочный мираж, парящий в холодной мгле и возвещающий о себе не только этим сиянием, но и гулким колокольным звоном.

В воскресенье под этот звон в церковь довольно быстро и организованно собираются и стар и млад. Чинные, празднично одетые, они терпеливо отсиживают долгую службу с хором и органом. Но в повседневной жизни особой набожности и религиозного рвения не наблюдается. Может быть, потому, что суровая природа требует немало времени на труд, на борьбу с ней. И в силу этих же нелегких условий, наверное, любит северянин в свободную минутку осушить солидную стопку-другую, а то и третью крепкого спиртного.

Когда наш теплоход «Вацлав Воровский» стоял на рейде у города Варде, связь с берегом осуществлял местный паром. Через три-четыре таких рейса паромщик зашел «закусить» в ресторан теплохода. Следующий рейс, через час примерно, снова зашел. И так несколько рейсов. В предпоследний подход к борту теплохода паромщик врезался своей рубкой в наш трап и снес ее, а в последний рейс с ходу ткнулся кормой в наш борт, причем в нем образовалась солидная пробоина, которую пришлось заделывать полночи.

Досадный случай, конечно, но надо было видеть при этом, в какое уныние и прямо-таки полное смятение от стыда за своего соотечественника впали местные власти. Их было просто жалко, и пришлось выводить из нервного шока не на норвежской территории, а на борту нашего теплохода, в зале ресторана.

Смущение наших хозяев было неподдельным. Они хоть и сдержанный, но дружелюбный народ. Это, видно, традиция, ставшая в последнее время и какой-то необходимой нормой жизни, ибо Норвегия, в том числе и ее крайний север, год от года привлекают к себе все больше и больше туристов. В прошлом году, например, их было 3 миллиона 600 тысяч, то есть можно сказать, что у каждого норвежца, от мала до велика, побывал в гостях один иностранец. Недаром свыше одной четверти самодеятельного населения страны занято в области торговли и обслуживания туристов. На тихих берегах фиордов, на извилистых горных дорогах то и дело попадаются пешие и автотуристы, живописно выглядят разбросанные повсюду их деревянные и палаточные городки.

ТАМ, ГДЕ СТОЯТ ЧУМЫ

Север страны — древняя земля саами (лапландцев), этого небольшого народа оленеводов, рыбаков и охотников. На самом северном краю Европы проживает всего немногим более тридцати тысяч саами, бóльшая часть из них в Норвегии — двадцать тысяч. В книге представителя народа саами ученого Руонга «Саами в Швеции» говорится, что история хранит упоминание об этом народе, относящееся еще к первому веку до нашей эры.

Наверное, нельзя побывать в Северной Норвегии, не посетив при этом саами. И вот мы едем к ним. От города Тромсе автобус больше часа катит по шоссе вдоль фиорда. Туда, где они пасут своих оленей. Наконец после множества поворотов кончается фиорд, и вскоре прямо у шоссе показываются три чума — конечная цель нашей поездки. В своих нарядных, сине-красных национальных костюмах нас радушно встречают обитатели этих экзотических для наших времен жилищ. Потом оказывается, что эти чумы и в самом деле здесь, у шоссе, разбиты, можно сказать, намеренно, в нашу честь. Неподалеку от них стоит деревянный домик, где и живут саами — хозяева этих мест. Чумы нужны им только там, где они далеко от дома и зимой и летом кочуют с оленями в поисках корма.

Итак, принимают нас по-своему, по-старинному — в чуме. Это круглый шатер, обтянутый летом брезентом, зимой — оленьими шкурами. Пол его выстлан ветками, поверх них — оленьи шкуры. В середине — очаг, над ним отверстие, в которое идет дым от огня. В большом черном котле варится оленье мясо.

Мы в гостях у семьи оленевода Андеша Оскала и его жены Кристины. У них девять детей — пять дочерей и четыре сына. Оленеводством занимаются с отцом трое взрослых сыновей, остальные учатся в школе в Тромсе. Хозяйство, видно, большое. На вопрос о количестве оленей хозяин предпочитает не отвечать.

— Налогового инспектора боитесь?

— Да нет,— как-то неуверенно тянет он,— у меня девять детей, и поэтому налоги небольшие.

С нами приехало несколько человек из колхоза саами, что находится недалеко от Мурманска. От их конкретных вопросов трудно отмолчаться, и в конце концов наш хозяин хотя и не сообщает точной цифры своего поголовья, но говорит, что каждой осенью забивает около двухсот оленей. Это совсем немало для одного хозяйства. Значит, Андеш Оскал далеко не из бедных. Тем не менее он сетует на многие трудности. По его мнению, в этих краях уж слишком много оленеводов, а хороших пастбищ, особенно зимних, мало. К тому же оленеводство как-то плохо вписывается в современную экономику, на древний уклад оленеводов властно наступает двадцатый век: многие парни вместо того, чтобы идти по дороге своих отцов и дедов, подаются в города. Андеш говорит, что это у него столько детей, а в других семьях саами их меньше.

— Мы ведь женимся здесь только лет в сорок,— вставляет старший сын хозяина.

— А у нас в двадцать!— дают справку посланцы наших саами.

— Вот видите, и здесь Советский Союз нас обогнал.

— Сейчас слишком дорого вести образ жизни древних саами,— со вздохом заключает Андеш.

Очевидно, это так и есть. Уже упоминавшийся нами ученый Руонг так и пишет в своей книге: «Быть сегодня саами дорого. Они утрачивают древние корни своей культуры и стоят перед угрозой ее исчезновения. И в то же время не могут ничего поделать, чтобы этого не случилось. Это особенно справедливо в отношении молодых, которым удается получить школьное образование и современную специализацию. Не хватает таких возможностей, при которых они могли бы использовать полученные знания на благо своего народа... И между тем неизбежные экономические законы капиталистического государства и технократии определяют судьбу земель и вод, где живут саами. Многие из них, молодые и старые, не поспевают за бегом времени».

Руонг приводит горькие поэтические строки, рожденные в среде его родного народа:

«Те, кто живет и трудится на земле,
Не могут защищаться от болезненных ударов.
Они только чувствуют, что все изменяется
В их скрученных ветром жизнях».

Наш хозяин переводит разговор на практические рельсы. Он интересуется жизнью своих мурманских сородичей. Те охотно отвечают ему, и идет деловой разговор о сроках забоя оленей, о способах обработки их шкур, ценах на мясо, о племенном хозяйстве... Потом наши хозяева просят спеть им несколько песен советских саами, а в ответ исполняют свои. Тут же договариваются об обмене нотами. По всему видно, что это пение для них не просто развлечение, а нечто неизмеримо бóльшее.

Фольклор саами — богатейшая сокровищница, которая возникла у народа, многие века не знавшего письменности. Близость к природе, к животному миру со дня рождения и до смертного часа делает их устное творчество необычайно благородным и человечным, красочным и душевно тонким. Они называют это свое творчество «искусством припоминания», очевидно, потому, что в нем вся их история с ее своеобразнейшей культурой. Передающийся из поколения в поколение фольклор позволяет хранить и делать неподвластными времени историю и культуру, насчитывающую более двух тысячелетий.

Но вот готово оленье мясо. Оно очень нежное, как лучший сорт телятины, тает во рту. Потом следует бульон — горячая и густая, прямо-таки живительная влага.

После еды все выходят на воздух, и перед нами демонстрируются олени, собаки, средства передвижения, орудия охоты и рыболовства. Даже в столь необходимых обиходных вещах, как вполне современные лыжи или старинные копья, чувствуется поэтический настрой души их создателей и владельцев. Они сделаны с любовью, тщательно, со вкусом украшены. Вот лыжи. Широкая и короткая, подбитая шкурой,— для правой ноги, и обыкновенная, длинная — для левой. Лыжная палка — копье. Специальное копье для охоты на медведя. С гордостью показывают нам и самое современное приспособление — нечто вроде мотоцикла, поставленного на лыжи, который, как и традиционные собаки, служит сегодня оленеводам.

Заканчивается наша встреча весьма неожиданно — богослужением. Оказывается, в чуме давно сидел местный пастор, но он был в обычном костюме, сидел, и помалкивал, и ничем не привлек нашего внимания. Потом он где-то переоделся и предстал перед всеми в своем церковном облачении. Достал из машины несколько пухлых библий и вручил их своим прихожанам, вышедшим с нами из чума. Они сели на траву перед пастором, открыли библии где положено, и началась молитва.

В разгар молитвы в полукруг людей вошел олень, позвякивая своим колокольчиком, и удивленно уставился на пастора. Тот умело отогнал его и продолжал свое привычное дело. Когда молитва закончилась, самый старый из молившихся, 83-летний оленевод, подошел к пастору, долго пожимал ему руку и плакал от волнения. У остальных молитва никаких особых эмоций не вызвала. Пастор сам объяснил нам поведение старика. Оказывается, церковь находится довольно далеко, и пастор уже больше года не был в этих местах. Старик был растроган, что он наконец навестил их, и провел службу не как у себя в церкви, а на их родном языке.

Этот свой визит пастор, по его словам, приурочил специально к нашему посещению, чтобы оно стало более памятным для семьи Андеша Оскала и его соседей.

А потом мы возвращаемся на автобусе в Тромсе. Нас провожают туда несколько сыновей и дочерей Андеша. Под баян звучат русские песни. По тому, как они их слушают, пробуют подпевать, видна их музыкальность и страстная любовь к песне.

Голубеют за окном воды фиорда, в них тает и никак не растает бледно-желтое северное солнце, а уже идет второй час ночи, вернее, бесконечного летнего дня.

Въезжаем в город, на его улицах полно молодежи. Это ночь с субботы на воскресенье. Каждый хочет, наверное, вдоволь нагуляться, набраться наперед света и относительного тепла, которых зимой не будет несколько месяцев подряд.

Юноши и девушки на улицах удивленно смотрят на поющий автобус, улыбаются и приветливо машут руками.

Николоз БАРАТАШВИЛИ

Пока еще в разгаре ваше утро,
пора любви и безмятежных грез,
сумейте им распорядиться мудро,
не проливайте бесполезных слез.

Бежать от бурной жизни не годится!
Сладка любовь, и смысл ее велик.
Смешон старик, который молодится,
и жалок юноша, когда он как старик!

Всему, что будет, должное отдайте,
чтоб жить потом, о прошлом не скорбя,
любите, ошибайтесь и страдайте!
Когда же обретете вы себя,

когда придет на смену утру зрелость,
светясь короной солнца золотой,
не дай господь, чтоб сердце загорелось
внезапной страстью к женщине пустой!

Она в игру охотно с вами вступит
в сияньи обаянья своего,
но знайте: никого она не любит
и полюбить не сможет никого!

Перевод с грузинского Риммы Казаковой.

Куда исчезли в Англии 100 страниц „Тихого Дона"

Константин ПРИЙМА

1

В начале тридцатых годов в Англии издатели, определявшие политику на книжном рынке, упорно не замечали появления в Советской России романа М. Шолохова «Тихий Дон».

Большой успех «Тихого Дона» в Берлине (1929—1930 гг.), его триумф в Париже (1930—1931 гг.), признание советского шедевра в Праге, Стокгольме и Амстердаме (1930 г.), затем в Токио, Шанхае (1931 г.) и Копенгагене (1932 г.) длительное время оставались не замеченными в Лондоне.

В сентябре 1932 года московский журнал «Новый мир» завершил публикацию первой книги нового романа М. Шолохова «Поднятая целина». В декабре 1932 года этот роман был переведен на немецкий язык антифашистом Эдуардом Шиманом в Берлине и выпущен в свет в мае 1933 года (в связи с фашистским переворотом в Германии)... в Осло. В июне 1933 года в Цюрихе «Поднятую целину» выпустило (тоже на немецком) издательство «Гутенберг» в переводе Б. Кроткова и Г. Штёслера. В сентябре 1933 года «Поднятая целина» появилась в Токио в переводе коммуниста Уэды Сусума (издательство «Тэтто Сёин»). В октябре 1933 года в Париже к «Поднятой целине» приложили грязные руки русские белогвардейцы, фальсифицировав роман в антисоветском духе на французском языке. И там же, в Париже, в декабре 1933 года французские коммунисты издали полный и точный текст этого романа (перевод А. Оран и Ж. Ру) с декларацией М. Шолохова, изобличающей фальшивку белогвардейцев.

«Поднятая целина» за рубежом привлекла пристальное внимание не только широких кругов читателей, но и экономистов, дипломатов, разведчиков генштабов, которые в ошибках Давыдова и Нагульнова в хуторе Гремячий Лог выискивали уязвимость тыла красной России, а в живучести и лютой ненависти к Советской власти кулака Островнова и жестокости есаула Половцева видели свою опору в предстоящих битвах с большевизмом.

В большой прессе Европы уже шли крупные споры о творческом методе, самобытности стиля, беспощадной правдивости «нового Толстого из России», а английские читатели еще не имели понятия о романе «Тихий Дон».

И все же, как ни упорствовали лондонские издатели, время и свет, идущий с Востока, заставили их издать «Тихий Дон». В апреле 1934 года в Лондоне издательство «Путнам» наконец выпустило в свет в переводе Стефана Гарри два тома этого романа Шолохова в одной книге под названием «И тихо течет Дон».

2

Казачья эпопея Шолохова получила в Англии сенсационный успех. Скупое, но убедительное подтверждение этому можно найти на оборотной стороне титульной страницы 7-го лондонского издания романа, где напечатано следующее: «Издательство «Путнам» в апреле 1934 года выпустило в продажу два издания «Тихого Дона», в мае — третье и четвертое, в июне — пятое, в июле — шестое и в августе — седьмое!»

Как сообщил мне нынешний директор издательства «Путнам» Джон Хантингтон, роман «Тихий Дон» в Англии в 1934 году был выпущен десятью изданиями общим тиражом 98 150 экземпляров. Для Англии тех лет это тираж колоссальный!

В большой прессе Англии первая рецензия на «Тихий Дон» появилась в крупнейшей буржуазной газете «Таймс».

«В Советской России,— читаем мы в «Таймс» от 5 апреля 1934 года,— есть три выдающихся пролетарских романиста — Фадеев, Гладков и Шолохов. Последний из них наиболее символизирует собою пролетарскую зрелость в искусстве. Будучи казаком Донского края, Шолохов изобразил в «Тихом Доне» широкую, необычайно мощную картину казацкой жизни в годы мира, войны, революции и гражданской войны, первый том которого появился в 1929 году[1]. Его творение полно великой жизненности, жестокости, красоты, строгого реализма и истинной поэзии казачьих традиций. В его романе слышатся отзвуки былин, внутреннее сходство с легендарной повестью Гоголя «Тарас Бульба»... В изображении жизни, ужасов войны и династии, страстей и жестокости, личных невзгод и насилий Шолохов поражает беспощадной прямотой и честностью».

Многие годы газета «Таймс» выступала (да еще как ожесточенно!) против всего советского. Но вот роман «Тихий Дон» М. Шолохова заставил редакцию газеты «Таймс» впервые положительно высказаться о выдающемся произведении советской прозы.

Вскоре и другие крупные газеты Англии вынуждены были признать силу таланта Шолохова и дать самые похвальные отзывы о его романе. Еженедельник «Обсервер» в апреле 1934 года заявил так: «Тихий Дон» возвысился над тысячами наших книг... Герои Шолохова — это живые люди. Реализм Шолохова выгодно выделяет «Тихий Дон» из массы сентиментальных и лживых современных романов». Орган лейбористской партии «Дейли геральд» о «Тихом Доне» писала:

«Это страшная, жестокая, запоминающаяся книга. Жестокость и необузданность брызжут с ее страниц. Если бы не эта «жестокость», то книга Шолохова была бы шедевром шедевров». В «Эврimэн» писали: «Великой силой наполнен «Тихий Дон» Шолохова. Его читаешь запоем, не отрываясь. А прочтя — не остаешься с пустыми руками».

В 1934 году пресса Англии обращала много внимания на «экзотичность» и «жестокость» «Тихого Дона», восхищалась поэзией любви, глубоким проникновением автора в казачьи души, в духовный мир простых людей. Среди множества статей о «Тихом Доне» были серьезные, вдумчивые и тенденциозно антишолоховские. Все газеты, в том числе «Таймс», «Дейли геральд», «Санди график» и другие, единодушно отмечали высокое качество перевода Стефана Гарри. И наши специалисты и знатоки английского языка также свидетельствуют о прекрасном (в стилистическом отношении) переводе романа на английский язык.

Однако, как ни странно, в то время, пожалуй, никто из рецензентов английской прессы не заметил, что в лондонском издании роман Шолохова был обдуманно сокращен и идейно опустошен. Мне впервые довелось услышать об этом в 1935 году на заводе «Ростсельмаш» от политэмигрантов, которые помогали нам строить завод. Член Американской компартии серб Мет Блаич рассказывал, что лондонское издание (1934 года) романа Шолохова было настолько изуродовано топором издателя, что «в том виде «Тихий Дон» пришелся бы по душе даже Муссолини, который в Риме еще в 1930 году запретил издание опасного романа о красной буре».

3

Организуя выставку зарубежных изданий «Тихого Дона» в Ростове-на-Дону, я обратился с письмом к секретарю ЦК Компартии Ве-

[1] Явная ошибка. I и II книги «Тихого Дона» опубликованы в журнале «Октябрь» в 1928 году.

ликобритании с рядом вопросов об издании шолоховских произведений в Лондоне. В частности, мне очень важно было заполучить из Англии образец лондонского издания «Тихого Дона» 1934 года, чтобы выяснить, что же в нем тогда было сокращено.

Вскоре Генеральный секретарь Компартии Великобритании товарищ Джон Голлан прислал мне ответ, в котором писал следующее:

«Дорогой товарищ! Мне понадобилось некоторое время, чтобы найти ответы на те вопросы, которые Вы подняли в Вашем интересном письме от 26. I. 1963 г. Я горячо приветствую подготовку выставки о творчестве тов. Шолохова. На некоторые из Ваших вопросов я могу дать достаточно подробный ответ, на другие — не могу. Как бы то ни было, я, конечно, читал романы товарища Шолохова и хотел бы сказать следующее.

Роман Шолохова «Тихий Дон» обычно считается в Британии современной классикой, и последующие его произведения «Поднятая целина» и «Дон неотвратимо течет к морю»[1] являются не менее интересными.

Что на меня производит наибольшее впечатление в книгах Шолохова,— так это их масштабность и гуманность. Если Вы уж раз прочитали его описание Донского края, той части Советского Союза, с ее обширными, богатыми равнинами и величественной рекой Дон,— то это уже незабываемо. Но Шолохов живописует не только природу этого края, а и человеческий ландшафт. Его герои — это живые люди, которые принадлежат Донскому краю и которым по мере развития сюжета этот край со временем начинает тоже принадлежать. Они преобразуют край, и по мере того, как он изменяется, они сами также изменяются. Шолохов не идеализирует своих героев; они не являются святыми, вылепленными из гипса, нет, это живые люди со своими большими недостатками и достоинствами. Вот почему их трагедии так волнуют нас, а их успехи производят на нас такое глубокое впечатление. Мы чувствуем, что наблюдаем самую жизнь, во всем ее многообразии, как она изменяется и развивается.

Относительно Вашего вопроса о первом издании романа Шолохова в Англии. К сожалению, буржуазный издатель никак не хочет дать нам какие-либо конкретные ответы. Возможно, что товарищ Шолохов сам имеет сведения о сокращении объема его романа у нас?

Что же касается интереса читателей к его роману, издатели уверяют, что, как это видно на протяжении ряда лет, романы Шолохова вызывают большой интерес во всех слоях населения.

Мы не перепечатывали произведений Шолохова в газете «Дейли уоркер» по той простой причине, что при буржуазном издательском законе перепечатка является исключительным правом хозяина.

В отдельном пакете я с удовольствием посылаю Вам экземпляр «Тихого Дона» на английском с соответствующей надписью. Я надеюсь, что это поможет Вам в Вашей достойной и важной работе.

С наилучшими пожеланиями и братским приветом!
Джон Голлан,
Генеральный секретарь».

Подарок тов. Джона Голлана — экземпляр «Тихого Дона» (7-е издание «Путнам», август, 1934 г.), в котором опубликованы I и II книги романа в переводе Стефана Гарри, явился не только уникальным экспонатом нашей выставки, но и неоценимым документом для сверки его текста с русским оригиналом.

4

В английском издании «Тихого Дона» («Путнам», 1934 и 1966 гг.) нас прежде всего поражает нарушение шолоховской структуры эпопеи. Как известно, у Шолохова в оригинале «Тихий Дон» имеет восемь частей. Однако директору издательства «Путнам» Константу Хантингтону и его редакторам авторская структура построения романа не приглянулась, и они произвольно расчленили его на одиннадцать частей, дав каждой части свой заголовок — «Мир», «Война», «Революция» и т. д. Затем издатель и редакторы «Путнам» стерли шолоховскую нумерацию глав и, объединив по 15—20 страниц в одну главу, раздробили текст на параграфы (?). В романе издатели переместили некоторые события, изъяли многие главы и эпизоды. Всего из романа «Тихий Дон» издательство «Путнам» выбросило свыше ста страниц шолоховского текста без указания на титульной странице о том, что эти сокращения сделаны без ведома автора.

Что же сокращено английскими издателями в «Тихом Доне»?

Во-первых, издатель Констант Хантингтон и редакторы вычеркнули в «Тихом Доне» многие чрезвычайно важные и строго документальные главы, в которых Шолохов, используя архивные документы, поведал миру правду о вероломстве и коварстве авантюриста-генерала Корнилова, показал всю безнадежность его заговора против революции и переход на сторону Ленина и большевиков не только солдатских масс, но и казаков, ранее считавшихся самой надежной опорой царизма.

В английском издании «Тихого Дона» мы не находим главы XIII (четвертой части второй книги), повествующей о том, как в Главной Ставке русской армии летом 1917 года верховный главнокомандующий генерал Корнилов плел сеть заговора, пытаясь двинуть казачьи дивизии на Петроград, чтобы задушить революцию.

По мемуарам царских генералов и архивным документам известно, что руководство этой операцией Корнилов поручал генералу Крымову, который в случае необходимости не задумался бы над тем, чтобы «перевешать весь Совет рабочих и солдатских депутатов». Об этом в главе XIII и ведет разговор Корнилов с начальником генштаба Лукомским.

Издательство «Путнам», выбросив из этой главы 210 строк шолоховского текста, оставило лишь 17 строчек — сообщение об отъезде Корнилова в Москву на государственное совещание, будто Корнилов никакого заговора и не организовывал! Кстати, этим невинным отрывком издательство «Путнам» на 490-й странице «И тихо течет Дон» начинает параграф восьмой своего перевода, прилепив к нему обрезки изуродованной XIV главы романа, и подает английскому читателю образ Корнилова как кумира, ниспосланного богом для спасения России от большевиков.

В главах XVI и XVII (четвертой части второго тома) Шолохов включил в свое повествование полные отчаяния телеграммы Корнилова на Дон войсковому атаману Каледину, а затем телеграммы комкору-3 генералу Крымову и командиру Туземной дивизии князю Багратиону, из которых явствует безнадежность заговора генерала, пытавшегося любыми средствами двинуть казаков против Петрограда.

В английском выпуске «И тихо течет Дон» XVI глава шолоховского текста полностью вырезана, а глава XVII изуродована до неузнаваемости. В частности, чтобы обелить палача-заговорщика Корнилова, издательство «Путнам» из главы XVII изъяло приказ Корнилова комкору-3 (телеграмму из Главной Ставки от 27 августа 1917 года) и резолюцию Корнилова князю Багратиону, в которой ему было приказано во что бы то ни стало двигаться на Петроград «походным порядком до Луги, где поступить в полное подчинение генералу Крымову». Эти документы-приказы Корнилова должны были печататься в лондонском издании «Тихого Дона» на 512-й странице после слов: «...and pillaging the food warehouses».

В главе XX (четвертой части второй книги) Шолохов повествует о пребывании Корнилова (смещенного с поста главковерха) под арестом в здании женской гимназии города Быхова, о его попытках снова сколотить блок из верных ему генералов и двинуть армию на красный Петроград.

В этой главе Шолохов публикует архивный документ — письмо Корнилова «самозванцу-главковерху» Духонину о перегруппировке войск для наступления на Петроград. Письмо это представляет исключительную ценность тем, что на нем рукою генерала Духонина сделаны пометки, убийственно подтверждающие полный крах кровавых планов Корнилова и всей контрреволюции, так как армия и казаки перешли на сторону большевиков и Советского правительства. В этой же главе, в частности, сообщается о том, как Духонин помог Корнилову и его своре бежать из-под ареста на юг, к Каледину.

К сожалению, в английском издании «Тихого Дона» мы не находим этой главы. Издатель и редакторы «Путнама» вырезали ее полностью, преднамеренно скрывая от своих читателей факты истории и тем самым политически опустошая роман Шолохова.

Здесь нельзя умолчать о том, что издатель «Путнама» и его редакторы не только вырезывали неугодные им страницы и главы, но также фальсифицировали, извращали текст Шолохова. Примером этих упражнений издательства «Путнам» может служить рубка текста главы X (пятой части второй книги) «Тихого Дона», в которой Шолохов рассказывает о приезде делегации казачьего военревкома во главе с Подтелковым и Кривошлыковым в Новочеркасск для предъявления ультиматума генералу-атаману Войска Донского Каледину.

Издательство «Путнам» в этой главе из 375 строк шолоховского текста вырубило 175. К тому же редакторы «Путнама» политически извратили принципиальное выступление Кривошлыкова против контрреволюционной кадетской партии «Народная свобода». У Шолохова в романе Кривошлыков говорит: «Казаки **не потерпят** такого органа, в который входят представители партии «Народной свободы».

А в лондонских изданиях «Тихого Дона» («Путнам», 1934 и 1966 гг.) на 600-й странице дан следующий перевод этой фразы Кривошлыкова: «The cossacks will **not condemn** any government in which there are representatives of the parties of national Freedom» («Казаки **не осудят** никакого правительства, в котором есть представители партии «Национальной свободы»).

В тексте романа Шолохова Кривошлыков заявил: «Казаки не потерпят!»,—а издательство «Путнам» в своем переводе ставит: «Казаки **не осудят...»**,— что политически извращает весь смысл выступления Кривошлыкова и перебрасывает его в лагерь кадетов и контрреволюции!

Можно привести еще много других примеров сокращения шолоховского текста в английских изданиях «Тихого Дона», из которых явствует, что руководители издательства «Путнам», симпатизируя кавеньякам русской контрреволюции—Корнилову, Каледину, Духонину, стремились скрыть от английских читателей правду истории, правду о возникновении гражданской войны в России. Ведь в Англии, как и в «Британской энциклопедии», до сих пор твердят о том, что зачинщиками гражданской войны в России были большевики, а не капиталисты, помещики и царские генералы.

5

Общеизвестно участие немецких оккупантов и англо-французских интервентов в 1918—1920 годах в грабеже России и их борьбе против революции.

Шолохов в «Тихом Доне» на основе архивных документов назвал истинных организаторов и исполнителей империалистической интервенции на юге России, которые вдохновляли царских генералов, разрабатывали с ними оперативные планы похода на Москву, снабжали русских белогвардейцев всеми видами оружия и боеприпасами для войны с русским народом.

Однако в «Тихом Доне», выпущенном в английском издательстве «Путнам» в 1934—1966 годах, все главы, страницы и эпизоды, в которых Шолохов изобличает разбойничьи

[1] Под таким названием в Англии публикуются в одной книге третий и четвертый тома «Тихого Дона».

действия немецкой и англо-французской миссий на Дону, также старательно изъяты.

Из мемуаров царских генералов известно, что весною 1918 года правители Англии и Франции через свои военные миссии на юге России заставили генералов Деникина, Алексеева, Романовского встретиться на Дону в ст. Манычской с донским атаманом-генералом Красновым, чтобы выработать единый план действий по разгрому Советской республики.

Шолохов в главе IV (шестой части третьей книги) повествует нам о том, как честолюбивые взаимные распри, зависть и ненависть генералов-стервятников друг к другу не дали им сговориться.

«Разъехались преисполненные вражды и неприязни,— пишет Шолохов в этой главе.— С этого дня отношения между Добрармией и донским правительством резко ухудшаются, ухудшение достигает апогея, когда командованию Добрармии становится известным содержание письма Краснова, адресованного германскому императору Вильгельму».

И там же Шолохов публикует этот позорнейший документ генерала-предателя Краснова, продавшего Дон Вильгельму и пригласившего германскую военную миссию для координации усилий по борьбе с большевиками.

В английском издании третья и четвертая книги «Тихого Дона» вышли под названием «Дон неотвратимо течет к морю». Так вот там главы IV (шестой части) шолоховского романа мы не находим. Издательство «Путнам» в выпусках «Тихого Дона» 1934 и до 1966 года не публикует этой главы.

Известно, что в конце 1918 года после падения кайзеровской империи генерал Краснов быстро переметнулся к Антанте. Уже в декабре 1918 года Краснов принимал в Новочеркасске Союзническую военную миссию во главе с британским генералом Пулом и французским генералом Франше д' Эспере, чтобы выработать новый план и «окончательно искоренить большевизм».

Шолохов в «Тихом Доне» этой встрече посвящает XI главу третьей книги. Однако в лондонском издании «Дон неотвратимо течет к морю» и эта глава оказалась вырезанной. Черные дела английских и французских империалистов, их поддержка на Дону Краснова, а также сообщение о расстреле в эти дни белыми шахтинских большевиков-железнодорожников тщательно вычеркнуты издателями «Путнама».

В 1919 году на юге во главе контрреволюции становится Деникин. Генерала Краснова прогоняют с Дона. Войсковым атаманом избирают Богаевского, а во главе Донской армии ставят генерала Сидорина.

Шолохов в главе LVII третьей книги «Тихого Дона» пишет о разработке белыми генералами с империалистами Англии и Франции нового «похода на Москву, ликвидации большевизма на всей территории России... Английские и французские офицеры-инструкторы, прибывшие на Дон и Кубань обучать казачьих офицеров и офицеров Добровольческой армии искусству вождения танков, стрельбы из английских орудий, уже предвкушали торжества вступления в Москву...».

В главе XII (седьмой части четвертой книги) сообщается о присутствии британского полковника в хуторе Татарском при награждении Дарьи Мелеховой медалью за убийство своего кума большевика Ивана Котлярова.

Тщательная сверка шолоховского оригинала выявила, что издательство «Путнам» в 1934 году да и во всех последующих изданиях до 1966 года вычеркнуло из шолоховского романа вышеупомянутые главы и все другие страницы и абзацы, в которых автор сказал правдивое слово о кровавых делах английских, французских и немецких интервентов на юге России.

Директор издательства «Путнам» Констант Хантингтон и его редакторы изъяли все упоминания в «Тихом Доне» о сговоре англо-французских и немецких империалистов с русской контрреволюцией, политически извращая факты истории и идейный замысел автора.

Это особенно проявилось в тех местах романа, где английские редакторы также изъяли и вычеркнули многие исторические документы. В английском издании «И тихо течет Дон» мы не находим исторической телеграммы Донского казачьего Военревкома в Петроград Совету Народных Комиссаров о признании центральной государственной власти Российской Советской Республики (глава XV пятой части романа). Вычеркнут редакторами «Путнама» документ — ответ генерала-атамана Каледина и Донского правительства на ультиматум делегации Подтелкова (глава XI пятой части), постановление белогвардейского суда о казни отряда Подтелкова (глава XXVIII пятой части), описание разброда в войсковом круге и самоубийство генерала Каледина (глава XV пятой части).

И еще очень многие главы «Тихого Дона» не увидели света в Англии. Так, например, совершенно непостижимо изъятие из первой книги романа «Дневника» убитого в бою казака-студента, любившего Лизу Мохову (глава XI третьей части), описания трагической гибели казака-песенника Лиховидова, сошедшего с ума на поле боя (глава III четвертой части), пленения белыми в станице Вешенской команды красных трубачей, которые по приказу пьяного есаула перед расстрелом с вдохновением исполняют «Интернационал» (глава VII седьмой части).

Издательство «Путнам» нанесло «Тихому Дону» огромный ущерб не только тем, что нарушило авторскую структуру. Издательство обеднило идейный замысел автора, изображение правды жизни и всей военно-политической обстановки в России в 1917—1920 годах, опустошило роман в художественном плане. «Тихий Дон» обескровлен и обесцвечен изъятием почти всех казачьих песен, множества поговорок и пословиц. Между тем фольклор в эпосе Шолохова является не просто фоном, а художественным и философским выражением души русского народа. В казачьих песнях и пословицах таятся не только заветы предков, остроумие, традиции и думы народа, но также и любовь к свободе и Родине, в них запечатлены не только тоска по родным куреням и семьям, но также и мужество перед лицом грозных событий, искрящаяся алмазами народная мудрость, неувядаемый юмор казачьего роду-племени.

Тенденциозность издателя и редакторов «Путнама» в подходе к «Тихому Дону» проявилась также в сокращении текста глав, посвященных помещикам Листницким и купцам Моховым. Стремясь облагородить и приукрасить этих господ, издатели «Путнама» своей правкой текста обеднили и ухудшили эти образы.

Английский перевод романа Шолохова пестрит множеством неточностей и грубыми ошибками. Например, в XXIII главе (третьей части романа) солдат-большевик Гаранжа, разъясняя Григорию Мелехову, что такое царизм и кто наживается на войне, говорит: «Царь — каплюга (пьяница), царица — курва, панским грошам от войны прибавка, а нам на шею...— удавка». В английском переводе во всех изданиях это дословно читается так: «Царь — ничтожество, царица — цыпленок, но оба они — груз на наших спинах».

Вопиющим примером безответственности к переводу в издательстве «Путнам» могут служить страницы 274—290 английского издания «И тихо течет Дон». В русском оригинале это VII, VIII и IX главы (третьей части романа), в которых Шолохов рассказывает правду о дутом «подвиге» Козьмы Крючкова. Издатели «Пунтама» из 22 страниц шолоховского текста в этих главах вырубили семь страниц, все перепутали, ввели новое действующее лицо — казака Мрыхина, до неузнаваемости извратив эти главы и главную мысль автора. И подобных примеров с сокращениями текста «Тихого Дона» в английском издании не перечесть!

Для выставки «Тихий Дон» сражается с мировой реакцией и фашизмом» я получил образцы самых первых и современных изданий «Тихого Дона» из тридцати стран мира. Сверка зарубежных изданий с оригиналом дает мне право сказать, что роман «Тихий Дон» нигде так не испорчен издателями и цензурой, как в Англии!

6

Беспримерная расправа в Лондоне над шедевром века—романом «Тихий Дон» побудила меня обратиться с рядом вопросов в издательство «Путнам».

На мой запрос, когда же в Англии будет издан полный текст «Тихого Дона», генеральный директор «Путнама» Джон Хантингтон, к сожалению, ответа не дал.

Сверка английского перевода «Тихого Дона» с русским оригиналом со всей очевидностью говорит нам о том, что бывший директор «Путнама» Констант Хантингтон приказал сократить и изуродовать «Тихий Дон» не только из-за опасений, что это очень «толстый советский роман». У него были и другие соображения.

Всему миру известно, как велик был успех «Тихого Дона» в тридцатые годы в Европе и Азии и с каким триумфом продолжается шествие советского романа по континентам в наши дни. Все это свидетельствует о том, что «опасения» К. Хантингтона были лишь завесой для прикрытия политических целей. Мы рассматриваем эти опасения директора «Путнама» как дымовую завесу для идейного опустошения выдающегося произведения эпохи. Директор «Путнам» стремился прежде всего скрыть от широких читательских масс правду об участии Великобритании в интервенции против Советской России, скрыть правду о палачах и душителях русского народа — Корнилове, Каледине, Деникине, скрыть от своих читателей правду о Великой Октябрьской социалистической революции, которая нашла столь яркое и величественное воплощение в «Тихом Доне».

* * *

В 1962 году М. Шолохов был избран почетным доктором Сент-Эндрюсского университета. Известный английский писатель Чарльз Перси Сноу в одном из своих выступлений о творчестве Шолохова сказал следующее: «Из всех русских писателей со времен Чехова он достиг наиболее широкой популярности на Западе... Я лично уверен и также думают многие из моих друзей, что «Тихий Дон» — наиболее прекрасный из романов, созданных кем-либо в течение сорока лет...»

Английский писатель Джек Линдсей в своем письме, присланном в Ростов-на-Дону на нашу выставку, пишет:

«Я несколько раз перечитывал «Тихий Дон» Шолохова, и всякий раз на меня производили все большее впечатление его огромная сила, великий охоем (охват), его богатая шекспировская щедрость. В течение последних 50 лет мы жили в мире огромных событий, глубоко знаменательных для добра и зла; и в такой трудный век нам следовало ожидать появления могучего эпоса. Хотя в СССР и других странах мира за это время было написано много прекрасных книг о борьбе, шолоховский «Тихий Дон» выделяется как исключительно великий и прекрасный эпос».

В 1965 году М. А. Шолохову шведская академия за «Тихий Дон» присудила Нобелевскую премию по литературе. Казалось, что этот весьма примечательный факт всемирного признания шедевра века должен был заставить нынешних руководителей издательства «Путнам» изменить свое отношение к роману Шолохова и наконец издать его полным текстом с учетом авторских изменений и дополнений, сделанных в канонизированном издании романа в Собрании сочинений 1956—1957 годов (ГИХЛ, Москва). Однако издательство «Путнам», выпустившее в 1966 году 25-е издание «Тихого Дона» под рубрикой «Нобельпризер 1965 года», оставило свой перевод без каких-либо изменений.

Очевидно, в издательстве «Путнам» еще довлеют некие силы, которые не могут смириться с правдой истории и правдой жизни, нашедших столь блистательное воплощение в «Тихом Доне» Шолохова.

В подавляющем большинстве стран мира «Тихий Дон» печатается полным авторским текстом. Здесь нелишне напомнить, что, например, в Японии после войны «Тихий Дон» издан в шести различных переводах — настолько велика там любовь к этому роману. А в старой Англии, где очень любят трубить о свободе слова, о том, что у них нет цензуры, вот уже тридцать четыре года издательство «Путнам» издает «Тихий Дон» изуродованным и сокращенным.

Будем надеяться, что прогрессивные писатели и журналисты Англии создадут новый полный перевод «Тихого Дона» и этим положат конец литературному вандализму.

Ростов-на-Дону.

ЗОРКОСТЬ УЧЕНОГО

Академику Виктору Амазасповичу Амбарцумяну исполняется 60 лет. Наш корреспондент Ванда Велецкая попросила профессора Московского университета, известного астрофизика, доктора физико-математических наук Б. В. КУКАРКИНА, много лет знающего В. А. Амбарцумяна, рассказать о его исследованиях.

С Виктором Амазасповичем Амбарцумяном я познакомился в 1926 году. Это было в Ленинграде, в Пулковской обсерватории, куда я приехал в командировку от Общества астрономов. Было мне шестнадцать, а Виктору Амбарцумяну — восемнадцать лет. По-настоящему мы сошлись в двадцать восьмом году, на IV съезде астрономов СССР. Амбарцумяну было тогда двадцать лет, и он делал на съезде очень интересный доклад. Уже тогда он привлек ученых глубиною таланта и нетривиальностью мышления.

Что такое талант ученого? Мы тысячи раз видим одни и те же предметы и явления, но вдруг является человек, который в этом знакомом замечает то, чего мы не видели раньше. Умеет посмотреть на мир и объяснить его по-своему свежо и мудро. Именно так вошел в астрономию Виктор Амбарцумян, внеся в нее свежесть идей, смелость в объяснении явлений, интуицию, свойственную подлинному таланту.

Ему принадлежит целый ряд работ, совершивших буквально переворот во многих областях астрономии. Тут и его ранние исследования по планетарным туманностям и распространению света в мутной среде, работы зрелого Амбарцумяна по звездным ассоциациям и внегалактической астрономии, а также его последние исследования таинственных источников мощнейшего излучения, так называемых квазизвездных объектов, чрезвычайно интересующих сейчас астрономов мира.

В его творческом почерке особенно ценно, что он всегда смотрит вперед, намного вперед. Очень хорошо сказал о нем мой ленинградский коллега, член-корреспондент Академии наук СССР Виктор Соболев, в прошлом ученик Амбарцумяна, заведующий сейчас кафедрой астрофизики в ЛГУ, основанной еще Амбарцумяном: «Если Амбарцумян делает поступки, которые сейчас мы не можем объяснить, начинает работу, интерес к которой совершенно непонятен, надо ждать. Через несколько лет все прояснится».

Действительно, только теперь многим стало ясно, что все проблемы, которыми занимался и занимается Амбарцумян, не случайны, как бы далеко друг от друга они ни стояли. Все идеи, высказанные им, укладываются, как кирпичи в здание, в единую стройную теорию эволюции звезд и галактик.

Если первое из основных качеств Амбарцумяна-ученого — зоркость, то вторым бы я назвал щедрость. Свои идеи Виктор Амазаспович отдает с удивительной щедростью. Золотые крупицы их сверкают в лекциях, которые он читал в Ленинградском университете и читает сейчас в Ереванском, в примечаниях к книгам, которые он редактирует, в отзывах на чужие статьи, в работах его учеников. Приходится только удивляться огромной работоспособности ученого, той поистине титанической нагрузке, которую он несет многие годы. Академик В. А. Амбарцумян — президент Армянской Академии наук, директор астрофизической Бюраканской обсерватории, профессор Ереванского университета, главный редактор журнала «Астрофизика», депутат Верховного Совета СССР. И все он делает с полной отдачей, с душой, умом и сердцем.

Но прежде всего Амбарцумян — ученый, каких не много в мире. Он настолько поглощен своей наукой, что ни на секунду не перестает работать, думать над волнующими его проблемами. Не только в своем кабинете, но всегда и везде он все время со своей наукой. И никогда не сможет до конца насытиться ею. Это редкая способность ученого и редкое счастье.

НА ПОЛЕ БОРОДИНСКОМ

Священна для русского сердца эта земля, так обильно политая кровью. Бородино, Семеновское, Шевардино — каждое наименование рождает в сознании волнующие картины эпической битвы, в которой русские войска в 1812 году нанесли смертельную рану Наполеону. И когда ходишь по тропам, идущим от кургана к флешам, от редута к редуту, слышишь и гром сотен орудий, крики ярости, конский топот и движение огромных людских масс — История встает перед тобой со своим грозным ликом.

Но сейчас тихо на полях Бородина — гуляет ветерок, колышет травы, рощи шумят, как бы вздыхая, жизнь, такая же, как и всюду, течет спокойно и мирно.

7 сентября, в 156-ю годовщину Бородинского сражения великое поле закипело народом. Тысячи людей из Москвы, из Можайска, из окрестных сел пришли отметить годовщину Бородинского боя. Сводный оркестр Московского гарнизона исполнял старинные марши. Симфоническая увертюра Чайковского «1812 год» наполнила сердца бесчисленных слушателей трепетом и гордостью. Солдаты, одетые в форму русской армии 1812 года, создавали яркий штрих праздника.

И невольно всплывали лермонтовские строчки:

> Не даром помнит вся Россия
> Про день Бородина!

Так была отпразднована 156-я годовщина Бородина, так положено основание для утверждения традиции. Прекрасной традиции!

И до самого вечера не расходился народ, пока звезды не зажглись в небе.

Н. НИКОЛАЕВ

Фото А. Гостева.

ЛЮБИТЕЛЯМ СОВЕТСКОЙ ПРОЗЫ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВАДИМА КОЖЕВНИКОВА

Стало доброй традицией издавать собрания сочинений известных советских писателей. В скором времени книголюбы страны получат собранные в шесть томов произведения Вадима Кожевникова. Этого русского советского писателя наш читатель полюбил давно. Знакомство с ним началось с рассказов, а главным образом с повести «Март — апрель», опубликованной еще в годы войны.

Широкую популярность получил роман Вадима Кожевникова «Заре навстречу», посвященный жизни и деятельности ссыльной интеллигенции в предоктябрьские годы и в период Октябрьской революции. Этим произведением и открывается Собрание сочинений.

В шеститомник войдут также повести «Степной поход», «Мальчик с окраины», «Знакомьтесь, Балуев», «Рассказы разных лет». Завершает собрание сочинений «Щит и меч» — роман о советских разведчиках, действующих с риском для жизни за рубежами нашей Родины.

Все шесть томов выйдут в издательстве «Художественная литература» в течение 1968—1970 годов.

Читатель пополнит свою библиотеку Собранием сочинений талантливого советского писателя.

По вечерам, когда нестерпимая духота слегка спадает и в черном небе над столицей Таиланда вспыхивают мохнатые звезды тропиков, большинство таиландцев укладываются спать, обдумывая нелегко прожитый трудовой день и размышляя о новом, несомненно, тоже нелегком дне. Многие улицы Бангкока, или, как местные жители называют его, «города ангелов», пустеют, становятся тихими, дремотными.

И вместе с тем, шумными очагами в этой тишине начинается иная, не похожая на дневную жизнь — ночная. Она проходит в неисчислимых бангкокских барах, ресторанах и ночных клубах, где установлено господство «фаранга» — так здесь именуют прожигающих жизнь американцев.

В эти часы самих таиландцев на улицах не так уж и много. И это совсем не те горожане, которых мы могли бы увидеть здесь днем. Шатаются вовсю, проматывая карманные деньги, детки богатых родителей, фланируют по мостовым в поисках «клиентов» проститутки да всюду шныряют мастера «темного бизнеса», которые, едва завидев «фаранга», то есть европейца или американца, назойливо суют ему в руки нечто вроде пропуска на просмотр «подпольного», «закрытого» фильма.

Потребители таких «товаров» — главные хозяева бангкокских ночей; ради них-то и не спят местные комиссионеры. Это они, «фаранги», табунами наводнили сегодня некогда мирную, тихую древнюю страну, которая до них, до того как янки затеяли войну против мирных людей Вьетнама, столетиями не знала колонизации и колонизаторов. Только по официальным данным, в Таиланде сегодня находится сорок пять тысяч американских солдат и офицеров. Одни из них обслуживают многочисленные военно-воздушные базы, как ловчей сетью накрывшие все королевство; днем и ночью с аэродромов этих баз стартуют стратегические, сверхзвуковые, тяжелые и легкие бомбардировщики и истребители, беря курс на Вьетнам. Другие, «отдыхая» от разбоя во Вьетнаме, просто развлекаются в Бангкоке и других крупных городах Таиланда.

Особенно много ночных заведений там, где расположены американские военные базы. Если перечислять названия всех этих заведений, то список их займет не один десяток страниц.

Кто только не впутался в «темный бизнес»! Даже буддийские монастыри, и те решили погреть возле этого свои руки. Святые пастыри начали сдавать монастырские земли в аренду под строительство... все тех же ночных клубов и баров! Во время одной из инспекционных поездок генеральный директор управления по делам религий его преосвященство Пин Мутукан остановился переночевать в монастыре. Каково же было его удивление и возмущение, когда среди ночи он был разбужен воплями пьяных солдат, хохотом и визгом девиц, доносившимся до его опочивальни из близ расположенного на монастырской земле ночного клуба.

Гневу его преосвященства не было предела. Наутро Пин Мутукан заявил: «Это позор! Позор строить бары и ночные клубы на территориях, принадлежащих монастырям». Ну, а как быть с увеселительными заведениями подобного типа на других землях, немонастырских?

В последнее время на страницах таиландской прессы возник острый вопрос о так называемых «америазиатах». Кто они, эти загадочные «америазиаты»? Это дети, рожденные таиландскими женщинами от американских военнослужащих. Они бездомны и беспризорны. Их отцы, закончив отпуск, вновь отправляются во Вьетнам продолжать грязную войну — ищи, свищи таких отцов. Что же касается матерей «америазиатов», то в девяноста девяти случаях из ста это «бар герлс» — те самые в юбчонках «мини» и при номерках на груди, у которых нет ни денег, ни времени, ни желания воспитывать детей.

«Америазиатов» в Таиланде пока что около полутора тысяч, но, как установила недавно созданная специальная комиссия, на «каждую мать, родившую от американского солдата, приходятся еще три женщины, ожидающие ребенка»; а дальше этому «конвейеру» вообще не видно ни конца, ни края.

Констатировав, что положение весьма серьезно, комиссия обратилась за помощью к филадельфийской организации «Фонд Пэл Бака», которая имеет достаточный опыт в делах подобного рода. «Фонд Пэл Бака» уже оказывает «помощь» «америазиатам» в Южной Корее, на японском острове Окинава, в ряде других стран Юго-Восточной Азии. В одном из своих многочисленных выступлений представитель «Фонда Пэл Бака» после поездки по Таиланду заявил, что «цифра» «америазиатов» в стране может за год увеличиться втрое, если дело и дальше пойдет такими темпами».

Многие организации Таиланда, взволнованные создавшимся положением, пытаются как-то разрешить острую проблему. Правительство создало различные комиссии в Бангкоке и подкомиссии на местах, то есть в районах расположения американских военных баз. Но что бы они ни предлагали, главную причину зла эти комиссии и подкомиссии устранить не в состоянии. Разве могут они ликвидировать американские базы в Таиланде, вывести войска США из страны?

А. СЕВЕРОВ

Второе
Ти
Петрос

Виктор ВАСИЛЬЕВ

В разгар соревнований претендентов на шахматный престол фигура чемпиона мира временно отошла как бы на второй план. Тигран Петросян то с философским спокойствием, то со страстной заинтересованностью следил за тем, как гроссмейстеры один за другим сходят с дистанции. Но теперь шахматный мир все чаще и чаще мысленно обращается к чемпиону.

Иной раз любители шахмат ворчат. Одним не нравится стиль Петросяна, слишком уж, по их мнению, осторожный и практичный. Другие не могут простить чемпиону мира того, что в последние два года он, как правило, занимал в турнирах более чем скромные места. А кроме того, есть определенная категория людей, которые всегда стоят в оппозиции к чемпиону. Да, тяжела ты, шапка Мономаха...

Как же совместить эту неотразимую убедительность побед Петросяна в борьбе за мировое первенство с упреками в его, скажем так, чрезмерной благоразумности? Нет ли здесь противоречия? Конечно, есть. И заложено оно в сложной, не боюсь сказать, загадочной шахматной натуре Петросяна.

Если верно утверждение, что стиль — это человек, и если это утверждение применимо к шахматам, то можно предположить, что на шахматный почерк Петросяна повлияли не только особенности его характера, вкусы, привычки, но и такие сугубо житейские детали, как, например, трудное детство. Оно прошло в тяжелые военные годы. Юный Петросян рано осиротел. Он не жаловался, не хныкал, но научился трезво смотреть на жизнь.

В детстве самое сильное впечатление на Петросяна произвели книги Нимцовича. Этот шахматный пророк свято верил в свои принципы, в свою систему, в тот строгий логический порядок, который, по его твердому убеждению, должен царить на шахматной доске. Принципы, система взглядов, логика — вот что главным образом нравилось юному Петросяну. Впоследствии на вопрос, что вы больше всего цените в шахматах, Петросян ответил:

— Логику! Я глубоко убежден, что в шахматах, хотя они и остаются игрой, нет ничего случайного. И это мое кредо. Я люблю только такие партии, где я играл в соответствии с требованиями позиции... Я верю только в логичную, «правильную» игру...

Одно из откровений Нимцовича оказало на Петросяна сильнейшее влияние: «Стратегически важные пункты необходимо защищать сверх обычной нормы — защищать с избытком». Свои стратегические пункты Петросян всегда будет защищать с избытком. Уже юношей он заботился о том, чтобы загодя, когда еще, казалось бы, и не пахнет опасностью, укрепить свои аванпосты, вырыть окопы, расставить сторожевые посты.

Любопытная деталь: участвуя в семнадцать лет во всесоюзном юношеском турнире 1946 года, Петросян не потерпел ни одного поражения. Этот поразительный для юноши результат вызвал у ветерана Дуз-Хотимирского изумление, граничащее с негодованием:

— Как? Мальчишка — и не проиграл ни одной партии?!

А теперь вспомним, что много лет спустя, сыграв на пути к званию чемпиона девяносто партий — в зональном и межзональном турнирах, в турнире претендентов на Кюрасао и, наконец, в матче с Ботвинником,— Петросян потерпел всего три поражения. Девяносто и три, а ведь с какими сильными противниками приходилось бороться!

Что говорить, техника безопасности всегда была налажена у Петросяна образцово. Но — и в этом-то и заключается парадокс! — муза комбинационной игры, игры с обменом внезапными ударами, с молниеносным чередованием острых ситуаций, была ему вовсе не чужда. Больше того, с юных лет Петросян чувствовал себя именно тактиком. Он тянулся душой к запутанным лабиринтам тактических осложнений, где логика и здравый смысл часто уступают ведущую роль фантазии, тем дерзновенным вспышкам вдохновения, которые удивительным образом очеловечивают деревянные фигурки, придают их действиям подлинный драматизм, поднимают их борьбу до высот своеобразного искусства.

Петросян жил этим искусством. Что бы он потом ни говорил о «правильной» игре, он всегда готов был несколько цельных в позиционном смысле партий променять на одну, расцвеченную узорами комбинаций. Но в том сплаве рассудка, темперамента, шахматных познаний, в сложном сочетании, которое обозначается коротким словом «стиль», Петросян-человек вступал в разлад с Петросяном-шахматистом, Петросян-реалист вступал в разлад с Петросяном-романтиком. А в этом разладе, который часто переходил в ожесточенный внутренний конфликт, право вето принадлежало Петросяну-реалисту...

Непримиримый, никогда не прекращающийся спор двух «я» будет неизменно придавать игре Петросяна оттенок загадочности, двойственности, которая обманывает порой даже глубоких знатоков. Спасский, например, в начале своего матча с Петросяном несколько раз пытался навязать сопернику острый тактический бой. Многим экспертам, не только самому Спасскому, такая стратегия казалась наиболее опасной для Петросяна. Опытный мастер и журналист Панов, например, не сомневался, что Спасский «будет, подобно русалке, тащить упирающегося Петросяна в омут не поддающихся точному расчету осложнений. Во всяком случае, выиграть матч у Петросяна можно только так!»

Вспомним, что из этого вышло. В седьмой партии Спасский, едва успев закончить развитие белых фигур, начал наступательные действия чуть ли не на всей доске, не останавливаясь перед жертвами пешек. Но Петросян сравнительно долго продержал своего короля в центре, а потом вдруг рокировал его в длинную сторону, именно туда, где белые пешки уже начали штурм.

Увод короля под огонь вражеских батарей представлял собой решение не только отважное и неожиданное для Спасского, но и

весьма дальновидное. Потому что очень скоро черные воздвигли на ферзевом фланге непреодолимый пешечный заслон и полностью забетонировали убежище короля, в то время как на противоположном фланге открытая линия была кровоточащей раной в позиции белых.

Любопытно, что в пресс-бюро гроссмейстеры Симагин, Котов, Холмов в семнадцатом ходе Петросяна, которым он наглухо закупорил ферзевый фланг, увидели только стремление запереть позицию и, стало быть, держать курс на очередную ничью. Даже прозорливый Таль, и тот не сразу разгадал дальний прицел черных.

— У кого лучше? — спросил я Таля. Бросив взгляд на демонстрационную доску и увидев только что сделанный Петросяном ход, Таль ответил:

— Теперь у Спасского!

Вот насколько прочно укоренилось мнение, что чемпион мира любой ценой будет избегать тактических переживаний! Даже когда Петросян, обезопасив своего короля, отдавал, по существу, последние распоряжения «по дому» перед началом генерального сражения, и тогда в его действиях видели только стремление к спокойному существованию.

Между тем второе «я» Петросяна получило карт-бланш! Спустя несколько ходов фигуры чемпиона обрушились на растерзанный королевский фланг белых, а потом он пожертвовал ладью и бросил в бой все до одной пешки в центре и на королевском фланге. Белые фигуры были смяты и отброшены этой пешечной лавиной, и король остался один в томительном ожидании неизбежного нашествия черных пехотинцев. Когда партия откладывалась, Петросян записал ход, которым его конь приносил себя в жертву, но зато при этом уходила из боя единственная белая пешка, которая, как фиговый листок, прикрывала наготу короля. И белые объявили о капитуляции...

В десятой партии Спасский вновь навязал сопернику рукопашный бой. Началось все после неосторожного пятнадцатого хода, которым Петросян позволил черным начать опасные тактические осложнения. Казалось, вот оно, Спасский добился своего! Но странное дело — как только в борьбу вмешалась тактика, Петросян тут же одним-двумя ударами перехватывает инициативу да при этом еще жертвует ладью за слона! И Спасский, который только что собирался диктовать противнику свою волю, вдруг убеждается, что ему надо немедленно переходить к обороне. Эта молниеносная смена декораций действует на него ошеломляюще, и он, растерявшись, уже не может хладнокровно взвесить последствия своей оплошности. Петросян пожертвовал еще одну ладью, на этот раз за коня, а потом позиция словно в награду за смелость доставила ему редкое удовольствие — возможность пожертвовать и ферзя! На тридцатом ходу Спасский остановил часы...

Как ликовало второе «я» Петросяна! Как гордился «зашифрованный» до поры до времени Петросян-тактик тем, что наконец-то смог заявить о своем существовании, да еще в какой момент и по какому важному поводу!

Спасский получил второе предостережение, но потребовалась еще одна, двенадцатая партия, чтобы он смог расстаться с иллюзиями. В этой партии обе стороны долго перегруппировывали силы, готовясь к тактическому бою на одном и том же участке — королевском фланге. И когда этот бой закипел, не сразу можно было понять, кто атакует, а кто защищается: атаковали оба! И оба соперничали в решительности, в находчивости, в презрении к опасности.

Этот встречный бой производил огромное впечатление. С благоговейным трепетом следили зрители за развертывавшейся на их глазах драмой.

Что сделал «осторожный» Петросян? Может быть, увел одного из своих слонов, которые в какой-то момент оба оказались под ударом? Нет, он пожертвовал ладью за слона, и в этот момент стали отчетливо проступать контуры глубокой комбинации чемпиона мира.

В пресс-бюро гроссмейстеры шумно стучали фигурами: «мельница», вот оно что! Затаенная мечта каждого шахматиста — осуществить комбинацию типа «мельница», когда ладья и слон непрерывно атакуют короля, а его войско не может прийти на помощь. Мексиканец Торре стал бы знаменит, даже если бы выиграл в своей жизни лишь одну-единственную партию — ту самую в московском турнире 1925 года, когда под жернова «мельницы» попал сам Ласкер. И вот теперь Петросян тащил упирающегося Спасского в омут у «мельницы».

На тридцать первом ходу наступает кульминационный момент бурной схватки: Петросян не только оставляет под боем своих слонов, но ставит под удар еще и коня! Создалась необычайной красоты картина, когда три белые фигуры, выстроившись в ряд, предлагали себя в жертву — бери любую!.. Казалось, триумф Торре будет повторен в еще более эффектной интерпретации, да к тому же — небывалый случай! — в матче на первенство мира...

В этот момент я тихонько подсел к находившемуся в зале Болеславскому. Обычно невозмутимый, он склонил голову над карманными шахматами и лихорадочно проверял комбинацию Петросяна. Да, ошибки не было, «мельница» была сработана на совесть, и вот сейчас жернова придут в движение. Но вдруг Болеславский, подняв голову и взглянув на демонстрационную доску, чуть слышно застонал: Петросян, поспешив в цейтноте, сделал ход, который разрушил весь замысел! Этот ход не проигрывал, нет, но вместо прекрасной победы, которая доставила бы эстетическое наслаждение миллионам любителей шахматного искусства, «мельница», увы, смолола очередную ничью...

Петросян был безутешен. Ему не раз приходилось выслушивать упреки в сухости игры, в чрезмерной осторожности. И вот в единоборстве с опаснейшим противником он, осторожный Петросян, в седьмой партии жертвует ладью за коня, в десятой отдает уже две ладьи за легкие фигуры, да еще и ферзя в придачу, а в двенадцатой осуществляет целый каскад жертв! Заверши он логически свою грандиозную комбинацию, и самые придирчивые критики вынуждены были бы признать, что благоразумному, рациональному Петросяну не чужды романтические порывы...

«Конечно,— писал впоследствии Таль,— со спортивной точки зрения эта ничья ничем не ухудшила его положения, но неутолимая жажда художника, чувство обиды за то, что прекрасный замысел остался неосуществленным, портили настроение».

И еще как портили! Обычно реалист, как мы знаем, подчинял в себе романтика. Но на этот раз Петросян-художник страшно разгневался на Петросяна-спортсмена. Петросян-тактик обвинял в превышении власти Петросяна-стратега. Словом, второе «я» перессорилось с первым. Наступила депрессия, которую Петросян сумел преодолеть лишь с огромным трудом.

А теперь давайте вернемся к седьмой партии. Как вы думаете, почему Петросян записал ход, которым он жертвовал коня? Ведь были у него и другие, более спокойные возможности завершить партию тем же результатом? Вопрос вовсе не такой малозначительный, как может показаться на первый взгляд. И после матча я задал его чемпиону мира.

— Жертва коня была самым энергичным, самым решительным и, стало быть, самым лучшим продолжением,— последовал ответ.

— А эффект? — продолжал допытываться я.— Не было ли тут затаенного желания сыграть не только решительно, но еще и красиво?

Говоря это, я прекрасно отдавал себе отчет в том, что жертва коня была довольно очевидна и не могла составлять предмет гордости для чемпиона мира, но все же это был записываемый ход, а в таких случаях опытные шахматисты стараются избегать обязывающих решений.

Петросян, не колеблясь, отверг это предложение. Нет, нет, это не для него! Просто позиция требовала хода конем, и он, как всегда, подчинился логике.

Помню, я был разочарован таким ответом. Мне казалось тогда, как кажется и сейчас, что Петросян был не вполне искренен. Что там ни говорите, а эффектный ход все равно должен доставлять артисту некое, может быть, даже не столь уж малое удовольствие.

Второе «я» Петросяна, тщательно им скрываемое, живущее где-то за ширмой, не оно ли побудило его пожертвовать коня? И не постеснявшись ли потом этого своего романтического порыва (как стесняется иногда ученый признаться в том, что втайне пописывает стишки), он холодно отказался от водивших его рукою чувств, приписав заслугу только трезвому рассудку?..

Но если Петросян действительно превосходный тактик, умеющий искусно лавировать между рифами комбинационной игры, то почему же он так редко пускает это свое оружие в ход? — может спросить читатель.

На это я постараюсь ответить словами самого Петросяна. После матча со Спасским я спросил чемпиона мира:

— Объясните, пожалуйста, кто же вы сами. Вас всегда считали сторонником сугубо позиционной игры, крупнейшим мастером защиты. Теперь, кажется, многие «открыли» в чемпионе мира комбинационный талант?

— Все это очень и очень непросто...— ответил Петросян.— Каждый играет так, как ему положено природой. Мне по натуре свойственна осмотрительность, я вообще не люблю ситуаций, связанных с риском. Воспитывался я на партиях Капабланки и Нимцовича, они вошли в мою шахматную плоть и кровь. Таким меня воспитал в тбилисском Дворце пионеров Арчил Эбралидзе, таким я буду всегда. Но я никогда не жаловался на комбинационное зрение!..

Лучше всего по этому поводу сказал Таль, заметивший как-то, что Петросян сам драку не начинает, но всегда дает сдачу...

В тот вечер, когда Петросян завоевал в матче со Спасским двенадцатое очко, оставлявшее за ним титул чемпиона, он позволил себе дома выпить рюмку коньяка. Когда ему хотели налить вторую, он отказался в пользу апельсинового сока, заметив:

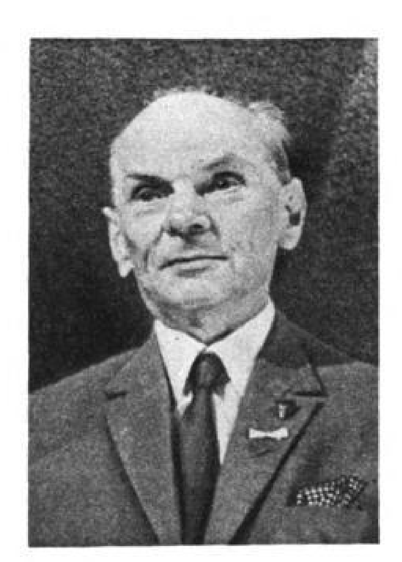
— Надо, знаете ли, думать о следующем матче.

Хотя сказано это было, конечно, с улыбкой, я внутренне содрогнулся. Вот она, судьба чемпиона. Не успел еще сбросить с себя бремя одного матча (о котором думал, которого ждал, не переставая, все три года), а уже мыслями его завладел следующий.

Неизбежность очередного поединка, который ничем не мог быть предотвращен или даже отсрочен, неминуемость встречи с сильнейшим из сильнейших — вот что должно было окрашивать собой три следующие года в жизни Петросяна. Да и время отныне измерялось для него не годами, а трехлетиями...

— Матч отнимает год жизни,— говорил Ботвинник. Интересно, а сколько месяцев (или лет?) отнимает ожидание матча?.. А если это ожидание сопровождается вдобавок еще средними успехами в турнирах? Ведь тогда чемпиону еще тяжелее?

Да, все это так. Но я бы хотел предостеречь тех, кто склонен придавать большое значение неудачам чемпиона мира в турнирах последних лет. В матче со Спасским Петросян затратил много нервной энергии, и восполнить сразу эти затраты он не смог, как не смог и все время держать тетиву натянутой. Но спад боевого настроения чемпиона не есть ли своего рода защитная реакция? Может быть, именно этот спортивный и творческий отпуск даст возможность Петросяну добиться согласия между обоими «я» и собрать воедино все то, что позволило ему стать чемпионом, а потом и отстоять свой титул?

Умер Николай Павлович Акимов.

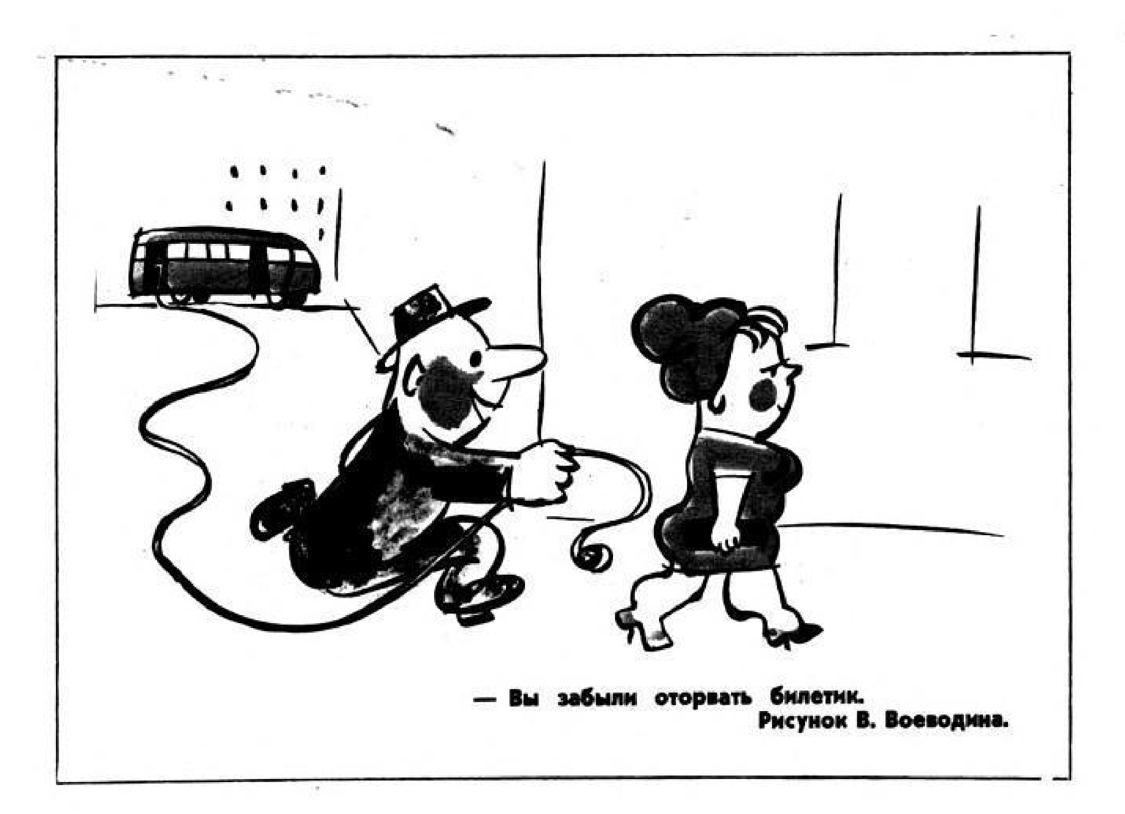
Все люди уходят, когда наступает их черед. Это, увы, естественно, и с этим ничего не поделаешь. Жаль каждого человека; всегда кажется, что человек свое не дожил. Но есть люди, чей уход из жизни воспринимается как особенно горькая и глубокая несправедливость.

Именно так отозвалась тяжелая весть о смерти народного артиста СССР Николая Павловича Акимова в сердцах всех, кто любит искусство. Режиссер, художник, педагог, публицист, он был человеком огромной культуры, одаренным щедро и разносторонне. Все, к чему бы ни прикоснулась его рука, несло отпечаток его неповторимой индивидуальности. В любом спектакле Ленинградского театра комедии, главным режиссером которого он был много лет, безошибочно виден его почерк художника-режиссера. Острая выразительность творчества исходила из подлинной самостоятельности, яркой индивидуальности художника и человека. Но не только за блестящий талант кланяюсь я ему низко. Но и за то, что он всегда учил людей любить искусство, любить театр.

Николай Павлович был тружеником, одержимым делом своей жизни. Подлинным работником искусства в самом высоком и одухотворенном смысле этого слова. Он работал всегда — даже в отпуске, даже тяжелобольным.

Вечная память поколений будет с вами, Николай Павлович.

Лидия СУХАРЕВСКАЯ,
народная артистка РСФСР

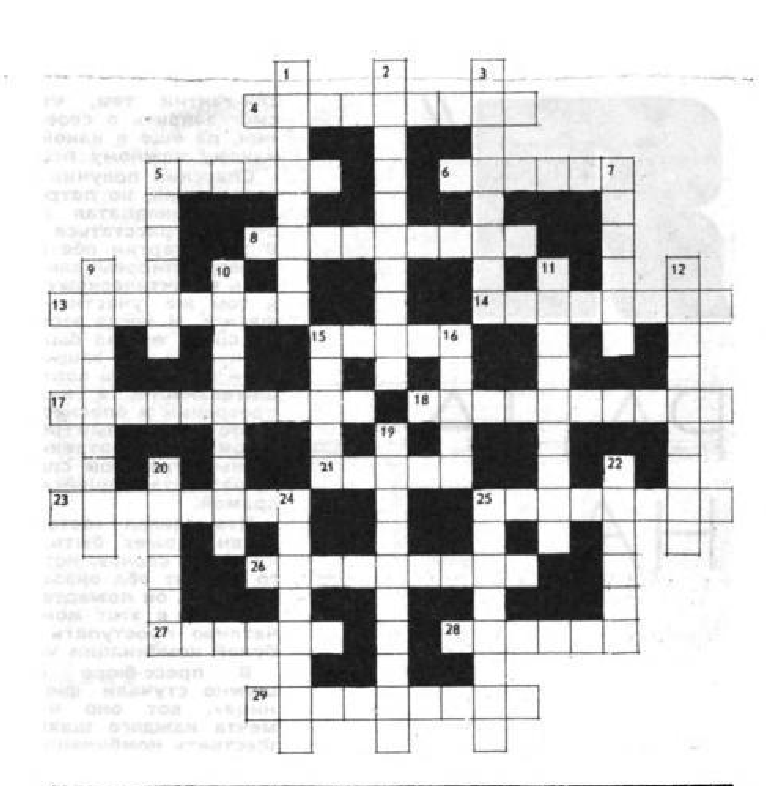
— Вы забыли оторвать билетик.
Рисунок В. Воеводина.

Рождение моды.
Рисунок Б. Боссарта.

— А теперь, батенька, жмите...
Рисунок Б. Боссарта.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Советский живописец, график. 5. Дипломатический ранг. 6. Русский писатель. 8. Освещение солнечными лучами. 13. Вид местности с высоты. 14. Цитрусовое дерево. 15. Река в Якутской АССР. 17. Набор чертежных инструментов. 18. Учреждение для хранения и выдачи книг читателям. 21. Сорт шелковой ткани. 23. Прибор для измерения коэффициента мощности. 25. Спор, дискуссия. 26. Французский физик, открывший явление радиоактивности. 27. Месяц года. 28. Государство в Европе. 29. Раздел грамматики.

По вертикали:

1. Водяная лилия. 2. Птица семейства вьюрковых. 3. Кровельный материал. 5. Тетрадь для рисунков, фотографий. 7. Приток Самары. 9. Снаряжение охотника. 10. Путевая машина. 11. Роман Э. Золя. 12. Часть педагогики. 15. Город в ОАР, расположенный в дельте Нила. 16. Минерал, разновидность агата. 19. Наиболее яркая звезда в созвездии Тельца. 20. Основной аккорд лада. 22. Водопад в Финляндии. 24. Поэт-декабрист. 25. Древний каменный век.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали:

5. Экскаватор. 8. Барсук. 9. «Тамара». 11. Плотина. 12. Корсика. 13. Коса. 14. Сахара. 16. Футбол. 18. Аксонометрия. 21. Кеклик. 23. Кварта. 24. Обва. 25. Извеков. 27. Гульден. 28. Нектар. 29. Рапорт. 30. Веллатрикс.

По вертикали:

1. Скидка. 2. Шкатулка. 3. Параграф. 4. Портик. 6. Гротеск. 7. Марсала. 8. Беллинсгаузен. 10. Аккомпанемент. 15. Риони. 17. Устав. 19. Уклейка. 20. Дальтон. 22. «Консуэло». 23. Канистра. 26. «Вертер». 27. Геракл.

На первой странице обложки: Отцу и сыну Залихановым вместе 166 лет. Оба заядлые альпинисты. Только на вершине Эльбруса они побывали 347 раз! (См. в номере очерк «Если посмотреть с Эльбруса».)
На последней странице обложки: Горняки Тырныауза. Кафе на берегу Голубого озера.

Фото Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники—250-14-70; Юмора—253-32-13; Спорта—253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00482. Сдано в набор 27/VIII-68 г. Подписано к печ. 10/IX-68 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,58. Тираж 2 033 000 экз. Изд. № 1804. Заказ № 2455.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

ПРИЛОЖЕНИЕ К «ОГОНЬКУ» НА 1969 ГОД

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
В 4 ТОМАХ**

Том первый. Стихотворения 1828—1841 гг.
Том второй. Поэмы и повести в стихах.
Том третий. Драмы и трагедии.
Том четвертый. Проза. Письма.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И. А. КРЫЛОВА
В 2 ТОМАХ**

Том первый. Басни. Стихотворения. Пьесы.
Том второй. Почта духов. Повести и сатиры. Письма о театре и рецензии.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Н. А. ОСТРОВСКОГО
В 3 ТОМАХ**

Том первый. Как закалялась сталь.
Том второй. Рожденные бурей. Статьи и речи.
Том третий. Письма.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
С. А. ЕСЕНИНА
В 3 ТОМАХ**

Том первый. Лирика.
Том второй. Поэмы.
Том третий. Проза. Очерки. Статьи. Заметки. Письма.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
А. П. ЧЕХОВА
В 8 ТОМАХ**

Том первый. Рассказы 1883—1885 гг.
Том второй. Рассказы 1886—1887 гг.
Том третий. Рассказы и повести 1888—1891 гг.
Том четвертый. Рассказы и повести 1892—1894 гг.
Том пятый. Рассказы и повести 1895—1903 гг.
Том шестой. Драматические произведения. Рассказы и фельетоны, не включенные А. П. Чеховым в собрание сочинений.
Том седьмой. Путевые записки. Записные книжки.
Том восьмой. Избранные письма.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
А. К. ТОЛСТОГО
В 4 ТОМАХ**

Том первый. Стихотворения и поэмы.
Том второй. Князь Серебряный. Рассказы. Очерки.
Том третий. Драматическая трилогия (Смерть Иоанна Грозного; Царь Федор Иоаннович; Царь Борис).
Том четвертый. Дон Жуан. Посадник. Избранные письма.

Собрания сочинений будут иллюстрированы.

52 КНИЖКИ «БИБЛИОТЕКИ «ОГОНЕК» СОВЕТСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Подписка на журнал «Огонек» и литературные приложения к нему принимается в городских отделениях «Союзпечати», конторах и отделениях связи, а также уполномоченными на заводах и фабриках, шахтах, промыслах, стройках, в колхозах и совхозах, РТС, учебных заведениях и учреждениях.

Редакция журнала «Огонек» и издательство «Правда» подписку не производят.

Цена номера 30 коп.